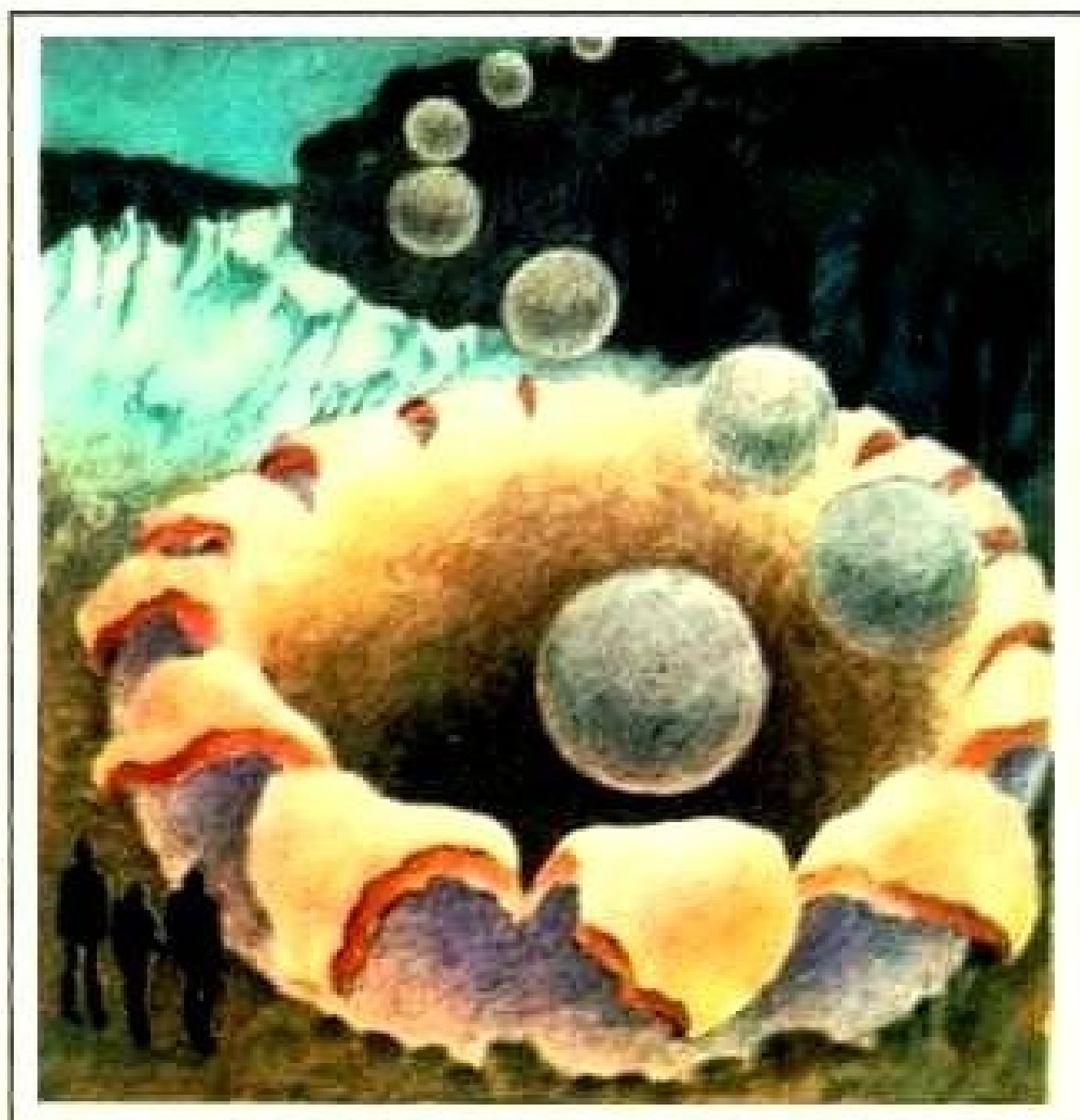

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР БУЛЫЧЕВ

ПЕРЕВАЛ

Annotation

Кир Булычев. Перевал. Научно-фантастические повести. / Худож. К. Сошинская. М.: Молодая гвардия. 1983. — (Библиотека советской фантастики). — 352 стр., 1 р. 10 к., 100 000 экз.

На далекой планете среди холодной ледяной пустыни, на заснеженном перевале, стоит заброшенный космический корабль...

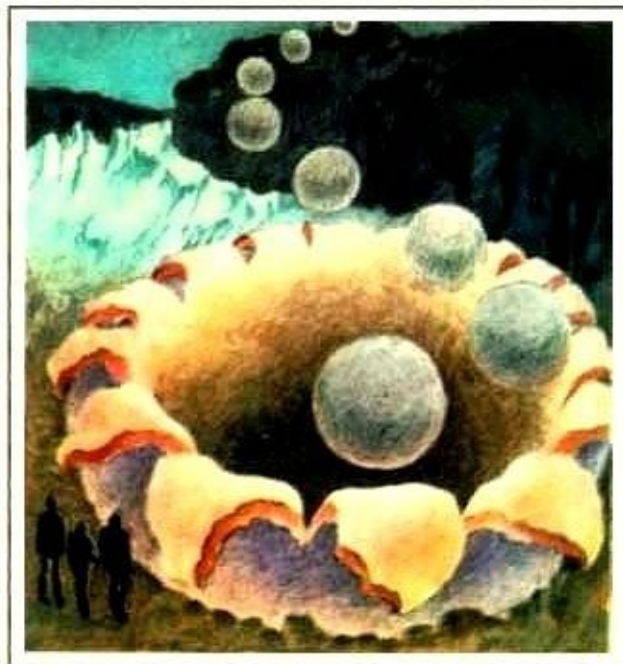
- [Кир Булычев](#)
- [ЦАРИЦЫН КЛЮЧ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ](#)
 - [1. О некрасивом биоформе](#)
 - [2. Гусар и Золушка](#)
 - [3. Проект-18](#)
 - [4. Землетрясение](#)
 - [ПЕРЕВАЛ](#)
-

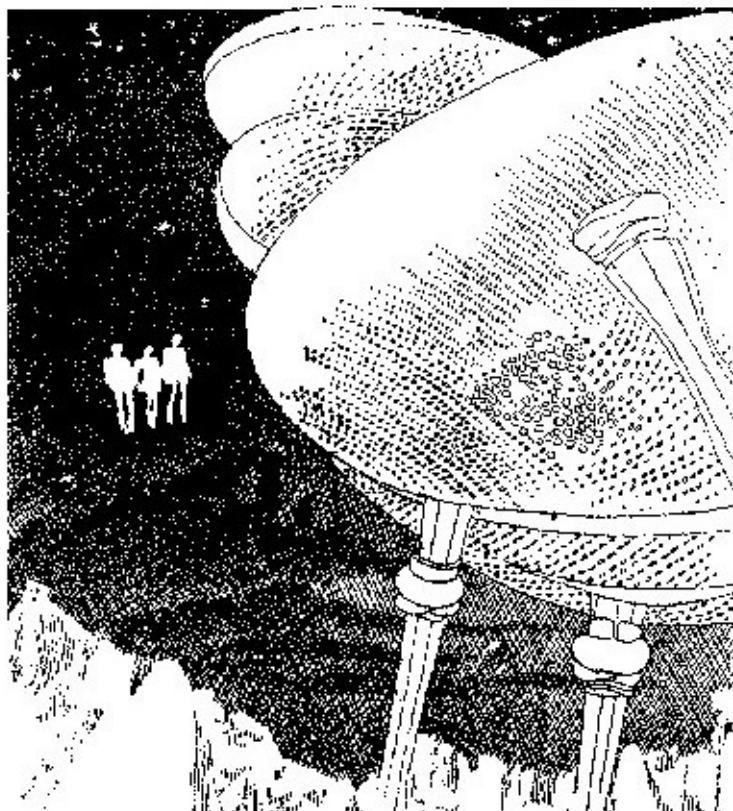
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР БУЛЫЧЕВ

ПЕРЕВАЛ

Кир Булычев
ПЕРЕВАЛ (сборник)

ЦАРИЦЫН КЛЮЧ

Некогда, при царе Алексее Михайловиче, Нижнесотвинск чуть было не стал настоящим городом. Но постепенно другие уральские города отобрали у него население и славу. Рудознатцы не отыскиали там железа и самоцветов, а железная дорога прошла на сто верст южнее. Так, в обидах и небрежении, Нижнесотвинск дожил до наших дней, едва выслужившись до районного центра. И то лишь потому, что район был слишком отдаленным: в нем не нашлось больше ни одного города.

Когда Элла Степановна сошла с запыленного автобуса на центральную площадь, она прониклась к Нижнесотьвинску состраданием. Он показался ей похожим на старую деву, потерявшую надежду на личное счастье.

Элла Степановна поправила непокорные рыжеватые волосы и обернулась к автобусу, опасаясь, что Андрюша и Вениамин обязательно что-нибудь забудут. В экспедиции кто-то должен следить за порядком, а кто-то должен все терять. К сожалению, за порядком приходилось следить Элле, а все теряли остальные.

На размякшую от жары, штопаную асфальтовую мостовую легко спрыгнул Андрюша с двумя чемоданами и гитарой через плечо. Элла Степановна подумала, что, будь она его матерью, обязательно заставила бы постричься. Выгоревшие, до плеч патлы в сочетании со слишком потертыми джинсами вызывают к юноше недоверие.

Андрюша поставил чемоданы на асфальт, глубоко вздохнул, обвел ленивым синим взглядом площадь, окруженную разного возраста и сохранности двухэтажными домами.

— Помоги Вениамину, — сказала Элла Степановна.

Вениамин как раз застрял в двери автобуса, заклинившись рюкзаком, и старался освободиться, не потеряв чувства собственного достоинства. Он был крайне самолюбив и легкоранним, как и положено аспиранту, который отлично играет в шахматы, но всю жизнь мечтал стать боксером.

Андрюша вместо того, чтобы помочь старшему товарищу, глупо захохотал. Спасибо, старушка, которая ждала очереди выйти из автобуса, сильно толкнула Вениамина в спину, и тот вылетел прямо в руки Андрюше. Тут же резко вырвался и намеревался обидеться, но Элла Степановна мудро пресекла эту попытку, спросив:

— Где синяя сумка?

— Я так и знал, — сказал Андрюша и полез в автобус.

Через полчаса фольклорная экспедиция сидела в столовой № 1 Нижнесотьвинского райпищеторга, ела пельмени, запивала компотом и размышляла, что делать дальше.

Последние восемьдесят километров до Полуехтовых Ручьев оказались самым трудным участком тысячекилометрового пути. Автобус туда не ходил, попутных машин не нашлось.

Рядом уселся местный доброхот Гриша Пантелеев в белой фуражке. Пантелеев был пессимистом.

— Нет, — говорил он, прихлебывая теплое пиво, — до Ручьев вам не доехать. И не надейтесь. Это я точно говорю. Легче обратно в Свердловск. Я как-то в Ручьи собрался за малиной, малина там как яблоки, три дня

попутки ждал, плюнул. И вам советую.

— Разве туда машины не ходят? — спросила Элла Степановна, которая была убеждена, что машины ходят всюду.

— Ходят, — согласился Гриша. — Прямо отведу — ходят. Молоко оттуда возят, в кружевную артель машина ходит. Ревизия в том месяце ездила тоже на машине.

— Почему ревизия? — спросил Андрюша. — Воруют?

Пантелеев удрученно поглядел на Андрюшины патлы и ответил Элле Степановне:

— Темный они там народ. Уже третий раз скандал. Молоко привезут, а вытрясти не могут.

— Простокваша? — спросил Андрей.

— Масло, — ответил Пантелеев Элле Степановне. — Чистое масло. Наверное, вредители.

— Дорога плохая, — сказал Вениамин. — Происходит сепарация жиров.

— Дорога разная, — возразил Пантелеев. — Но вернее всего, воруют. Клюкву видали? Клюква как помидор. Зачем это клюкве?

— А сегодня больше машин туда не будет? — спросил Вениамин.

Вениамину Пантелеев отвечал. Вениамин был в очках.

— Не надо вам туда, — сказал он. — Раз вы песни и сказки собираете, оставайтесь здесь. Лучше места нету. Посидим, поговорим, я вам такие песни спою — ахнете! Я узбекские знаю и итальянские. Композитора Пахмутову пою. Хотите, исполню? Магнитофон с собой?

— Спасибо, не надо, — сказала Элла Степановна терпеливо. — Нижнесотвинск уже охвачен. Нас интересует именно фольклор Полуехтовых Ручьев.

— Это последнее «белое пятно» на фольклорной карте Урала, — добавил Вениамин.

— Понимаю, — сказал Пантелеев, — как не понять. Пускай остаются «белым пятном». Чего их жалеть? Вы лучше послушайте...

И Пантелеев запел бодрую молодежную песню, размахивая не в такт пивной кружкой. Девушка за буфетной стойкой крикнула:

— Пантелеич, уймись!

— Мы фольклор собираем, — возразил Пантелеев. — Сейчас все вместе споем, а экспедиция на магнитофон запишет. Ты, Вера, слова знаешь?

Он поднялся, отошел к стойке и стал напоминать буфетчице слова.

Вениамин пожал плечами, Андрюша сказал:

— Может, сбежим? Я с шофером на площади потолкую. А то пешком пойдем. Восемьдесят километров не расстояние для энтузиастов.

— Убежим, — согласилась Элла Степановна.

Но тут дверь в столовую распахнулась и вошли два человека.

Первый, с толстым портфелем в руке, был высок ростом, немного сутул и предупредителен в движениях. Даже в такую жару он оставался в темном костюме, сиреневой сорочке и вишневом галстуке. У него было длинное очень белое лицо, ровно расчерченное поперечными полосками — полоской рта, полоской усиков, полоской темных глаз и полоской тонких, сросшихся над переносицей бровей.

Вслед за ним вошел богатырь в мятых просторных брюках и серой рубашке с закатанными рукавами. У богатыря было розовое младенческое лицо, голубые глаза навывкате и мокрые губы. Пшеничные кудри прилипали ко лбу.

Они подошли к стойке и остановились перед ней, как нью-йоркские миллионеры перед витриной ювелирного магазина — небрежно, лениво, все по карману, все доступно.

— Рыбки не привезли? — ласково спросила буфетчица.

— Рыбки нету, Вера, — печально ответил высокий.

— Гурген спрашивал, — сказала Вера, глядя на богатыря.

Богатырь оттеснил локтем Пантелеева и приказал:

— Печенья «Юбилейного» три пачки, полкило лимонных, бутылку шампанского. Гургену скажешь, что в четверг. — Потом обернулся к высокому и спросил: Эдик, шампанское будешь брать?

И тут в разговор вмешался Пантелеев.

— Слушай! — закричал он взволнованно. — Все правильно! Я же предупреждал!

Богатырь, не обращая на него внимания, раскрыл бумажник и стал считать деньги.

— Ты не отворачивайся, не отворачивайся, — обиделся Пантелеев. — Люди из Свердловска к тебе ехали, с трудом разыскали.

— Вы к Васе? — спросил высокий Эллу Степановну.

— Я им так и говорю, — сказал Пантелеев. — До Ручьев вам в жизни не доехать. Нет такой сказки. Если только, говорю, Эдуард с Васей захватят.

— Вы из Полуехтовых Ручьев? — догадалась наконец Элла Степановна. — И у вас есть машина?

Губы Эдуарда натянулись в улыбке.

— В гости? — спросил он. — Или по делу?

Богатырь Вася приоткрыл рот, думал и показывал выражением лица,

что экспедиция ему не нравится.

— Мы фольклорная экспедиция, — сказала Элла.

— Нет, — сказал Вася, — наша машина вам не подойдет.

— Ты что! Ты что! — возмутился Пантелеев. — Они песни собирают.

Я тут им одну пел.

— Нам все равно! — вмешался Андрюша. — Хоть на танке.

— Танков у нас нет! — Высокий Эдуард направился к Элле, протягивая узкую руку. — Но чем можем, готовы помочь. Всегда готовы. Винокуров Эдуард Олегович, временно проживаю в деревне Полуехтовы Ручьи. Можно сказать, местная интеллигенция. Значит, за песнями?

— За песнями тоже. — И Элла представила ему спутников.

— Это изумительно, превосходно! — обрадовался Эдуард. — У нас в деревне чудесные песни. Старухи помнят. И молодежь тоже. Надолго к нам?

— На месяц, если все пойдет как надо.

— Спасибо, — сказал Эдуард, — нашей науке, что не забывает об отдаленных поселениях. У нас и сказки бытуют. Или вы сказками не интересуетесь?

— Груз у нас в кузове, — сказал богатырь Вася. — Тесно.

— В тесноте, — назидательно обернулся к нему Эдуард, — но не в обиде. Элле Степановне уступим место в каюте. Товарищи, вы закончили питание?

— В любой момент готовы в море, — не выдержал Андрюша.

Элла Степановна окатила его холодным взглядом, Вениамин толкнул острым локтем, а Эдуард положил на плечо руку и сказал:

— Замечательно. Отличная у нас растет молодежь, смелая, решительная! Ты в какой класс перешел?

— На второй курс, — сказал Андрюша и осторожно двинул плечом. Эдуард руку убрал и посмотрел на электронные часы.

— Сбор на площади, — сказал он. — В семнадцать сорок пять. Успеете, коллеги? Где ваше оборудование? Приборы? Багаж?

— Все здесь, — нежно ответила Элла Степановна. — Только вы без нас не уезжайте, пожалуйста.

Брови Эдуарда поползли вверх, остановились, сломались пополам, лицо стало скорбной, трагической маской.

— Не смейте так думать! — сказал он тихо. — Пошли, Вася.

Богатырь Вася прижал к груди пачки с печеньем и шампанским и повернул к фольклористам неодобрительную спину.

Элла гусыней увела своих юношей обратно к столу, а Пантелеев

покинул стойку и, высоко неся пивную кружку, приблизился к ним:

— За здоровье присутствующих здесь дам! И... что бы вы без меня делали?

Тогда Андрюша достал из кармана значок с изображением Карлсона, который живет на крыше, и торжественно приколот к груди Пантелеева. Тот не обиделся, выпятил грудь, чтобы Андрюше было сподручнее прикалывать, и косил глазом, забыв о кружке, из которой лилось на пол пиво.

Грузовик из Полуехтовых Ручьев стоял у приземистого коричневого собора, над которым кружились галки. Из-за зеленого борта кузова торчали крышки молочных бидонов. Вениамин подавал снизу вещи, Андрюша забрался внутрь и принимал их, а Элла Степановна вслух считала, чтобы ничего не забыть. В голове Вениамина зрело элегантно решение известной задачи Шлеппентоха с жертвой двух коней, но он отгонял решение и старался дышать редко и глубоко по рецепту йога Рамакришнадэвы.

Подошли Эдуард с Васей. Они тащили за рукоятки еще один бидон. Эдуард издали помахал свободной рукой, радуясь встрече. Вася глядел вдаль. Поставив бидон на асфальт, они перевели дух, и Эдуард спросил:

— Мы вас не заставили ждать?

— Что вы! — возразила Элла Степановна. — Не о чем говорить.

— Замечательно! Через двенадцать минут в путь. Элла Степановна в каюте, а я с молодыми людьми на верхней палубе. Возражений нет?

— Я пошел, — сказал Вася.

— Замечательно. Иди. И возвращайся. Даю тебе четыре минуты.

Эдуард обернулся к Элле и разъяснил:

— Обязательные закупки. Жизнь в отдаленной деревне обрекает нас на выполнение отдельных поручений наших земляков.

— Разумеется, — согласилась Элла Степановна.

— А теперь, — Эдуард потер ладони, — наша насущная задача — поставить бидон в кузов так, чтобы его не опрокинуть. Могу ли я рассчитывать на помощь моих молодых коллег?

Андрюша ринулся к бидону, но Вениамин отстранил его.

— Я сам, — сказал он. Сказал сурово, просто, по-мужски.

Андрюша не стал спорить, он вспомнил, что забыл купить сигареты, и помчался через площадь к магазину — патлы веером, а Эдуард крикнул весело вслед:

— Имеешь три минуты! Море не любит опоздавших!

— Есть, капитан! — ответил на бегу Андрюша.

Эдуард поднял тяжелый бидон, протянул к небу, будто посвящал его в жертву Солнцу, а Вениамин, перегнувшись из кузова, принял груз. При этом он сильно рванул на себя, подошвы скользнули, Вениамин сел в кузов, крышка бидона отлетела, сам бидон ухнул по мягкому, придавив аспиранта,

и на несколько секунд грянуло тяжелое безмолвие неизвестности.

Тишину нарушил стук капель. Темная жидкость, проникнув между досок кузова, выбивала дробь по асфальту, расплываясь в зловещую чернильную лужу.

— Кровь, — прошептала Элла Степановна, — человеческая кровь.

Шепот ее был громок и страшен. Кричали галки.

— Нет, — ответил тоже шепотом Эдуард, — это, наверное, не кровь...

Из кузова донесся удар, потом слабый голос Вениамина:

— Почти ничего не пролилось.

— Ты поврежден? — спросила Элла Степановна, поднявшись на цыпочки, чтобы заглянуть через борт. Эдуард обнял женщину и приподнял.

— Спасибо, — сказала Элла, не оборачиваясь. Все ее внимание было устремлено внутрь кузова.

— Я цел, — сказал Вениамин, закрывая бидон.

Он поднялся. Элла в ужасе запрокинула голову.

Лицо Вениамина было разделено пополам широкой черной вертикальной полосой, которая продолжалась на рубашке и, раздваиваясь, нисходила по брюкам. Руки были черными по локоть.

— Что с тобой, мой мальчик? — Элла Степановна отпрянула, и Эдуард, который продолжал держать ее на весу, был вынужден отступить на два шага.

— Это вытекло из бидона, — сказал Вениамин. — Во всем виноват только я один.

— Вы должны были предупредить, — сказала скорбно Элла Степановна и поняла, что находится в воздухе. — Отпустите меня!

Эдуард подчинился и перевел дух.

— Я хотел вам помочь, — сказал он.

— Надеюсь, — сказала Элла Степановна. — Вениамину надо умыться.

Эдуард хмыкнул.

— Ничего смешного, — сказал Вениамин.

— Я не смеюсь. Но придется потерпеть до реки, — сказал Эдуард. — Километра через два. Это спиртовая тушь. Отмывается, простите, с трудом. Василий весь запас в канцелярском магазине купил.

— Спиртовая тушь? Это еще зачем? — спросила Элла Степановна.

— Пузырьками покупали, — сказал Эдуард. — Целое состояние. Вася будет переживать. Он полы красить хотел.

Вениамин смотрел на свои ладони и страдал. Он был сам себе противен. Разве нормальный человек обливает себя спиртовой тушью из молочных бидонов?

В этот момент с разных концов пустынной раскаленной площади, увязая в асфальте, показались Василий и Андрюша. Андрюша нес блок сигарет, Вася детскую эмалированную ванночку. Вслед за Васей семенил маленький человек в большой кепке. Увидев полосатого Вениамина, человек присел и бросился назад. Василий сбился с шага и на секунду прикрыл ванночкой лицо. Но Андрюша узнал Вениамина почти сразу.

— Не пижонь, Веня! — крикнул он. — Не надо!

Испуганные галки вились над колокольной кирпичного собора.

Вдали показался милиционер и, приставив ладонь козырьком к фуражке, всматривался в фигуру на грузовике.

— Придется, простите, спрятаться, — сказал Эдуард. — Будешь на полу сидеть. Тебе уже все равно, а люди пугаются.

Василий остановился, не доходя до машины, и мрачно спросил:

— Все вылили?

— Самую малость, — сказал Эдуард. — Пузырьков десять.

— На что только мы не идем ради красоты, — сказал Андрюша. — Это сливки?

— Замолчи, — сказала Элла Степановна. — И посмотри, не облил ли Вениамин вещи. Он сейчас в таком состоянии...

Василий, передав Андрюше ванночку, взобрался на подножку, заглянул в кузов и сказал:

— Рублей на пять как минимум.

— Мы заплатим, не беспокойтесь, — сказала Элла Степановна.

— Не надо, — сказал Вениамин, — плачу я.

— Вот и превосходно, замечательно! — веселым голосом воскликнул Эдуард. Свистать всех наверх! Через минуту отдаем концы!

У моста через реку Сотьву простояли полчаса. Эдуард Олегович оказался прав. Тушь была спиртовой, качественной, стойкой. Ни мыло, ни песок ее не взяли. Полосы и пятна на Вениамине лишь слегка потускнели.

На дне кузова тушь засохла и блестела. Солнце отражалось в ней, как в бездонном омуте.

Наконец поехали дальше. Андрюша и Эдуард стояли, держась за кабину. Вениамин сидел в углу и делал вид, что читает в оригинале роман Агаты Кристи.

После сельца Красное дорога сузилась. По сторонам потянулись вековые ели, которые закрывали дорогу от опускавшегося солнца. Иногда стена елей прерывалась голубым озером, подпиравшим стену скал. Впереди показался каменный мост через ручей. Мост был стар и удивителен. Его ограждали перила на точеных столбиках, а на въезде, охраняя мост, щерились каменные львы ростом с дворнягу.

— Остановитесь! — завопил Андрюша. — Немедленно остановитесь!

Машина судорожно дернулась, тормозя. Дверца кабины распахнулась, оттуда высунулось розовой луной злое лицо Васи.

— Чего еще? — спросил он.

— Наш юный друг, — разъяснил Эдуард, — увидел достопримечательность.

Андрюша, прижимая к животу камеру, перемахнул через борт грузовика.

— Ехать надо, — сказал Василий. — Темно будет.

— Ничего, — возразил Эдуард Олегович. — Объявляем пятиминутный привал на свежем воздухе. Вениамин, рекомендую провести повторную очистку лица в этом изумительном ручье.

Вениамин покорно спустился к ручью. Эдуард подал руку Элле, помогая выйти из кабины. Василий сидел за рулем и глядел вперед. Андрюша кружил по мосту, под мостом, вокруг моста, выискивая точки для съемки.

— Откуда это могло произойти? — крикнул Андрюша.

— С дореволюционных времен, — сказал Эдуард. — В литературе об этом сведений мне не удалось отыскать.

— Очень похоже на восемнадцатый век, — сказала Элла Степановна, поглаживая льва по озлобленной морде. — Наивно и провинциально.

— Здесь и была провинция, — согласился Эдуард. — Может быть, сам Полуехтов поставил.

— Кстати, кто такой этот Полуехтов? Почему деревня ваша так странно называется?

— Местный помещик, майор, — сказал Эдуард. — О нем ходит множество сказок.

Вениамин вернулся от ручья.

— Великолепно, замечательно, — обрадовался Эдуард. — Лучше, намного лучше.

— Еще сорок ручьев, — сообщил Андрюша, перематывая пленку, — и можно выпускать в свет.

Когда поехали дальше, Василий, который раньше упрямо молчал и даже не глядел на Эллу Степановну, вдруг обернулся к ней и сказал:

— Он не просто майор, а секунд-майор.

— Вы о ком? — спросила Элла.

— О Полуехтове, о ком же еще? У нас полдеревни Полуехтовы.

— А давно он жил?

— До революции.

— У вас сохранились старожилы? — спросила Элла, которая любила работать со старожилами.

— Есть один, который помнит, — сказал Василий. — Только не станет он с вами говорить.

— Переубедим, — возразила Элла Степановна. — У меня достаточный опыт. Как его зовут?

— Григорием.

— А фамилия?

— Не знаю. Не говорил он мне своей фамилии.

И хоть Василий не улыбался, смотрел вперед, в голосе его Элла Степановна интуитивно почувствовала издевку, замкнулась и прекратила расспросы.

Машина выехала на каменное покрытие. Торцы были уложены полукружиями, ровно, словно на площади немецкого города. Грузовик сразу прибавил скорость, покатил веселее.

Андрюша вытянул вперед голову и сказал:

— Одна тайна набегаает на другую. Кто мог ожидать?

— А что там? — спросил из угла кузова Вениамин.

— Торцовая мостовая. Это тоже майор-помещик баловался?

— В этих местах помещики не жили, — сообщил Вениамин. — Слабое развитие сельского хозяйства.

Солнце скрылось за синим длинным облаком. Встречный ветер стал зыбким, резким, словно впереди открыли дверь в холодильник. Грузовик дребезжал, ревел, одолевая подъемы.

— А эта дорога только до Ручьев? — спросил Андрюша.

— Дальше пути нет. Тайга, болото, горы, — сказал Эдуард. — Край света. Так и живем.

Вениамин стал кашлять. Надрывно и скучно. Ему было стыдно, но остановиться он не мог. Эдуард достал из верхнего кармана пиджака пачку таблеток и спросил:

— Без воды сможешь проглотить?

— Смогу, — сказал Веня.

— Глотай. К утру пройдет. У меня здесь дисквалификация наступает. Воздух чистый, никто не болеет. И я, фельдшер, по совместительству руковожу культурой.

Василий включил фары. Темнота сразу поглотила тайгу.

Через несколько минут машина выкатила на вершину холма, и впереди в распадке показались уютные теплые огоньки. Грузовик замер, словно Василий хотел, чтобы его пассажиры ощутили бесконечную благостную тишь этого вечера.

И вдруг в эту тишину вплелся, не нарушая, а лишь подчеркивая ее совершенство, далекий ясный девичий голос, который пел нечто сказочно печальное, трогательное и нежное.

Голос был лесным, он принадлежал вечеру и небу, луне и первым звездам, шуршанию листвы вековых берез у дороги.

— Что это? — прошептала Элла Степановна.

Василий не ответил. Достал папиросы и закурил, стараясь не шуметь.

— Наяда, — сказал Андрюша, поднимаясь в кузове и всматриваясь вперед. Он был не чужд сентиментальности.

— Шуберт, — сказал Вениамин. — Си минор.

— Наша, — улыбнулся Эдуард Олегович, и его зубы блеснули голубым. Ангелина. Занимается у меня в самодеятельности. Должен отметить, что она отлично закончила сельскохозяйственный техникум и недавно вернулась в родные края. Изумительная у нас молодежь.

Этой фразой и резким голосом Эдуарду удалось нарушить очарование сказки. Грузовик скатился с холма, вызвав негодование собак, миновал крайние дома, потом Эдуард постучал в кабину, веля Василию остановиться перед высоким, серебряным от старости бревенчатым домом.

— Здесь мы вас и разместим, — сказал Эдуард Олегович. — Школа у нас начальная, — добавил он, спускаясь на землю. — Небольшая, в данный

момент находится в состоянии ремонта. Клуб активно используется молодежью, сам я размещаюсь в здании клуба, в одной комнате. А этот дом доступен. Семья невелика, а от скромной мзды никто не откажется... Вам гостиницу оплачивают?

Эдуард выразительно посмотрел на Эллу Степановну. Ему вообще нравилось глядеть на нее под различными предлогами.

— Мы, разумеется, заплатим, — сказала Элла.

— Лучше к деду Артему, — сказал Василий.

— Нет, мой друг, у Артемия Никандровича антисанитарные условия. Утверждаю как медик. Здесь же... Ты не будешь спорить, если я скажу, что этот дом скрупулезно чист?

Из темноты послышался дребезжащий голос:

— Журнал «Вопросы истории» привез?

Небольшого роста человек стоял неподалеку. Андрюша разглядел острую, клинышком седую бороду из-под кепки.

— Привез, Артем Никандрыч, — сказал Эдуард. — Познакомься, это гости к нам, экспедиция.

— Экспедиция нам не помешает, — сказал старичок, — хоть пользы от нее мало.

— Артемий Никандрыч — наш краевед, хранитель природы, — сказал Эдуард Олегович.

Старичок поклонился. На этом можно было догадаться по тому, как бородка совершила резкое движение вниз, закрытая кепкой, и возникла вновь.

— Эколог, — поправил старичок. — Балуемся экологией. Это точ-на. Давай журнал.

Эдуард отыскал журнал в портфеле, а старик вместо благодарности проворчал:

— Ты с Василием меньше общайся. Ты интеллигенция, а он жулик. Точ-на! Взятки детям дает.

— Заткнись, дед, — сказал Василий.

— Не заткнешь. Правду не заткнешь.

— А какие взятки? — вмешался нетактичный Андрюша.

— Шутка это, — сказал Эдуард. — Вася рыбкой балуется. Уху любит. Самому некогда, так он детям подарки за рыбку привозит. Рыбка у нас славная.

— Ушицу все любят, — донесся из темноты голос. — Это точ-на. Только смотря в каких количествах. Доберусь я до тебя, Василий.

— Иди ты! — озлился Вася.

— Уже ушел, — сказал дед издали.

И снова воцарилась тишь. Где-то далеко хлопнула дверь, выпустив человеческий голос и звук краковяка. Взбrehнула собака, другая быстро, словно спросонья, ответила ей...

Вдруг тишину разодрал, смысл и отбросил страшный нечеловеческий крик:

— Омниамеемекумпорррто!

Этот пронзительный крик прокатился над деревней, погрузив ее в оторопь, заставив притаиться все живое, загнав в конуры собак, прозвенев стеклами окон... Некоторое время он еще дрожал в воздухе, затем, с сожалением выпустив из своих тисков деревню, нехотя откатился к горам.

— Что это?! — ахнула Элла Степановна.

— Не волнуйтесь... Не надо... — Эдуард обернулся к застывшему у грузовика Василию: — Он вернулся. Понимаешь?

— Да, — ответил Василий. — Побегу, — добавил он и тяжело затопал в темноту.

— Что же это? — спросил Андрюша, которому казалось, что он совсем не испугался.

— Не обращай внимания, — сказал Эдуард. — Это местный фольклор.

— Нет, — сказал Вениамин. — Это было живое существо, находившееся в состоянии душевного стресса. И мне показалась знакомой эта фраза... Я ее где-то слышал.

Эдуард бросил на аспиранта быстрый взгляд:

— Где, не припомнишь?

Постепенно мирные звуки вечера возвращались в деревню. Собаки негромко обменивались впечатлениями, вновь заиграло радио. Деревня делала вид, что ничего не произошло.

И тут со стороны леса, подходившего к самой околице, в воздухе материализовалась тонкая белая фигура, которая плыла над сырым выгоном.

Первым эту бесплотную фигуру увидел Вениамин, тихо ахнул и быстро отступил за машину. Он, разумеется, не верил в привидения, хотя в тот момент был склонен поверить во что угодно. Но даже и поверив, Веня никогда бы не спрятался за машину, не будь на нем безобразных следов черной туши.

Движение Вениамина и даже побудительные причины его не укрылись от Эдуарда, который пригляделся к белому призраку и с видимым облегчением воскликнул:

— Ангелина! Гелечка! Мы ждем тебя. Глафира еще не возвращалась?

— Добрый вечер, Эдуард Олегович, — сказало привидение. — Мамы нету. А что?

— Гости приехали из Свердловска. Я подумал, подумал и решил, у вас в доме свободно...

— Пускай живут, — сразу сказала Ангелина.

Она остановилась совсем рядом с Андрюшей, и тот, хоть было и совсем темно, смог разглядеть девушку. Она была высока ростом и крепка в кости. Светлые волосы падали на плечи, а тело загорело настолько, что почти скрывалось в темноте, сливаясь с воздухом, лишь сарафан, белки глаз и зубы были видны отчетливо и, казалось, фосфоресцировали.

— Вы заходите, — сказала девушка.

— Это вы пели? — спросил Андрюша.

— Она, она, — сказал Эдуард. — Чудесный голос. У меня в ансамбле участвует. В институт готовится.

— Ну что вы, — сказала девушка, — зачем?

— Это был Шуберт, — раздался голос из-за грузовика.

— Кто там? — спросила Ангелина.

— Это наш сотрудник, — сказал Андрюша. — Он сегодня замаскирован под зебру и не хочет пугать местное население.

Вениамин громко скрипнул зубами.

Эдуард запустил руку в кабину.

— Это от Васи, — сказал он. — Гостинцы. Печенье и шампанское.

— Не надо, — сказала Ангелина.

— Не хочешь? Ну и превосходно, изумительно, — обрадовался Эдуард. Причаливайте, друзья мои. Завтра нам предстоит большой день.

Элла Степановна с Андрюшей приняли от Вениамина, который забрался в грузовик, вещи и понесли их в дом. Два последних чемодана достались Вене.

— Идите, — сказал Вениамин. — Я потом.

Ангелина прошла в дом первой. Она сразу принялась за хозяйство — делала все быстро, споро, но без спешки, сама ничего не говорила, только отвечала на вежливые вопросы Эллы Степановны. Андрюша тем временем достал колбасу, консервы и вызвался помочь Геле накрывать на стол, но помощь была отвергнута.

Девушка Андрюше понравилась. И тем, что была высокой, одного роста с ним, и легкостью движений, и чистотой спокойного лица, и скромностью. Пока закипал чайник, Андрюша отнес на холодную половину белье и часть вещей — там на двух кроватях будут спать они с Вениамином. Элле Степановне постелили за тонкой перегородкой рядом с

большой комнатой.

Только когда Геля собрала на стол, Элла спохватилась:

— Андрюша, где Вениамин? Неужели опять что-то случилось?

— Кует себе железную маску, — сказал Андрюша и пошел искать аспиранта.

Вениамин сидел на крыльце, рядом стояли чемоданы. Он смотрел на звезды и переживал.

— Слушай, здесь ночевать бессмысленно, — сказал Андрюша. — Я ее подготовил, сказал, что ты принадлежишь к особому племени.

— Ах, оставь, — сказал Вениамин. — Ты не понимаешь, она так поет Шуберта, я просто не могу. Побуду здесь. А когда свет потушат, пройду.

— Да ты хоть сейчас можешь пройти. Из сеней налево, не надо в дом входить. Я тебе уже и простыни положил. А чаю попьешь?

— Нет, не хочется, — ответил Веня так, словно отказывался от счастья.

— Ясно, — сказал Андрюша и вернулся в дом.

Веня проскользнул вслед за ним и укрылся в холодной горнице, не зажигая света.

Он был искренне растроган, когда через полчаса Андрюша принес чашку с горячим чаем, бутерброд с колбасой, но главное — таз и чайник с кипятком. Веня скреб лицо и руки мочалкой, и в темноте ему казалось, что краска поддается, покидает лицо и вода в тазике темнеет.

Вернулся Андрюша, зажег свет и сказал, что с тушью наблюдается прогресс. Он улегся и долго не засыпал, рассказывал Вениамину, что будет готовить Ангелину к институту, что ее мать Глафира — здешний бригадир. Вениамин ревновал. Так и не увидев Ангелину, он уже влюбился в ее чистый голос и склонность к романтике — иной человек не будет гулять в одиночку по околице и петь Шуберта. А вдруг она ждала Василия?

— Я теперь понимаю, почему Василий не хотел, чтобы мы в этом доме остановились, — сказал, засыпая, Андрюша. Будто угадал мысли Вениамина.

Утром Вениамин проснулся первым. Солнце только встало и било в маленькое оконце. На соседней кровати, такой же как у Вениамина, с блестящими шарами на спинке, на высокой перине безмятежно спал Андрюша. Было очень тихо, лишь опоздавший улететь на покой комар жужжал под темным дощатым потолком.

Вениамин поглядел на часы. Половина шестого. Неладно, подумал он. Слишком тихо. Должны кричать петухи, лаять собаки, мычать коровы... Странная деревня. Что означал вчерашний вопль? Он как будто нес в себе послание, смысл которого мог открыться лишь Вениамину. Но почему Вениамину?

Додумать Вениамин не успел. Раздался глухой короткий удар, словно выстрелила пушка.

Андрюша, не поняв, что его разбудило, вскинулся, сел в постели и растерянно спросил:

— Что? Где?

Вениамин не ответил. Он слышал другое: удар оказался сигналом, открывшим дверь утренним звукам — закричал петух, откликнулся другой. Отчаянно забрехала собака, замычали коровы и запели птахи.

Андрюша замотал головой и нырнул под одеяло.

Вениамину уже не хотелось спать.

Он поднялся, нашел свое полотенце, зубную щетку и пошел искать, где бы умыться. Все житейские удобства он отыскал в нежилой половине дома, откуда вела лестница вниз, к хлеву, в котором зашевелились, увидев его, овцы. Кто-то открыл загородку, выпуская овец, и Вениамин спрятался за углом, потому что был в майке и стеснялся своих тонких бледных рук. А когда он уже в рубашке и брюках, причесанный и цивилизованный, вышел на двор, там было пусто.

Калитка громко скрипнула, выпуская Вениамина на улицу.

Улица была широкой, зеленой, и посреди нее, будто ручей, струилась пыльная дорога. Дома стояли вольно, обнесенные высокими заборами. Но чтобы никто не подумал, что здесь живут замкнутые и скучные люди, наличники окон, коньки крыш и даже столбы ворот и калиток были резными, а кое-где и раскрашенными.

Улица сбегала к реке и на полпути пересекалась с другой. На перекрестке темнела купа лип, и Вениамин подумал, что такая купа для

деревни нетипична. Туда он и направился.

Но остановился на полдороге.

Из купы деревьев не спеша вышел бурый медведь, огляделся, наклонил морду, отгоняя собачонку, выскочившую из-под забора, потом медленно затрусил в сторону, вскидывая задом.

Вениамин замер. Дальше идти нельзя. Медведь мог подстергать его за углом. Но что-то надо было делать, ведь в деревне женщины и дети, не подозревающие о страшном звере...

Вид узкой спины Вениамина, которая неуверенно покачивалась в проеме калитки, насторожил проснувшегося и также вышедшего на разведку Андрюшу.

— Эй, — сказал он, дотрагиваясь до плеча аспиранта, — ты что?

Вениамин странным образом подпрыгнул и обратился к Андрюше дикий взор;

— Там ходят медведи.

— Где ходят медведи? — удивился Андрюша.

— По улице. Я сам видел.

— Надо принимать меры, — сказал Андрюша и побежал к дому.

Он еще вечером обратил внимание на ружье, висевшее над диваном в горнице, и теперь сорвал его со стены, подхватил патронташ, сломал ружье о колено, вогнал в оба ствола по патрону. Элла Степановна заворочалась за занавеской, и Андрюша на цыпочках выбежал из комнаты.

Вениамин все так же покачивался в калитке, не зная, что делать. Он отступил в сторону, пропуская Андрюшу, и побежал следом, говоря на бегу:

— Это же чужое ружье! Разве можно брать без разрешения?

— Некогда размышлять, — отвечал Андрюша. — Медведи и волки покоряются только грубой силой!

Из калитки дома поновее других, покрашенного желтой краской, с голубыми наличниками и красной крышей выбежали двое мальчишек лет по семи. Они замерли, увидев, как по улице несется приезжий человек в голубых залатанных штанах и майке с изображением гитары, длинные его патлы развеваются по ветру, а в руках ружье. А вслед за ним второй приезжий, поменьше ростом, в городском костюме, с очками на кончике острого носа. Мальчишки присоединились к бегущим.

— Опасность! Все по домам! — крикнул им Вениамин.

Мальчишки по домам прятаться не стали, но крик Вениамина встревожил деревню, и к окнам вдоль всей улицы тут же прилипли женские и старушечьи лица.

Андрюша выбежал на перекресток, и в этот момент из углового дома с надписью «Магазин» вышел бурый медведь. Он зловеще облизывался, и Андрюша с отчетливым замиранием сердца понял, что опоздал — зверь уже успел кем-то полакомиться.

Поднявшись на задние лапы, словно пританцовывая, медведь надвигался на него. Андрюша нащупал курки и нажал на них. Ружье сильно отдало.

Медведь схватился лапами за грудь и, заметавшись, повалился назад, уселся в пыль. Он заревел тревожно и глухо.

Андрюша старался вспомнить, куда он засунул запасные патроны. Тщетно! Тогда он перехватил ружье за дуло, чтобы действовать им как дубиной. Тем временем медведь снова поднялся, шерсть на груди была опалена выстрелом. Он грозно надвигался на студента. Андрюша понял, что надо бежать, но не успел.

Тяжелые когтистые лапы обхватили его.

Короткая и в целом счастливая жизнь промелькнула перед его глазами, начиная с первых детских воспоминаний о купании в ванночке и кончая последним, не очень удачным экзаменом по латинскому языку... Андрюша потерял сознание. Медведь, заграбастав охотника, прижал его к широкой бурой груди и, подвывая, понес через площадь.

Увидев его спину, Вениамин понял, что не может оставить товарища в смертельной опасности. Он бросился за медведем и, догнав его, ударил кулаком в спину. Топтыгин даже не обернулся. Он тащил Андрюшу к старому покосившемуся дому с шестью колоннами, сделанными из вековых бревен и когда-то покрашенными в белый цвет. На ступеньки этого дома медведь и бросил свою жертву.

Вениамин оглянулся, чтобы призвать на помощь людей или отыскать какое-то оружие, но в этот момент со стороны леса послышался громкий треск, и к дому подкатил мотоцикл с коляской, которым управлял мальчик лет двенадцати в больших темных очках, закрывавших ему пол-лица. В коляске сидела грузная пожилая женщина в черной шали.

Медведь, услышав, как тормозит мотоцикл, обратил к нему оскаленную морду и заревел оглушительно и обиженно.

Грузная женщина выбралась из коляски, обвела взглядом собравшуюся толпу, к которой присоединился уже востропанный, в пижаме Эдуард, затем остановилась перед медведем.

— Ну! — сказала она. — Нельзя уехать на день! Чего натворил?

Медведь продолжал стонать, завозил лапами у груди, показывая женщине на рану.

— Погоди, — сказала женщина. — Не кричи на всю деревню. Не маленький.

Медведь замолчал, лишь его частое дыхание разносилось над площадью.

— Кто тут нахулиганил? — спросила женщина и перевела взгляд с распростертого Андрюши на Вениамина, сделавшего шаг вперед.

Мальчишка, которого аспирант недавно прогонял, спасая от зверя, вынес ружье и протянул грузной женщине.

— Вот, тетя Глафира. Они с ним бегали, — он показал на Вениамина, — и стреляли.

— Мое ружье, — сказала женщина. — Где взяли?

Андрюша шевельнулся, приоткрыл глаза, медведь покосился на него, и он поспешно смежил веки.

— Все ясно, — сказал Эдуард Олегович. — Это даже изумительно. Это просто великолепно. Я несу полную ответственность. Разрешите представить, Глафира Сергеевна, экспедиция из Свердловска. Приехали собирать народные песни. Интеллигентные, милые люди, фольклористы... Остановились у вас.

— Милые, говоришь? — удивилась грузная женщина. — Утащили ружье, стреляют на улицах. Фольклористы! Ни минуты больше я их здесь не потерплю!

— Простите, — сказал Вениамин, стараясь обойти медведя так, чтобы приблизиться к Андрюше, о котором все забыли. — Это недоразумение. Мы увидели хищника и бросились спасать. Вокруг женщины и дети, как же вы не понимаете?

Объявленный хищником медведь заревел так, что Веня отступил снова, а Андрюша сжался в комок.

— Отойди, — сказала Глафира медведю. — Думать нужно, чужие люди, фольклористы, и пристрелить могут. — Медведь отходить не стал, но замолчал. Эдик, у тебя мазь от ожогов есть? Займись зверем.

— Я не ветеринар, — ответил Эдуард. — На это Ангелина есть. Миша, заходи в дом, фельдшер тебе рану промоет.

— Боишься? — спросила Глафира Сергеевна.

Медведь глубоко вздохнул и, переступив через Андрюшу, пошел в дом.

— Я подчиняюсь силе, — сказал Эдуард.

— Подчиняйся, — сказала Глафира Сергеевна. — И учти, что Миша пострадал на работе.

— Бюллетень выписывать не буду, — буркнул Эдуард, запахнул пижаму и пошел вслед за медведем.

Андрюша, поняв, что опасность миновала, сел и схватился за голову. Голова гудела.

— Что? — холодно спросила Глафира Сергеевна. — Ранен? Тоже помощь нужна? Погоди, сначала Мишу починят, потом тебя.

— Нет, — сказал Андрюша, — спасибо.

Он встал. Его майка с гитарой была разорвана.

— Поймите, — сказал Вениамин, — мы действовали из лучших побуждений. Мы совершили естественный благородный поступок.

— Ладно, — сказала Глафира Сергеевна, — дома разберемся.

Элла Степановна узнала о драматических событиях только за чаем, который пили впятером: Глафира Сергеевна Полуехтова, бригадир колхоза, фактически руководительница деревни Полуехтовы Ручьи, ее внук Коля, тот, что приехал с нею на мотоцикле, и члены фольклорной экспедиции.

— Ну как, — повторял Вениамин, — как мы могли догадаться, что медведь ручной?

— Не ручной, — возразила Глафира Сергеевна. — Он на работе.

Она налила чаю в блюдце, шумно потянула.

— На нем не написано. — Андрюша уже оправился от потрясения, но аппетит к нему еще не вернулся, потому он сидел на диване и штопал джинсы. — Кем же он работает?

— Из пушки стреляет. Больше некому, — сказала Глафира Сергеевна. — Мужиков в деревне недобор, все на работе, а традиции, сами понимаете, надо поддерживать.

— Вы хотите сказать, что у вас есть пушка? — Элла Степановна почему-то не так удивилась необычной работе медведя, как действующей пушке в далекой деревне. — Настоящая? Это же опасно.

— Без пушки мы, простите, не можем, — сказала Глафира, с наслаждением хрустя рафинадом. — Пушка у нас уже двести лет стреляет.

— А если вы в кого-нибудь попадете?

— Холостыми стреляем, — возразила Глафира Сергеевна. — Нам общество охотников выделяет черный порох. По безналичному расчету.

— А почему медведь? — спросил Вениамин. — В других деревнях тоже все заняты...

— В других деревнях с пушками плохо, — сказал Андрюша, перекусывая нитку. — Очень мало пушек в других деревнях. — Он обернулся к Глафире Сергеевне. — А пушка старая?

— Пушка старая, — сказала Глафира Сергеевна. Андрюша ей не нравился. Неопрятен, не пострижен, бегаёт по деревне с чужим ружьем. — Из пушки за двести лет ни в кого не попали, а ты, голубчик, в первый же день медведя покалечил.

Элла Степановна достала блокнот.

— Глафира Сергеевна, — сказала она, — пожертвуйте еще пять минут. Вы утверждаете, что традиция уходит корнями в глубокое прошлое. В легендарное прошлое...

— Не в легендарное, а в историю. Майор Полуехтов постановил сигнал давать, вот и тянется... Вы уж простите меня, в правление пора, звонка ожидаю из района. Совещание по льноводству в области, на кого хозяйство оставлю?

Глафира выпрямилась, развела широкие плечи, свела к переносице соболиные брови.

— Я пошла, а вы уж больше не самоуправничайте, мало ли чего натворите, фольклористы.

— Простите, — сказала Элла. — Мальчики хотели творить добро.

Глафира Сергеевна надела сапоги, старый мужнин китель и ушла в правление. В доме остался Коля, смышленный, синеглазый, белобрысый.

— Хотите, про пушку расскажу? — сказал он.

— Нам бы лучше услышать это от твоей бабушки, — сказала Элла Степановна. Ближе к источнику.

Коля прошелся по комнате, остановился у лавки, на которой лежал фотоаппарат Андрюши.

— Светосила вас устраивает? У этих «Юпитеров» она маловата.

— Чего? — спросил Андрюша. — Ты откуда знаешь?

— Я «Канон» предпочитаю японский, — сказал мальчик. — С «Никконом» резковато получается.

— Ага, — согласился Андрюша. — Резковато, значит? И откуда у тебя «Канон» и «Никкон»?

— Ясное дело, из Японии, — сказал Коля. — Легенду-то о пушке будете записывать? А то мне идти пора.

— Запишем, — сказал Андрюша. Мальчик ему понравился. Живой ребенок, не стесняется, водит мотоцикл...

Андрюша включил магнитофон. Коля покосился на кассету, откашлялся и медленно заговорил, придавая голосу басовитость...

— Дело было еще до революции. Здесь стояла крепость, которая охраняла Россию от викингов и французов.

Вениамин отложил учебник португальского языка, протер очки.

— Как же сюда викинги добрались? — спросил Андрюша.

— Не перебивай, пленку зря тратишь, — сказал Коля. — С моря добрались, через тундру, тайгу, рвались к Свердловску. Во главе крепости стоял майор Полуехтов, мы тут полдеревни Полуехтовы в его честь. Это был отважный офицер, гвардеец, птенец гнезда Петрова, и он сюда попал за то, что был участником героического восстания декабристов.

Голос Коли окреп, он ходил по комнате и махал руками.

— И вот однажды, когда весь гарнизон спал, утомленный борьбой со

стихией, в разгар бури к крепости подкрались фашисты. Примерно полк фашистов из дивизии «Мертвая голова».

— С танками? — спросил Андрюша.

— Еще одна перебивка, и я кончаю рассказ, — пригрозил Коля. — И вам никогда не узнать, чем все кончилось.

— Молчу, — сказал Андрюша.

— Так вот... Фашисты тихо подкрались к крепости, только поляна отделяла их от гарнизона. Еще один бросок — и путь на Свердловск открыт. Но в этот момент раздался залп пушки! Майор Полуехтов вскочил с походной раскладушки и бросился во двор. Солдаты за ним. И что же они видят? В воротах еще дымится пушка, а подле нее бурый медведь. Сотни фашистов валяются замертво. Тогда Полуехтов закричал: «Эскадрон, сабли наружу! За мной!» И бросился в атаку. Бой был неравным, и все защитники крепости пали смертью храбрых. Только и фашисты все погибли. Вся дивизия «Мертвая голова». Вот и все.

— Как все? — удивился Андрюша. — А как же пушка и медведь?

— Пушку оставили как память о Полуехтове. Можете поглядеть, она в деревьях стоит на площади. И постановили, чтобы медведь с тех пор каждое утро приходил и стрелял в честь подвига майора. Но это не сказка, а уже в самом деле.

— Как слабо здесь поставлено преподавание истории, — сказала Элла.

— Мифотворчество, — сказал Вениамин. — Современное мифотворчество. Майоры, фашисты...

— Что же я, не понимаю, что мифотворчество? — обиделся вдруг мальчик. — Я не хуже вас знаю, что фашистов здесь не было. Разве это что-нибудь значит?

— К сожалению, ничего не значит, Коля, — согласилась Элла Степановна. Спасибо тебе за интересный рассказ.

— Пожалуйста, — успокоился Коля. — Я пойду. У меня дел много.

Он достал из-под лавки большую спортивную сумку с надписью «Олимпиада-80», перекинул ее через плечо, от дверей сказал:

— Обедать если будете, то к двенадцати тридцати как штык.

Андрюша сменил кассету.

— Чепуха, — сказал он. — Ребенок нас разыграл.

— Это не так и важно, — сказал Вениамин. — Зато мы присутствуем при рождении фольклора.

— Меня волнует другое, — сказал Андрюша. — Пушка существует, а медведь из нее стреляет. И это не легенда.

— Нет, не легенда, — согласился Веня. — Помочь тебе джинсы

зашивать?

— Зачем? Лишняя дырка им не помешает.

Дверь скрипнула, возник Эдуард.

— Доброе утро, — сказал он радостно. — Должен вам сообщить, что Мишка в полной безопасности. Я промыл ему раны. С риском для жизни. Вы слышали, Элла Степановна, о событиях сегодняшнего утра?

— Слышала, — сказала Элла. — Простите нас.

— Я тому Мишке не доверяю, — сказал Эдуард. — Это зверь большой хитрости и коварства. У него взгляд преступника.

— Но все-таки из пушки стреляет, — сказал Андрюша.

— Элементарная, простите, дрессировка. Я сам видел, как зайцы в цирке стреляют. Там шнур висит, а Мишка за него и дергает. Вот и вся тайна.

— Нет, Эдуард Олегович, — сказала Элла, — я не согласна с вашим отношением к этому животному. Это красивая и древняя традиция. А традиции надо беречь.

— Да какая там древняя! Приблудился медведь, может, из зоопарка сбежал. А если бы он, простите, задрал вашего молодого сотрудника? Что бы вы сказали в Академии наук?

— Она бы промолчала, — ответил за Эллу Андрюша. — Потому что иной участи я не заслуживаю.

— А я в вашем поступке усмотрел благородство, — не согласился Эдуард Олегович. — Так вы не забыли, что нам пора с деревней познакомиться? Как, Элла Степановна, не возражаете?

— Я не пойду, — сказал Андрюша.

— Это еще почему? — удивилась Элла Степановна.

— Мне пленки разобрать надо.

— Молодому человеку стыдно выходить на улицу. И я его понимаю, ох как понимаю, — закручинился Эдуард, и Андрюше стоило больших усилий не ответить.

Элла Степановна шла посередине. Справа Эдуард, слева Вениамин. Андрюша поглядел им вслед в окно и подумал о том, что Элла, к сожалению, в присутствии Эдуарда расцветает, хотя фельдшер явно того не стоит. При внешних и душевных качествах начальницы экспедиции можно отыскать себе поклонников интереснее.

Андрюшин недобрый взгляд не смог пронзить оконное стекло, и потому Эдуард ничего не почувствовал. Он описывал местные достопримечательности, элегантно поводя руками и стараясь показаться более осведомленным, чем был на самом деле. Эдуард попал в Полуехтовы Ручьи всего полтора года назад в поисках тихого места, где можно передохнуть от приключений бурной и не всегда счастливой жизни. И хоть он устроился здесь надолго, даже собирался откупить дом у тех Полуехтовых, от которых в деревне осталась только бабка Федора, хоть хор, которым он руководил не без энтузиазма, выезжал уже на районный смотр самодеятельности и получил там диплом, все же он оставался в Ручьях чужим не только потому, что местные жители считали его таковым, но и потому, что в жизнь деревни он не особо вглядывался, истории ее не знал и ею не гордился. Однако перед приезжими Эдуард показывал себя старожилом и единственным в деревне интеллигентом.

— Дома у нас вековые, — говорил он. — Бревна с возрастом только крепче становятся, а резьбу, обратите внимание, давно собираюсь переснять и зарисовать — специалисты будут взволнованы. Не правда ли, изумительные узоры, восхитительные!

— Резьба требует сравнительного анализа, — сказал Вениамин.

— Правильно. Вот и центральная площадь. Условно. Возникла от пересечения двух улиц деревни.

— А сколько их всего? — спросил Вениамин.

— Две. Тридцать два двора. Магазин, правление бригады, тут же клуб, тут же медпункт.

Остановившись на углу, Эдуард Олегович показал на давешний дом с колоннами. Видимо, строитель хотел создать нечто фундаментальное и обязательно белокаменное: и колонны, и ступени — все было деревянным, беленым. Лишь два небольших льва по сторонам лестницы были из камня, точно такие же, как на лесной дороге. Только там они сидели, а здесь мирно легли, хоть и продолжали скалиться.

К колоннам были прибиты жестяные таблички с неровными официальными надписями: «Бригада Полуехтовы Ручьи», «Медпункт», «Клуб», «Ансамбль народного танца «Ручьи», «Кинотеатр».

— Центр культурной жизни, — сообщил Эдуард Олегович. — Здесь я иногда ночую, а уж дни провожу постоянно. Справа начальная школа, на этом краю магазин. Вот и все.

— А пушка там? — Вениамин показал на купу деревьев, из которой выходил медведь.

— Пушка там, — сказал Эдуард Олегович. — Давно пора на металллом сдать. Когда-нибудь крупно кто-нибудь пострадает. От взрыва. Или от медведя...

Под вековыми деревьями было полутемно и прохладно. Стволы расступились, и внутри, почти невидимая постороннему глазу, обнаружилась небольшая площадка, на которой, вросши до половины колес в землю, стояла старинная бронзовая пушка.

Пахло порохом. Из пушки недавно стреляли.

— А как же медведь время узнает? — спросил Вениамин.

— Бог его знает. Наверное, по солнцу, — сказал Эдуард Олегович. — Хотя этому медведю я не доверяю.

Вениамин раздвинул кусты за пушкой. Там обнаружился каменный столб, скошенный сверху как обелиск. На сторонах его были вырублены двуглавые орлы, над ними надписи: «*До Москвы 1386 верст*», «*До Санкт-Петербурга 1938 верст*».

Ногами раздвинув крапиву, Вениамин обошел столб и прочел еще две надписи: «*До Екатеринбурга 746 верст*», «*До Царицыного ключа 9 верст*».

Вениамин потер руку, обожженную крапивой, выбрался снова на полянку. Эдуард, нежно схватив Эллу за руку, делал вид, что переживает, но говорил трезво:

— Сегодня же вечером продемонстрируем вам в клубе успехи деревенской самодеятельности. Должен сказать, что наличие целеустремленного человека, душой прикипевшего к народным талантам, является определяющим в их развитии. Вы меня понимаете?

— Эдуард Олегович, — сказал Вениамин, — а что такое Царицын ключ?

— Не знаю, — ответил Эдуард Олегович. — Таким образом, мы с вами, Элла, трудимся на одном, так сказать, поприще.

— Это где-то недалеко, — сказал Вениамин.

На мягкой траве возле пушки были видны продолговатые когтистые медвежьи следы.

— Населенного пункта под таким названием мне не приходилось встречать, сказал Эдуард. Элла легким движением отобрала у него руку, и Эдуард кинул укоризненный взгляд на Вениамина.

Вениамин пошел вокруг пушки и больно ударился носком о вросшее в землю чугунное ядро. Из пушки когда-то стреляли всерьез, подумал он. В каждом народном предании есть доля правды — может, и в самом деле здесь стояла крепостца и в ней сидел с солдатами майор Полуехтов? Землепроходец? Надо будет поговорить со стариками, а еще вернее — заглянуть в архивы в Свердловске. Людская память куда менее надежна, чем документы...

— Гамияэстомнисдивизаинпарррртистрррес! — раздался страшный переливающийся гортанный вопль.

От неожиданности все замерли.

— Это мне знакомо! — вскричал Вениамин. — Я близок к решению!

Черная тень пронеслась между ветвей, посыпались на землю листья. Показалось, что стало темнее.

Эдуард Олегович сделал хватательное движение руками, надеясь достать эту тень, но движение было незавершенным, словно на самом деле в мыслях фельдшера и не было реального желания схватить страшно кричащее существо.

— Опять? — спросила Элла.

— Трес, — сказал Вениамин. — Я это расшифрую.

— Просто дикий крик, — сказал Эдуард Олегович. — Пошли, покажу вам нашу сцену и красный уголок. Мы получаем все основные центральные издания, включая журнал «Эстрада и цирк».

Вениамин провел рукой по стволу пушки. Луч солнца упал на темный металл. Божья коровка размером с грецкий орех поползла к солнечному пятну. Было тихо.

Андрюша зарядил камеру, положил в сумку телевик и запасные пленки. Не сидеть же весь день дома из-за того, что совершаешь не совсем удачный героический поступок.

Он перекинул сумку с камерой через плечо и только спустился с крыльца, как в калитку вбежала Ангелина с крынкой в руке. При дневном свете она казалась иной, более обыкновенной.

— Вы уже встали? — удивилась Ангелина.

— Скоро девять, — сказал Андрюша. — Все ушли, я один задержался. Миновало множество событий. Утро было бурным.

— Жалко. Я с фермы бежала, хотела вас парным молоком угостить. Городские поздно встают. Я знаю, сама в городе поздно вставала. А вы спешите?

— Нет, — сказал Андрюша, — я с удовольствием.

Ангелина вдруг покраснела, видно, взгляд Андрюши показался ей слишком восхищенным. Уловив ее смущение, Андрюша смутился и сам и потому первым, не оглядываясь, пошел в дом.

— Я тоже с вами молока выпью, — сказала Ангелина. — Садитесь. А они куда ушли?

— Эдуард Олегович им деревню показывает.

— Чего у нас показывать? — сказала Ангелина, доставая из буфета чашки, а с полки пустую литровую банку. — Он и не знает. Чужой. Лучше бы Колю позвали.

— Коля нам легенду рассказал, а потом убежал. — Андрюша с интересом смотрел, как Ангелина налила полбанки молока, потом зачерпнула ковшом холодной воды и разбавила молоко. — Зачем так? — спросил он.

— А вы из крынки не станете, — сказала Ангелина и улыбнулась. — Вы подумали, я жадничаю?

— Разумеется, — сказал Андрюша. — Я подозрителен.

— Попробуйте, если не верите.

Глаза у нее стали веселые, синие, в голубизну. Молоко лилось в стаканы густым киселем.

— Так и сказали бы, что сливки.

— Это молоко, — сказала Ангелина. — Такое доим. — Она фыркнула, нос дернулся кверху, жемчужные зубы сверкнули на солнце. Андрюша

сидел, разинув рот, и такое восхищение было на его лице, что Ангелина отмахнулась, сказав сквозь смех: — Чего уставился? У меня жених.

— Василий?

— Нет, Василий только претендент. Безнадежный. Жених у меня в Норильске. Мы в училище по переписке солдат выбирали, фотографиями менялись. Он в меня влюбился, а я нет. Но человек надеется.

— Значит, и не видела?

— Может, увижу. А ваш товарищ музыкальный. Шуберта знает. Я его в темноте не разглядела, а голос приятный.

Ангелина подлила в стакан воды, получилось молоко, жирное, густое.

В окно постучали. На подоконнике с той стороны сидел громадный черный ворон.

Ангелина отворила окно, ворон перелетел на стол, сурово посмотрел на замершего Андрюшу, кивнул ему, потом повернулся к Ангелине, кивнул и ей.

— Сейчас, — сказала Ангелина, доставая с полки кусок хлеба. Ворон схватил ломоть большим массивным клювом, как плоскогубцами, перепрыгнул на подоконник.

— Это еще что за явление народу? — спросил Андрюша.

— Григорий, — сказала Ангелина. — Что-то он в последнее время осторожный стал, опасается. А раньше совсем ручной был.

— У вас не деревня, а зоопарк какой-то, — сказал Андрюша.

Ворон шумно хлопнул крыльями и улетел.

— Ты медведя имеешь в виду? Он в лесу живет.

— Приходящий, значит? А почему он из пушки стреляет?

— Ой, это тебе лучше мама расскажет! Сколько себя помню, стреляет. Круглый год. Без этого нам нельзя — даже коровы без пушки в стадо не пойдут. Раньше, когда я девчонкой была, у нас медведица служила, потом подохла. Она этого Мишку с малолетства сюда водила, приучала. Пошли, что ли? А то мне обратно на ферму пора.

— Спасибо за молоко, — сказал Андрюша.

Они вышли. Громадный черный ворон сидел на крыше и клевал ломоть хлеба.

Хоть Ангелина и утешила Андрюшу, что смеяться не будут, все-таки он через деревню не пошел, а свернул в другую сторону, к околице. За льняным полем виднелась речка, узкая и чистая. Солнце поднялось высоко и припекало, но от голубых гор, поднимавшихся над близким темным лесом, тянул ветерок.

С дороги открылся умиротворенный вид на деревню. Андрюша достал камеру. И тут услышал за спиной голоса.

Голоса стихли. Босые пятки, отбивавшие дробь по дорожке, стихли тоже. Разумеется, они остановились и наблюдают.

— «Зоркий-Эм» у него. С «Юпитером». Я знаю.

— Какой «Зоркий»? Я что, «Зоркий» не узнаю?

Ребята углубились в спор, уходить не собирались, видно, ждали, когда фотограф обернется и разъяснит. Андрюша понял, что пора общаться, спустил свою «Практику» и обернулся.

— Ого! — сказал он.

— Ого! — сказали два мальчика лет по десяти.

Мальчики узнали в фотографии героя, которого утром медведь таскал по площади, а Андрюша увидел, что мальчики волокут привязанную к длинной палке рыбину размером побольше метра. Даже удивительно, что такая поместилась в речке.

Рыбина чуть шевелила хвостом.

— А вы за мельницей приехали? — спросил один из ребят.

— Нет, — сказал Андрюша, — песни записывать будем и сказки.

— Дед Артем говорил, что мельница представляет исторический интерес. Ее обязательно увезут. Древняя она, понимаешь?

— Водяная?

— Не, ветряк...

— Покажете?

— А пофотографировать дашь? А то у Кольки Полуехтова «Канон» японский, а у нас только «Смена».

— Договорились, — сказал Андрюша. — Когда?

— Завтра с утра зайдем. Сейчас, видишь, дело есть.

— А рыба-то какая? Сом?

— Ну ты, видно, городской. Разве у сома лицо такое? Да мы на сома и не пойдем. Он в омуте живет, с дом ростом. И его нельзя трогать, у него

золотое кольцо на жабре. Его специально выпустили. Для учета. А это селедка...

Мальчишки потащили рыбину дальше.

Андрюша постоял немного, подождал, пока они скрылись за крайним домом, и пошел дальше к реке. У тропинки по краю льна росли васильки. Он, правда, не сразу догадался, что это васильки — они были похожи на махровые гвоздики голубого цвета. Андрюша нарвал небольшой букет для Эллы Степановны.

— Спасите! — раздался крик от реки. — На помощь! Грабят!

Андрюша относился к тому разряду людей, для которых любой крик о помощи приказ действовать. Забыв об утренней истории и медведе Мише, он кинулся по откосу вниз и влетел, ломая ветки, в заросли у речки, крича:

— Держитесь! Я иду!

Жертвой нападения оказался вчерашний старичок с седой эспаньолкой, мирно сидевший на пеньке.

— Что случилось? — крикнул Андрюша. — Кто напал?

— Кто напал, тот сбежал, — сказал старичок, поднимаясь на ноги и еле доставая Андрюше до груди своей блестящей потной лысинкой. — Спасибо тебе. Ой, поясница болит! Это же надо, так толкать пожилого человека! Пойди корзинку мою подбери — в кустах она.

Андрюша пошел в кусты. Там на боку валялась корзина, из нее высыпались красные яблоки. Старичок подошел сзади.

— Ты их подбери, — сказал он, — будь любезный. Мне наклоняться больно.

Андрюша стал подбирать яблоки. Это оказались не яблоки.

— Что это? — спросил он. — Ананасы?

— Малины, что ли, не видел?

— Такой не видал, — сказал Андрюша. — Малина обычно мельче.

— Это обычно, а у нас крупнее.

— Кому, — спросил Андрюша, — ваша малина понадобилась?

— Не догадываешься? — изумился дед, прищурился. — Да ты дипломат! Из-за тебя же я пострадал. Это точ-на! Попал я в лапы мстителю!

Старичок погрозил в кусты кулаком, и издали донесся обиженный рев. Андрюша вздрогнул. Ему не хотелось снова встречаться с медведем. К счастью, старичок разделял опасения Андрюши.

— Побежали, — сказал он. — А то Мишка опомнится, сообразит, кто мне на помощь подоспел. Он же тебя за взвод пехоты принял. Это точ-на.

Старичок подхватил корзину и засеменял наверх, к тропинке.

Андрюша поспешил за ним, очень стараясь не обогнать старичка.

У клуба-медпункта на длинной лавочке под бревенчатыми колоннами сидели десять старух в высоких кружевных кокошниках, разноцветных до земли платьях и с выражением торжественного достоинства на лицах.

— Вот, — сказал Эдуард с некоторым облегчением, — а я боялся, что не придут в разгар трудового дня. Но пришли. И даже облачились. Это великолепно. Здравствуйте, товарищи пенсионерки!

Старухи наклонили головы, здороваясь, и Элле показалось, что своим коллективным взором они пронзили ее насквозь, знают, где родилась, как училась в школе и почему у нее не сложилась личная жизнь.

— Замечательно, — сказал Эдуард. — Вот наш народный хор. А перед вами, товарищи пенсионерки, специальная экспедиция Академии наук, приехали записывать и изучать. Большое внимание уделяют сохранению и утверждению народного творчества. Прошу взаимно знакомиться! — Эдуард Олегович отступил на шаг и сделал широкое движение рукой, как сеятель. Затем добавил: — Пошли внутрь помещения. Там поговорим, а то дождик собирается...

Вениамин в клуб не пошел. Эта мирная на вид деревня скрывала в себе тайны, ускользающие, но ощутимые, невыдуманные. Тайна утреннего выстрела из пушки вроде бы разрешилась. Но факт стрельбы из пушки не открывает причин этой стрельбы. Есть дрессированный медведь. Но зачем он?

Вениамин огляделся, раздумывая, куда направить свой путь. Он казался самому себе витязем на распутье. И потому решил подождать, как распорядится судьба, — должен же быть знак, который направит его в нужную сторону.

Намек материализовался через две минуты и принял форму знакомого грузовика, который медленно выехал из улицы на площадь. Вениамин сначала решил, что в деревне есть особые ограничения для единственной машины: может, охраняют медведей. Но тут же выявилась причина столь медленного движения: Василий, сидя за рулем, разговаривал с какой-то девушкой, чьи ноги были видны по ту сторону грузовика.

— В кино вечером пойдешь? — спросил Василий, глядя из кабины в сторону и вниз, так что Вениамину был виден только его крепкий коротко остриженный затылок.

— Мне заниматься надо, — ответил почти заглушенный мотором

девичий голос, который Веня узнал бы из тысячи.

— Я вот и без образования зарабатываю. Главное — уметь использовать обстоятельства.

— Кого цитируешь? — спросила Ангелина.

— Я не цитирую, я сам придумываю, — сказал Василий. — Ты не думай, для меня авторитетов нету.

— Поезжай в город, — сказала Ангелина, — молоко скиснет.

— Наше не скиснет, — сказал Василий. — Я его водой из ключа разведу.

— Ты не шути! — сказала Ангелина, прибавила шагу, и Вениамину было видно, как загорелые ноги переместились вперед, но Василий чуть прибавил скорость и догнал девушку.

— А в кино пойдешь? — спросил он.

— Не пойду.

— Ученые приехали? Я им покажу, где раки зимуют.

— Брось ты свои угрозы, — сказала Ангелина.

Дальше разговора Вениамин не слышал, потому что грузовик и Ангелина отошли далеко.

Вениамин побрел по дороге, любуясь резьбой на наличниках и столбах, греясь под северным нежарким, но уютным солнцем, глядя с нежностью на жеребенка, который выскочил на улицу, оглянулся, взбрыкнул и погнался за курами, а те лениво разбегались, уступая ему дорогу. У крайнего дома, от которого дорога спускалась в низину, Вениамин остановился. Столбы ворот, седые от старости, представляли собой солдат в высоких гренадерских шапках. Носы у солдат уже откололись, как и дула ружей, но глаза гневно глядели вперед из-под насупленных бровей. Сюжет резьбы показался Вениамину необычным — ни в одной из специальных статей, несмотря на свою любознательность и осведомленность в народном творчестве, он о таком не читал. Надо сказать Андриюше, чтобы сфотографировал, подумал Вениамин и в этот момент услышал над головой стройное многоголосое пение, ровное и негромкое.

В окне высокого этажа показалась девичья головка, будто там догадались, что с улицы подслушивают. Брови удивленно взлетели при виде худого молодого человека в очках, при галстукe, со следами полосатости на лице. Девушка пропала, песня оборвалась, и тут же во всех четырех окнах возникли девичьи, женские и старушечьи головы, глядевшие на Вениамина с веселым интересом.

— Здравствуйте, — сказал Вениамин.

— Здравствуйте, — ответили во всех окнах. — Вы из экспедиции?

— Он за Мишкой бегал, — сообщила первая девушка.
— Они за мельницей приехали, — сказала женщина во втором окне.
— Нет, — сказали в третьем, — они песни собирают. — Идите сюда, — сказали в четвертом, — мы вам споем.
— С удовольствием, — сказал Вениамин, забыв на минуту о своей раскраске.

На пороге большой, в два света комнаты Вениамина встретила статная старуха с гладко зачесанными волосами. Девушки и женщины, пока Веня поднимался в дом, успели рассестись за валики, схожие с диванными, на которых были натянуты кружева, разобрать вересковые коклюшки.

— Добро пожаловать, — сказала торжественно старуха, — в ручьевскую кружевную артель.

Назвавшись директоршей артели, она повела аспиранта вдоль валиков, говоря солидно, медленно, но без перерыва, как профессиональный экскурсовод.

— Наши кружева некогда славились даже за пределами области и в 1897 году на выставке в Брюсселе получили серебряную медаль.

— Большую серебряную медаль, — уточнила толстуха в сильных очках.

— Это неважно, мы не спесивые, — сказала директорша. — Однако промысел наш захирел и почти иссох. Только в последние годы начала возрождаться слава ручьевских кружев. Но вот беда — в области наш узор не берут, говорят, что не народный, приходится ширпотребом заниматься.

— Ширпотребом! — раздались возмущенные голоса.

— А вы только поглядите, что мы умеем делать! Ведь этого больше никто не может.

Кружевницы повскакивали с мест и сгрудились за спинами директорши и Вениамина около большого стола, на котором лежал громадный альбом в дряхлом сафьяновом переплете. В нем были наклеены образцы кружев — некоторые пожелтели от старости, другие новые.

Вениамин и в самом деле удивился, увидев эти кружева. Тонкие нити сплетались в охотничью сцену — мужчина в камзоле и треуголке охотился на уток; на следующей странице дамы в пышных платьях играли в жмурки с изысканными кавалерами на фоне изящных павильонов. Замок соседствовал с русской церквушкой, и вокруг ходили хороводом девицы в кокошниках...

— Невероятно, — сказал Веня.

— Вот то же самое они нам и сказали, — подтвердила статная директорша. Сказали, что это не входит в рамки и, значит, это не искусство.

Вы знакомы с такой узкой психологией?

— К сожалению, знаком, — сказал Вениамин.

— Они говорят, не народное, — вмешалась девушка в очках, — а у нас в деревне так плетут третий век подряд.

— Третий век, — прошептала древняя голубая бабушка из угла.

Вениамин взглянул в ту сторону и увидел над ее головой два потемневших от времени портрета в потертых золоченых рамах. Художник, который писал их, видно, не обучался в академии, пришел из иконописцев, но был талантлив и наблюдателен. В портретах чувствовалась крепкая рука и уверенность в себе.

Справа висел портрет мужчины в зеленом мундире с красными отворотами и обшлагами, с золотыми пуговицами и в треуголке, обшитой золотым галуном. Лицо мужчины было сурово, подбородок крепкий, а глаза светлые, голубые, как у всех кружевниц.

— Кто это? — спросил Вениамин.

— Майор Полуехтов, — сказала древняя бабушка, — ясное дело.

Но Вениамин уже не слышал. Он смотрел на второй портрет. На нем была изображена молодая женщина, тоже голубоглазая, с полными чуть загнутыми в углах губами, доверчивая и добрая. Платье было открытое и обнажало округлые плечи и высокую грудь, закрытую кружевом.

— А это государыня императрица, — прошамкала бабушка. — Елизавета Петровна в бытность свою цесаревной.

— Это не более как сомнительная версия, — сказала директорша. — Мы думаем, что это жена Полуехтова.

— Нет, — сказала бабушка, — императрица любила нашего майора невестинной любовью, потому он сюда и попал.

Вениамин уже не слышал спора, горевшего, видно, не первый год. Он смотрел на портрет и страдал, ощущая бездну времени, отделявшую его от молодости той, что была изображена на портрете. И неважно было — принцесса, императрица, невеста, жена... ее нет, Вениамин опоздал, трагически опоздал родиться...

Он не помнил, как оказался на улице, хотя вроде бы его проводила до калитки директорша артели, а он вроде бы обещал ей поговорить со специалистами в Свердловске и постоять за ручьевские кружева. Он слышал лишь стук собственного сердца и знал, что полюбил безнадежно и навсегда.

Дальше дед с Андрюшей шли не спеша. Андрюша остановился там, где оставил фотоаппарат. Там же лежал букет голубых махровых цветов.

— Погоди, — сказал вдруг дед строго. — Ты зачем эти цветы погубил?

— Красивые, — сказал Андрюша. — Пускай в банке постоят.

— А ты чего в своей жизни посадил, молодой человек? Ты чего создал? Рвать научился? Рвать все умеют! Это точ-на.

— Это же васильки. Сорняки.

— Дурак, — сказал старик. — Рожь здесь растет обыкновенная, семена из района получили. А васильки уникальные, только в наших местах произрастают. Так что подорвешь экологию, и не будет больше такого сорняка.

— Ну и хорошо, — упрямылся Андрюша, — урожаи увеличатся.

— Опять дурак, — сказал старик. — Уничтожишь ты этот так называемый сорняк невиданной красоты, а на нем, может, особый вид бабочек обитал, он тоже вымрет. Тебе их не жалко?

Дед протянул вперед коричневую ладонь, и сверху, из голубой небесной синевы, послушно опустилась ему на ладонь оранжевая бабочка с синими пятнами на крыльях.

— Ты с этим видом знаком? — спросил дед.

— Я бабочек не изучал, — сказал Андрюша, — может, она на соснах живет.

— Эндемик, — сказал дед. — Понимаешь? Все в природе уравновешено и взаимосвязано, как говорил Дарвин.

— Кто?

— Дарвин-младший, внук, я с ним состоял в переписке.

Очевидно, старик не врал. Бабочка вспорхнула с ладони, сделала круг над букетом васильков, огорченная экологическим бедствием, пришедшим с Андрюшей, и пропала в жаркой душистой синеве.

— Что же мне теперь делать? — спросил Андрюша.

— Дари уж кому хотел. Только на будущее осторожней, береги природу. Пора нам здесь заповедник устраивать. Ты мальчишек двух не встречал, Сеньку и Семена?

— Видел.

— Из-за них, стервцов, я Мишке малину уступил, за ними погнался. Опять браконьерствовали.

— Вы рыбу имеете в виду?

— Ее самую. — Видно, от малого роста дед говорил громко, уверенно, с нажимом на некоторые слова. — А ты что, в поп-группе выступаешь?

— Не понял, — сказал Андрюша. — Волосы у тебя дикие. И характер буйный. На медведей бросаешься. Я решил было, что ты на саксофоне играешь. В ансамбле. Я, понимаешь, больше классический джаз уважаю. На уровне диксиленда. Ты как к диксиленду относишься?

— Положительно, — сказал Андрюша. — А почему медведь из пушки стреляет?

— Традиция, — сказал дедушка. — Хочешь поглядеть, как он это делает?

— Конечно, хочу. Только он меня не узнает?

— На работе смирный. Понимает, что может зарплаты лишиться. Он за место держится. Сам-то он бескорыстный, но семья у него, медведица строгая. Да ты не бойся, в случае чего я ему объясню. Ведь это я шефство над пушкой осуществляю. Это точ-на.

— Так чего же он у вас малину отнял?

— Ты бы молчал — сам изранил, довел зверя до крайности. Он же в принципе дикий зверь. — Дед рассердился. Даже остановился, топнул ногой и строго спросил: — За мельницей приехали?

— Почему все про мельницу спрашивают? Мы же фольклористы.

— Понимаю, — сказал старичок. — Я все равно к мельнице бы дорогу не указал. Мельница у нас со странностями.

— Любопытно посмотреть, — сказал Андрюша.

Они дошли до крайней избы, остановились. Старичок сказал:

— Вон на той стороне второй дом мой. Запомнил? Жду к себе.

Старичок быстро пошел через улицу к своему дому.

Андрюше не хотелось возвращаться домой. Он уже понял, что в деревне все знают о его утреннем подвиге, но относятся к нему без особой издевки. Может, поискать Эллу? Все-таки он член экспедиции, и его фотографическое мастерство может пригодиться.

Тут он увидел знакомых ребяташек, которые натягивали веревку между могучими липами. Андрюша присел на траву, было тихо, мирно, деревня ему нравилась, утренние приключения уже ушли в прошлое. Он глядел на Сеню и Семена и думал, что они чем-то — разрезом глаз или длинными белесыми ресницами похожи на Ангелину.

— Прыгать будешь? — спросил Семен. — У нас тренировка по прыжкам в высоту. Скоро тренер придет.

— Вы тренируйтесь, я погляжу.

— Гляди, — сказал Сеня. — За погляд денег не берем. Только если какой-нибудь новый стиль знаешь, не скрывай. А то мы все фолсбери-флопом прыгаем, а он имеет пределы.

Семен разбежался и прыгнул через веревку. Не фолсбери-флопом, а перекидным да притом зацепился за веревку на высоте метра с небольшим, грохнулся, хорошо — земля мягкая, трава.

— Разминка, — сказал он, — неудачное приземление.

Теперь разбежался Сеня, веревку он преодолел и сказал Семену:

— Поднимай выше.

— Правильно, — сказал подошедший неведь откуда Вениамин, снимая очки и передавая их Андрюше. — Я принимаю участие. Вы не возражаете?

— Прыгайте, — сказал Семен. — Эту высоту будете брать или поднимем?

— Поднимем, — сказал Вениамин. — Во мне подъем чувств.

Он затрусил к веревке, затормозил перед нею и подпрыгнул. Веревка ударила его по коленям, и Вениамин перевалился, шлепнулся на живот и замер. Подниматься было лень — жаркая истома завладела воздухом. Веня отполз в сторону, в тень, перевернулся на спину и закрыл глаза.

Сеня с Семеном подняли веревку повыше, до полутора метров. Сеня преодолел ее с первой попытки, Семен со второй стилем фолсбери-флоп. Андрюша поглядел на редкие кучевые облака и сказал:

— Надо мне честь города защищать. Разойдись, братва!

Он хорошо разбежался, перепрыгнул с запасом и сказал:

— Разрешаю поднять планку еще на три сантиметра.

На следующей высоте сошел Сеня, но Семен остался, Андрюша его обошел только по числу попыток.

— Наша взяла, — сказал Андрюша, — а вы говорили.

Он запыхался, устал. И как-то вылетело из головы, что его противникам лет по восемь, не больше.

— Сегодня ваша, завтра наша, — сказал Семен. — Мы еще в длину не прыгали. Смотри, тренер пришел.

Коля Полуехтов с сумкой «Олимпиада-80» через плечо остановился поодаль.

— Как успехи, малыши? — спросил он.

— Скромные, — сказал Сеня.

— Стараемся, — сказал Семен. — Без тебя трудно.

Коля подошел к веревке, ладонью проверил высоту — получилось до его носа.

— Солидно, — сказал он. — Метр пятьдесят три. С какой попытки брали?

— Андрей взял со второй, — сказал Семен. — Я с третьей.

— Нет, — Коля поглядел на Андрюшу снизу вверх, — для тебя это не достижение. В тебе живого росту, наверное, метр восемьдесят.

— Метр семьдесят шесть, — сказал Андрюша.

— Свой рост надо брать без усилий. Это твой предел?

Мальчишки смотрели на Колю с уважением, верили каждому слову.

— Не знаю, — сказал Андрюша. — У меня другие цели в жизни.

— Цели прыжкам не помеха. — Коля говорил поучающим голосом. Андрюшу это разозлило.

— А ты свой рост можешь взять?

— Не проблема, — сказал Коля и, не снимая сумки и не раздеваясь, даже без разбега присел, оттолкнулся и перемахнул через веревку. Потом обернулся к Андрюше. — Ты на меня не обижайся. Я к зиме буду два метра брать. Такая у меня цель. Ну ладно, вы тут отдыхайте, а у меня дела.

Коля пошел через дорогу к дому, а Сеня сказал вслед:

— Редкого упорства он у нас.

— Энциклопедию читает, — вздохнул Семен. — Уже третий том.

Из калитки вышел пес, поглядел по сторонам, затрусил к околице. Вид у пса был деловой, задумчивый.

— За коровой пошел, — сказал Сеня.

По улице не спеша шли Элла Степановна и Эдик. У калитки они остановились. До молодых людей донесся вопрос Эдуарда:

— Вы удовлетворены встречей?

— Спасибо, Эдик, — сказала Элла Степановна. — Ваша помощь совершенно неоценима.

— Ну что ж, и нам надо идти, — сказал Андрюша, подождав, пока Эдуард откланяется.

Глафира задержалась в правлении, вела телефонные переговоры с районом. Ангелина осталась на ферме, там заболел теленок. Обед готовила Элла, а Коля истопил баню, и экспедиция как следует вымылась. Баня оказалась настолько эффективной, что лицо Вениамина приобрело естественный бело-голубой цвет. Правда, он сам этого не заметил, так как его неожиданная влюбленность в портрет воздвигла между ним и действительностью стену. Элла Степановна, узнав о происшедшем, искренне расстроилась.

— Придется мне сходить и поглядеть, что там за портрет, — решила она.

Коля убрал со стола посуду и достал с полки четвертый том энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

— Почитаю немного, — сказал он. — До вечерней тренировки время есть.

— Андрюша, — спросила Элла, — у тебя магнитофон в порядке? С завтрашнего дня начинаем запись.

— Техника у меня готова... — ответил Андрюша. — Только я завтра утром на мельницу сходить хотел.

— На какую мельницу? — возмутилась Элла. — Мы приехали...

— Знаю, за песнями, — согласился Андрюша. — Но наш долг не проходить равнодушно мимо исчезающих памятников старины. К тому же она какая-то странная.

— Ничего странного, — заметил Коля, отрываясь от энциклопедии.

— На колесах? — спросил Андрюша.

— Нет. Просто бродячая. В прошлом году на холме стояла, за рекой. Потом пропала. Говорят, в Волчьем логу объявилась.

— И ты в это веришь! — воскликнула Элла. — Ты же пионер!

— А чего же не верить?

— И как ты это объясняешь? — спросил Андрюша.

— А чего объяснять? Это все проделки секунд-майора, — сказал Коля. — Он на мельнице ходит и шалит. Все знают.

— Ну, это никуда не годится! — сказала Элла. — Я с твоей бабушкой поговорю.

— Поговорите, — сказал Коля и продолжал чтение энциклопедии.

— Местный фольклор, — сказал Вениамин. — Обычный местный

фольклор. Рождается на глазах. Мельницы, может, и нет... Вот пройдет несколько месяцев, и будут обо мне рассказывать, как я влюбился в портрет, а он ожил и стал человеком. У Гоголя...

— В тебе живет Пигмалион, — сказал Андрюша.

— Но портреты не оживают, Вень, — сказала Элла. — Выкинь это из головы.

— Я пойду, — сказал тогда Вениамин, — в артель. Погляжу на портрет.

Коля вздохнул и снова отложил энциклопедию. — Ну дети, прямо дети, сказал он. — Что, у вас фольклористы все такие психованные?

— Меня это смущает, — серьезно ответила Элла. — Хотя и твой, Коля, рассказ о мельнице меня не утешил.

— Я все-таки пойду, — сказал Вениамин. — У меня предчувствие...

Он направился к двери, но в этот момент дверь открылась и вошла Ангелина.

— Вы уже пообедали? — спросила она с порога. — А я спешила...

Тут раздался глухой стук.

Вениамин со всего размаха грохнулся на пол.

Он лишился чувств.

— Эх, — сказал Коля, окончательно закрывая энциклопедию.

— Я что-нибудь не то сказала? — испугалась Ангелина.

— Он переутомился... Андрюша, воды, — сказала Элла, наклоняясь над Веней.

— История загадочная, — сказал Андрюша. — Вы знакомы?

Ангелина отрицательно покачала головой, зачерпнула из ведра кружку воды, дала Элле. Элла поднесла к губам Вениамина, но тот не прореагировал на это. Элла вцепилась аспиранту в пульс, а Андрюша перехватил кружку и вылил ее на голову своему коллеге.

Вениамин захлебнулся, чихнул, закашлялся, вскочил, увидел Ангелину и попытался тут же снова грохнуться в обморок, но этого не допустил Андрюша:

— Стой! Сначала объяснись!

— Это она... — промолвил Вениамин. — Я так и знал.

— Кто она?

— Портрет, — сказал Веня. — Я не зря надеялся.

После этого падать в обморок было уже не нужно, да и неудобно. Веня смертельно смутился, оттолкнул заботливые руки Эллы, резко поднялся и, пошатываясь, отошел к окну.

— Все ясно, — сказал Андрюша смущенной Ангелине. — Наш ученый сегодня побывал у ваших кружевниц и увидел там женский портрет. Он влюбился в него с первого взгляда. И тут тыходишь...

— Это ваш портрет, — сказал Вениамин, не оборачиваясь. — Это вы.

— А если это был портрет императрицы Елизаветы Петровны? — спросил Андрюша. — Понимаешь, с кем ты теперь имеешь дело?

— Мне все равно, — глухо сказал Вениамин, глядя в окно. — Я потрясен. Я не знаю, что мне теперь делать.

— Сходить к колодцу, — сказал Андрюша. — Чай будем пить.

— Не надо, — сказал голос от двери. — Чай погодит.

В дверях стоял вошедший незамеченным шофер Василий, который держал в кулаке два билета в кино.

— Добрый вечер, — сказала Элла Степановна. — Как приятно, что вы нас навестили.

Василий даже не взглянул на нее.

— Ты в кино идешь или не идешь? — спросил он сурово Ангелину. И

сам ответил: — Не идешь.

— Если ты ревнуешь, — сказал Коля, — то зря. Веня в портрет влюбился.

— Камуфляж, — сказал Василий. — Ты мне мозги не пудри.

— Клянусь вам! — резко обернулся от окна Вениамин. — Клянусь, что я не видел Ангелину раньше. И мое отношение к ней вторично!

— Почему вторично? — удивилась Ангелина.

— А вы садитесь, посидите с нами, — сказала Элла. — Хотите, кто-нибудь из нас в кино с вами пойдет?

— Чего? — Василий только сейчас вспомнил про билеты. Он разжал кулак. Билеты закружились и упали на пол, а Василий подошел к Вениамину и сказал с угрозой: — Иди к своему портрету, понял? На Ангелину ни взгляда, ни вдоха, понял?

— Я не могу дать вам такого обещания, — сказал Вениамин. — Простите меня, пожалуйста. Это выше меня.

— Мое дело предупредить, — сказал Василий. Он смотрел на аспиранта с презрением и не уходил, не сказав последнего слова, но тут за окном мелькнула черная тень и раздался крик:

— Меакульпа!

Лицо Василия исказилось.

— Проклятие! — закричал он страшным голосом и выбежал из дома. Взревел за окном грузовик.

— Кто же это? — спросила Элла.

— Я думаю, что птица, — сказал Андрюша. — Та самая, да?

— Гришка, — сказала Ангелина. — Это Гришка. Вася за ним вторую неделю гоняется.

— Не догонит, — сказал Коля. — Хочешь, посмотрим?

Андрюша вслед за Колей выбежал на улицу.

Солнце клонилось к закату. Тени от домов и деревьев стали длинными и лиловыми, и трава казалась еще светлее и зеленее.

Далеко над улицей медленно летела громадная черная птица, за нею гнался грузовик.

— Не догонит, — повторил Коля, — ты не беспокойся.

Андрюша хотел сказать, что и не беспокоится, но сзади раздался голос Эдуарда Олеговича:

— Удивительно! Взрослый человек, а такая страсть!

— Страсть? — удивился Андрюша. — К Ангелине?

— О нет! К таксидермии.

— Не понял, — сказал Андрюша. Он не знал такого слова.

— Вася мечтает сделать чучело из этого редкого экземпляра и послать в Академию наук.

— Это не чучело! — возмутился Коля. — Гришка триста лет жил и еще проживет.

Неподалеку возникли Сеня с Семеном.

— Я пошел, — сказал Эдуард Олегович. — В клубе дела. Если захочешь, Андрюша, приходи. Гитару бери, послушаем.

— Спасибо, — сказал Андрюша. — Я вот о мельнице думаю.

— О мельнице? — улыбнулся Эдуард Олегович. — Старухи уверяют, что там вроде бы привидение проживает.

— Живет, — подтвердил Сеня. — Все знают, что живет.

— А кто-нибудь видел? — спросил Андрюша.

— Пойдешь, сам увидишь, — сказал Коля.

— Пойдем, — сказал Андрюша.

— Сейчас? — Коля посмотрел на небо. — Стемнеет скоро.

От реки донесся натужный вой двигателя. Все оглянулись туда.

В облаке пыли появился грузовик. Набирая скорость, он промчался по улице. Мелькнуло лицо Василия, пригнувшегося к рулю.

Грузовик выскочил на дорогу, пронесся по аллее берез, свернул за холм и исчез.

— Нет, — сказал Эдуард Олегович. — Пойду на репетицию. Совершенно недопустимо ездить по улицам с такой скоростью. А вам... — он печально поглядел на Андрюшу, — идти на мельницу не рекомендую. Вечером в лесу опасно, мало ли что почудится. К тому же мельницы, по моим сведениям, давно уже не существует...

— Не существует? — сказал Сеня обиженно. — А я что, слепой, что ли? Что я, школу-интернат в Волчьем логу видал?

— Все ясно, — сказал тогда Андрюша, оглядев молодежь. — Я иду за фотоаппаратом, через минуту выступаем.

Андрюша схватил сумку с камерой и тут же выскочил из дома.

Малолетняя гвардия переминалась с ноги на ногу. Здоровый народ, подумал Андрюша, не болеют, сливки вместо молока пьют, занимаются спортом, телевизор смотрят, а вот верят в привидение секунд-майора. Стыдно.

— Далеко идти? — спросил он.

На лицах гвардии наметилось некоторое разочарование. Видно, надеялись в глубине души, что городской ученый пошутил.

— Нет, — сказал Сеня. — Если, конечно, не заблудимся.

Не заблудились. Правда, добрались до Волчьего лога больше часа. Шли напрямик через сосновый бор, затем по пологому склону, поросшему можжевельником, через небольшое болото, по лугу, где стояли стожки сена, потом попали в глухой бурелом, что остался от давнишнего лесного пожара.

В лесу было много грибов, крепкие боровики — шляпки с тарелку — умоляли собрать их, но собирать было некуда. Через полчаса Сеня с Семой устали, пришлось передохнуть на полянке, усыпанной черникой. Пока сидели, не сходя с места, наелись черники до синевы на языке, горстями стаскивая ягоды со стеблей.

Потом лес стал гуще, будто никто никогда по нему не ходил, но вдруг впереди обнаружился просвет. Солнце только село, и в лесу сразу стало неуютно. Путешественники поспешили к свету.

Оказалось, это заросшая по грудь дорога, угадать которую позволяли лишь канавы по сторонам. Правда, посреди нее трава была примята, видно, кто-то по этой дороге ездил.

— Тут когда-то скит был, — сказал Сеня. — Дикае отшельники прятались. Только их скит в озеро провалился.

— Сказки, — возразил Семен. — Лесоразработки тут были.

Дорога заросла крапивой, ее приминаешь, она поднимается лениво, с раскачкой, норовит хлестнуть по лицу смертельной болью. Из леса тянуло вечерним холодом, а на дороге еще было светло, и жужжали, спешили добрать дневную норму пчелы, стрекозы парили над головами.

Справа открылась низина.

— Вот он, Волчий лог, — сказал Сеня. — Тут мельница стоит.

Он поспешил через лужайку, остановился, огляделся.

— Вот. Здесь она стояла.

Трава в середине поляны была примята большим квадратом, особенно глубоко в землю уходили следы двух параллельных бревен. Внутри квадрата трава была низкой, жухлой и белесой.

Коля пошел кругами все шире, наконец крикнул:

— Она в эту сторону ушла!

Андрюша отмахнулся. Мистики он не любил. Мистика не входила в круг привычных для него понятий, а раз так, ее существовать не могло. Но похоже было, что они пришли именно в Волчий лог, а здесь недавно еще стояла мельница. Только мельница ушла.

— Я серьезно говорю, — сказал Коля. — Она следы оставила.

Мельница, видно, ползла по траве, кое-где вырывая ее целыми пластами. Борозды вели к дороге.

— Зачем? — спросил Андрюша. — Кому это нужно?

— Кому? — переспросил Семен. — Ясно кому. Секунд-майору. — Он протянул Андрюше что-то блестящее. — Смотри.

Это была старая медная пуговица, гладкая, выпуклая, размером с трехкопеечную монету.

— Он в мундире ходит, — сообщил Сеня. — Мундир у него военный тех времен. Пуговицы такие. Это все знают.

— Чепуха, — сказал Андрюша. — Если он привидение, то он нереальный. Откуда у миража медные пуговицы?

— Не знаю, — сказал Семен. — Значит, так нужно.

Следы мельницы доходили до лесной дороги, потом сливались с колеями.

— Когда же она ушла? — спросил Андрюша задумчиво. — Сегодня?

— Нет, что ты, — сказал Коля, — с тех пор дождь был. Все следы залило. А то бы мы лучше разобрались.

Не сговариваясь, пошли дальше. Солнце село, звенели комары. В глубине под большими деревьями посинело, краски размылись, тени стали непрозрачными. Но на дороге все еще было светло.

— Может, вернемся? — спросил Сеня. — Скоро стемнеет.

— Нет, — сказал Коля. — Мы до протоки дойдем. Не могла мельница далеко уйти. Она бы в реке утонула.

Андрюше, хоть он и был виновником похода, стало не по себе — не приходилось раньше встречаться с бродячими мельницами, секунд-майорами и прочей ерундой, которой, разумеется, нет, потому что не может быть, но которая все-таки существует, а возвращаться придется по темному лесу, с ним трое мальчишек, еще потеряется кто-нибудь, а лес здесь

бесконечный и он, Андрюша, с ним незнаком. Еще сто шагов, сказал он себе, и повернем...

Мельница обнаружилась через двести шагов, на другой поляне, у тихой, заросшей рогозом протоки. Стояла она неподалеку от дороги и так хорошо спряталась в ивняке, что, если бы не следы в том месте, где она сползла с дороги, ее бы и не заметить.

Она оказалась куда меньше, чем представлял себе Андрюша: если бы Дон Кихот захотел с ней сразиться, не надо было бы садиться на коня. Да к тому же она где-то потеряла крылья. Просто избушка с высокой четырехскатной крышей. Маленькая дверца, даже Коле пришлось бы согнуться, входя туда, да узкое окошко.

В синеющем воздухе было видно, что в мельнице горит свет — прямоугольник окна казался оранжевым.

— Это мельница? — спросил Андрюша тихо.

— Она, кому же еще здесь быть, — ответил шепотом Сеня. — Я ее в Волчьем логу и видел.

— В ней кто-то живет?

Дети поглядели на Андрюшу как на сумасшедшего. Они не сомневались, что там обитает именно секунд-майор, который теряет медные пуговицы.

Желтизна окошка должна была бы внушить мысли об уютной комнатке, о самоваре, шипящем на столе, о кренделях и задушевной беседе, но и в самом деле Андрюше почему-то представилась там, внутри, злобная баба-яга, которая орудует лопатой, стараясь засадить в печь очередного дурака.

— Я все-таки схожу, — сказал Андрюша не потому, что действительно желал этого, а потому, что не мог так просто сдаться и повернуть.

— Мы здесь постоим, — ответил Сеня.

Андрюша оставил мальчишкам сумку и сам пошел к мельнице, но не напрямик через поляну, а ближе к кустам, так, чтобы привидение, вздумай оно выглянуть оттуда, его не заметило бы. Хотя, конечно, привидений не бывает.

Под ногой хрустнула ветка, Андрюша отпрянул в сторону, угодил в неглубокую яму и застыл в неудобной позе. Ему показалось, что шум раскатился на весь лес. С минуту он стоял на одной ноге и, только убедившись, что никто, кроме комаров, не обращает на него внимания, двинулся дальше.

Окошко оказалось высоко, чтобы заглянуть в него, пришлось подняться на цыпочки, опершись о стену. Бревна были холодными и чуть влажными, между ними вылезала серая пакля. Стараясь унять стук сердца, Андрюша заглянул внутрь, но увидеть ничего не успел, потому что его внимание было отвлечено дыханием за спиной. Он нервно обернулся. Сзади стоял Коля.

— Ты чего? — прошептал Андрюша.

— Они убежали, — прошептал в ответ Коля. — Сенька с Семеном. Чего мне одному стоять. Страшно. А что там?

— Тише. Сейчас! — Андрюша снова приподнялся и наконец смог разглядеть, что происходит внутри.

Мельница представляла собой небольшую тесную комнату, заставленную какими-то ящиками и бочками. Она была скупо освещена железнодорожным фонарем. При его неверном свете Андрюша увидел стоящего спиной к нему человека со знакомым борцовским затылком. В руке его поблескивал стальной прут. Человек разговаривал с кем-то, загораживая собеседника широкой спиной.

— Отвечай, — говорил он. — Отвечай, или хуже будет.

Собеседник молчал. Сверкнул стальной прут, рука резко опустилась, раздался гортанный крик боли.

— Что? Что? — шептал сзади Коля.

— Там убивают, — обернулся к нему Андрюша. — Или допрашивают. Но это не привидение.

— Подсади, — попросил Коля.

Андрюша поднял Колю на руки, и в этот момент обладатель широкой спины повысил голос:

— Я тебе голову оторву, и никто не узнает. Понял, сволочь?

— Доннерветтер! — послышался гортанный голос.

— Ругаться, да? — Снова удар.

— Это Васька, — обернулся к Андрею Коля. — Васька-шофер.

Андрюша, не отпуская Колю, заглянул в окошко. Спина Василия сдвинулась, и глазам открылась невероятная картина: на крюках, вбитых в стену мельницы, был распят громадный черный ворон Гришка. Василий молотил его железным прутом, а ворон упрямо отклонял в сторону голову и норовил при этом ударить мучителя клювом.

— Гришка! — ахнул Коля.

Возглас Коли донесся до Василия, тот резко обернулся.

— Убью! — закричал он страшным голосом и, не выпуская из рук прут, бросился к двери.

Коля рванулся из рук Андрюши, оба упали на землю. Страх заставил их ползти, потом подняться на четвереньки и понестись к кустам. Им казалось, что разъяренный Василий уже настигает их...

Но этого не случилось. Сзади раздался короткий вопль ужаса. Топот преследователя оборвался, и Андрюша, кинув взгляд назад, увидел, что Василий замер, словно натолкнулся на стену.

— Смотри! — крикнул Коля, вскакивая на ноги.

По тонкому ватному слою вечернего тумана, укрывшему поляну, медленно, невесомо, зловеще надвигалась человеческая фигура, одетая странно и изысканно: в длинный зеленый камзол с красным воротником и обшлагами рукавов, в белые в обтяжку штаны, белые чулки и башмаки с пряжками. Лицо этой фигуры прикрывала зеленая треуголка, в руке был старинный пистолет.

Затрещали кусты — туда бросился Василий.

А Андрюша, хоть и не верил в привидения, ощутил такой ледяной и глубокий страх, что ноги сами повлекли его куда-то в сторону. Перед глазами мелькала спина удирающего Коли, потом надвинулась стена темных деревьев. Что-то ударило по ногам, Андрюша полетел в кусты и упал рядом с Колей.

Полежав какое-то время, Андрюша осторожно поднял голову и выглянул в просвет между кустами. Невесомо в синих сумерках привидение подходило к мельнице.

— Бежим, пока привидение далеко, — прошептал Коля.

— погоди, — сказал Андрюша, к которому возвращались присутствие духа и обычный скепсис.

— Это его мельница, — сказал Коля. — Васька туда забрался, и ему теперь не поздоровится. Секунд-майор его за такое преступление из-под земли достанет.

Андрюша приподнялся на локтях, вглядываясь вдаль. И увидел, как черная тень выскользнула из двери мельницы и взмыла к небу.

— Он его выпустил, — сказал Андрюша. — Подождем еще?

— Ты как хочешь, — сказал Коля, — а с меня хватит.

— Ладно, — сказал Андрюша, который вдруг почувствовал, что очень устал и хочет домой.

Они не успели подняться — неподалеку хрустнула ветка. Кто-то шел осторожно и медленно.

— Васька! — шепнул Коля.

Но это был не Васька. Из кустов на поляну, почти растаявшую в сумерках, туман, полосами поднимавшийся от протоки, уже заполнял ее, —

беззвучно выплыла еще одна фигура. Еще одно военное привидение. Мундир его был синим с красным воротником и обшлагами, штаны в отличие от первого привидения были красными и заправлены были в высокие узкие сапоги с раструбами. Синяя треуголка была обшита позументом, блестящим под светом только что вышедшей луны.

— Снова секунд-майор, — прошептал Коля. — Это перебор.

— Наверное, он из другого полка, — сказал Андрюша.

Привидение оглянулось, словно вынюхивая живых, потом двинулось к мельнице. Шло оно по колена в тумане, и зрелище было загадочным и потусторонним.

В этот момент дверь в мельнице растворилась вновь и оттуда, поправляя треуголку, вышел первый секунд-майор. Он сделал несколько шагов, прежде чем увидел своего двойника. В тот же момент и двойник увидел его.

Привидения остановились, приглядываясь друг к другу.

— Дубли, — прошептал Коля.

Привидения будто приросли к месту. Секунды тянулись медленно, страшное бесконечное безмолвие зависло над поляной. Андрюша слышал, как часто и неровно бьется его сердце.

И вдруг оба призрака повернулись и, убыстряя шаги, пошли в разные стороны: первый — к оврагу, второй — к дороге. Они шли все быстрее, летели над туманом... и растаяли в нем, словно их и не было.

Андрюша с Колей, не сговариваясь, вскочили и молча побежали по темному лесу.

Было совсем темно, когда они в километре от деревни выбрались на дорогу. Почти перед околицей сзади послышался гул мотора, и, отпрыгнув в кювет, они проследили, как по шоссе, дребезжа, промчался грузовик. Они переглянулись и прибавили шагу — деревня была рядом.

В домах уже зажглись огни, слышно было, как по камням бормочет ручеек. От крайнего дома поднялись две тени — Сеня и Семен, подбежали к дороге.

— Мы вас ждем, — сообщил Сеня, — даже замерзли.

— Сбежали, — сказал презрительно Коля.

— А мы привидение видели, — сказал Семен. — Так бежали, что чуть ноги не поломали.

— Мы их пачками видели, — сказал Андрюша. — Они у вас в лесу, как грибы. Василий проезжал?

— Только что проехал. А что?

— Ничего, — сказал Коля, — спокойной ночи, малыши.

Мельница обнаружилась через двести шагов, на другой поляне, у тихой, заросшей рогозом протоки. Стояла она неподалеку от дороги и так хорошо спряталась в ивняке, что, если бы не следы в том месте, где она сползла с дороги, ее бы и не заметить.

Она оказалась куда меньше, чем представлял себе Андрюша: если бы Дон Кихот захотел с ней сразиться, не надо было бы садиться на коня. Да к тому же она где-то потеряла крылья. Просто избушка с высокой четырехскатной крышей. Маленькая дверца, даже Коле пришлось бы согнуться, входя туда, да узкое окошко.

В синеющем воздухе было видно, что в мельнице горит свет — прямоугольник окна казался оранжевым.

— Это мельница? — спросил Андрюша тихо.

— Она, кому же еще здесь быть, — ответил шепотом Сеня. — Я ее в Волчьем логу и видел.

— В ней кто-то живет?

Дети поглядели на Андрюшу как на сумасшедшего. Они не сомневались, что там обитает именно секунд-майор, который теряет медные пуговицы.

Желтизна окошка должна была бы внушить мысли об уютной комнатке, о самоваре, шипящем на столе, о кренделях и душевной беседе, но и в самом деле Андрюше почему-то представилась там, внутри, злобная баба-яга, которая орудует лопатой, стараясь засадить в печь очередного дурака.

— Я все-таки схожу, — сказал Андрюша не потому, что действительно желал этого, а потому, что не мог так просто сдаться и повернуть.

— Мы здесь постоим, — ответил Сеня.

Андрюша оставил мальчишкам сумку и сам пошел к мельнице, но не напрямик через поляну, а ближе к кустам, так, чтобы привидение, вздумай оно выглянуть оттуда, его не заметило бы. Хотя, конечно, привидений не бывает.

Под ногой хрустнула ветка, Андрюша отпрянул в сторону, угодил в неглубокую яму и застыл в неудобной позе. Ему показалось, что шум раскатился на весь лес. С минуту он стоял на одной ноге и, только убедившись, что никто, кроме комаров, не обращает на него внимания, двинулся дальше.

Окошко оказалось высоко, чтобы заглянуть в него, пришлось подняться на цыпочки, опершись о стену. Бревна были холодными и чуть влажными, между ними вылезала серая пакля. Стараясь унять стук сердца, Андрюша заглянул внутрь, но увидеть ничего не успел, потому что его внимание было отвлечено дыханием за спиной. Он нервно обернулся. Сзади стоял Коля.

— Ты чего? — прошептал Андрюша.

— Они убежали, — прошептал в ответ Коля. — Сенька с Семеном. Чего мне одному стоять. Страшно. А что там?

— Тише. Сейчас! — Андрюша снова приподнялся и наконец смог разглядеть, что происходит внутри.

Мельница представляла собой небольшую тесную комнату, заставленную какими-то ящиками и бочками. Она была скупо освещена железнодорожным фонарем. При его неверном свете Андрюша увидел стоящего спиной к нему человека со знакомым борцовским затылком. В руке его поблескивал стальной прут. Человек разговаривал с кем-то, загораживая собеседника широкой спиной.

— Отвечай, — говорил он. — Отвечай, или хуже будет.

Собеседник молчал. Сверкнул стальной прут, рука резко опустилась, раздался гортанный крик боли.

— Что? Что? — шептал сзади Коля.

— Там убивают, — обернулся к нему Андрюша. — Или допрашивают. Но это не привидение.

— Подсади, — попросил Коля.

Андрюша поднял Колю на руки, и в этот момент обладатель широкой спины повысил голос:

— Я тебе голову оторву, и никто не узнает. Понял, сволочь?

— Доннерветтер! — послышался гортанный голос.

— Ругаться, да? — Снова удар.

— Это Васька, — обернулся к Андрею Коля. — Васька-шофер.

Андрюша, не отпуская Колю, заглянул в окошко. Спина Василия сдвинулась, и глазам открылась невероятная картина: на крюках, вбитых в стену мельницы, был распят громадный черный ворон Гришка. Василий молотил его железным прутом, а ворон упрямо отклонял в сторону голову и норовил при этом ударить мучителя клювом.

— Гришка! — ахнул Коля.

Возглас Коли донесся до Василия, тот резко обернулся.

— Убью! — закричал он страшным голосом и, не выпуская из рук прут, бросился к двери.

Коля рванулся из рук Андрюши, оба упали на землю. Страх заставил их ползти, потом подняться на четвереньки и понестись к кустам. Им казалось, что разъяренный Василий уже настигает их...

Но этого не случилось. Сзади раздался короткий вопль ужаса. Топот преследователя оборвался, и Андрюша, кинув взгляд назад, увидел, что Василий замер, словно натолкнулся на стену.

— Смотри! — крикнул Коля, вскакивая на ноги.

По тонкому ватному слою вечернего тумана, укрывшему поляну, медленно, невесомо, зловеще надвигалась человеческая фигура, одетая странно и изысканно: в длинный зеленый камзол с красным воротником и обшлагами рукавов, в белые в обтяжку штаны, белые чулки и башмаки с пряжками. Лицо этой фигуры прикрывала зеленая треуголка, в руке был старинный пистолет.

Затрещали кусты — туда бросился Василий.

А Андрюша, хоть и не верил в привидения, ощутил такой ледяной и глубокий страх, что ноги сами повлекли его куда-то в сторону. Перед глазами мелькала спина удирающего Коли, потом надвинулась стена темных деревьев. Что-то ударило по ногам, Андрюша полетел в кусты и упал рядом с Колей.

Полежав какое-то время, Андрюша осторожно поднял голову и выглянул в просвет между кустами. Невесомо в синих сумерках привидение подходило к мельнице.

— Бежим, пока привидение далеко, — прошептал Коля.

— погоди, — сказал Андрюша, к которому возвращались присутствие духа и обычный скепсис.

— Это его мельница, — сказал Коля. — Васька туда забрался, и ему теперь не поздоровится. Секунд-майор его за такое преступление из-под земли достанет.

Андрюша приподнялся на локтях, вглядываясь вдаль. И увидел, как черная тень выскользнула из двери мельницы и взмыла к небу.

— Он его выпустил, — сказал Андрюша. — Подождем еще?

— Ты как хочешь, — сказал Коля, — а с меня хватит.

— Ладно, — сказал Андрюша, который вдруг почувствовал, что очень устал и хочет домой.

Они не успели подняться — неподалеку хрустнула ветка. Кто-то шел осторожно и медленно.

— Васька! — шепнул Коля.

Но это был не Васька. Из кустов на поляну, почти растаявшую в сумерках, туман, полосами поднимавшийся от протоки, уже заполнял ее, —

беззвучно выплыла еще одна фигура. Еще одно военное привидение. Мундир его был синим с красным воротником и обшлагами, штаны в отличие от первого привидения были красными и заправлены были в высокие узкие сапоги с раструбами. Синяя треуголка была обшита позументом, блестящим под светом только что вышедшей луны.

— Снова секунд-майор, — прошептал Коля. — Это перебор.

— Наверное, он из другого полка, — сказал Андрюша.

Привидение оглянулось, словно вынюхивая живых, потом двинулось к мельнице. Шло оно по колено в тумане, и зрелище было загадочным и потусторонним.

В этот момент дверь в мельнице растворилась вновь и оттуда, поправляя треуголку, вышел первый секунд-майор. Он сделал несколько шагов, прежде чем увидел своего двойника. В тот же момент и двойник увидел его.

Привидения остановились, приглядываясь друг к другу.

— Дубли, — прошептал Коля.

Привидения будто приросли к месту. Секунды тянулись медленно, страшное бесконечное безмолвие зависло над поляной. Андрюша слышал, как часто и неровно бьется его сердце.

И вдруг оба призрака повернулись и, убыстряя шаги, пошли в разные стороны: первый — к оврагу, второй — к дороге. Они шли все быстрее, летели над туманом... и растаяли в нем, словно их и не было.

Андрюша с Колей, не сговариваясь, вскочили и молча побежали по темному лесу.

Было совсем темно, когда они в километре от деревни выбрались на дорогу. Почти перед околицей сзади послышался гул мотора, и, отпрыгнув в кювет, они проследили, как по шоссе, дребезжа, промчался грузовик. Они переглянулись и прибавили шагу — деревня была рядом.

В домах уже зажглись огни, слышно было, как по камням бормочет ручеек. От крайнего дома поднялись две тени — Сеня и Семен, подбежали к дороге.

— Мы вас ждем, — сообщил Сеня, — даже замерзли.

— Сбежали, — сказал презрительно Коля.

— А мы привидение видели, — сказал Семен. — Так бежали, что чуть ноги не поломали.

— Мы их пачками видели, — сказал Андрюша. — Они у вас в лесу, как грибы. Василий проезжал?

— Только что проехал. А что?

— Ничего, — сказал Коля, — спокойной ночи, малыши.

Дед достал длинный костяной мундштук, потом из другого кармана расшитый бисером кисет с табаком, закурил самокрутку, вставил ее в мундштук.

Элла с Колей убрали со стола. Дед поставил на стол чемоданчик, развязал веревки — и тот сразу распахнулся, из него ворохом полетели листы бумаги.

— Деревня наша, — сказал дед, раскладывая бумаги по столу, — имеет историю долгую и необыкновенную. А известна она узкому кругу людей, потому что другие не интересовались. Ты посмотри на своих гостей, Глафира. Они по специальности все волчьи углы облазили, а вот до нас только к концу двадцатого века добрались. Вот ты, рыжая, — это относилось к Элле, и та не обиделась, — скажи, почему Ручьи Полуехтовы?

— Помещик был Полуехтов, — сказала Элла. — Нам Эдуард Олегович рассказывал.

— Эдуарда Олеговича меньше слушай. Он человек пришлый, гордый, а без любопытства. Как приехал, так и уедет.

— Эдуард Олегович много делает для самодеятельности, — сказала Глафира.

— Когда по делу говоришь, Глафира, я к тебе всегда прислушиваюсь. Но когда о самодеятельности или, допустим, об американском джазе, то лучше помолчи. Ясно?

Глафира улыбнулась. За окном стало совсем темно, луна повисла над занавеской.

Дед Артем хитро прищурился, отложил лорнет, выставил бороденку, потом закачался медленно и ритмично, руки его поднялись над коленями, словно на коленях лежали гусли и дед собирался себе аккомпанировать.

— В некотором царстве, — начал он нараспев, — в некотором государстве...

— Послушай, Артемий, — перебила его Глафира, — а нельзя ли попроще?

— Проще нельзя, — сказал Артемий. — Ты забыла, кого принимаем? Принимаем мы специалистов по фольклору — для них то, что начинается с трезвых дат и фактических сведений, в уши не пролезает. Продолжаю. Значит, в некотором царстве, в некотором государстве жили-

поживали добрые крестьяне, землю пахали, горя не знали, подати платили, лен молотили...

Андрюша включил магнитофон, и дед наклонился к нему поближе, чтобы магнитофон чего не пропустил, а сам поглядывал на зеленый дрожащий огонек индикатора, следил за качеством записи.

— Тебе ли фольклор придумывать? — усомнилась Глафира.

— Кто-то должен это делать, — сказал дед. — Не оставлять же на откуп неграмотным бабкам. А ты чего «телефункен» не купишь?

— Чего? — не понял Андрюша.

— Качество невысокое, — сказал дед.

— Не отвлекайся, — сказала Глафира. — Думаешь, если новая аудитория, на тебя управы нету? Вот велю Кольке рассказывать...

— Нет, Кольке нельзя, — не согласился дед, — он романтик. Он обязательно приврет. Про крепость и индейцев.

— Тогда я сама расскажу.

— Давай, чего мне, я разве возражаю? Ты бригадир, ты здесь исполнительная власть. Давай рассказывай.

— Дело в том, — сказала Глафира, — что дед наш краевед. Он три отпуска в Ленинграде провел в архивах, в музеях. Все наши легенды и сказки научно объяснил, но, разумеется, личная скромность его подводит, да и недостаток образования... — Глафира говорила, ухмыляясь, поглядывала на деда, тот вертелся на стуле: и приятно было слушать, и самому поговорить хотелось.

— Ладно, — сказал дед, — я сам продолжу.

Он обеими руками подвинул к себе кипу бумаг. Бумаги оказались различными старыми мятыми записками, машинописными страницами, фотокопиями документов, исписанных писарской вязью...

Дед порылся в бумагах, окинул строгим взглядом притихшую аудиторию и сказал:

— Начнем тем не менее с фольклора.

— Начнем, — сказал Андрюша и вытащил фотокамеру. Вид деда, лорнирующего фольклорную экспедицию, был экзотичен.

— Выдержку побольше сделай, — сказал дед строго. — Тут света маловато. А начнем с чистой сказки. Как звучала она в народе и как ее записал от моей бабушки Пелагеи случайный человек приват-доцент Миллер, добравшийся до наших мест из любознательности, свойственной положительному российскому немцу.

Дед извлек фотокопию журнальной страницы.

— Напечатано в журнале «Любитель Российской старины», номер

шесть, декабрь 1887 года, на этом номере журнал прекратил свое существование. Найден мною в библиотеке Пермского института культуры. «Быль то или небылица» — так моя бабушка начала свой рассказ, типичный запев в наших краях.

— Типичный, — согласилась Элла, — вы совершенно правы.

— «Быль то или небылица, летела птица, несла яйца». Последнее слово отношу на совесть Миллера, бабушка моя никогда так не рифмовала, — сказал дед.

— Это невозможно, — снова согласилась Элла. — Сказительницы всегда берегли русский язык.

— Будем думать, что бабушка здесь обошлась без рифмы, — сказал дед. — Суть в следующем. Вначале идет обычный текст об Иване-дураке, который намерен отыскать лекарство для царевны. Встречает Иван старца.

Теперь слушайте текстуально. «И сказал ему старец: за лесами, за морями, за высокими горами есть в лесу ключ, а вода в нем живая. Если дашь мертвецу испить, встанет мертвец, коли дашь больному испить, исцелится больной, коли дашь калеке испить, плясать пойдет».

— Так и написано?

— Повторяю, в записи немца Миллера. Продолжаю: «И сказал тогда Иван-дурак: пошли, царь-батюшка, за живой водой, вылечим мы твою царевну. Сильно разгневался царь-батюшка. Как, говорит, смеешь ты, крестьянский сын, мне указания делать? Возьми, говорит, роту солдат и следуй к ключу, найди его, принеси воды и вылечи царевну. Вылечишь, будет тебе царевна в жены и еще полцарства в придачу».

Дед отложил листок, пролорнировал фольклористов и спросил:

— А часто ли Ивану-дураку придают роту солдат?

— Ну, это совершенно нетипично, — сказала Элла Степановна. — Герой в сказке всегда действует один.

— Вот видишь, — сказал дед Артем, — я тоже так рассудил. А ведь должен тебе сказать, что историю эту я слышал от бабушки хоть и после того, как немец Миллер здесь побывал, но еще когда бабушка была в твердом уме и памяти. Я тогда, конечно, про Миллера не знал, но мне-то бабушка говорила, что ключ живой воды находился в лесу за нашей деревней. Понимаешь, за нашей! Точ-на!

— А он там есть? — спросил Андрюша. — Или бродячий какой, как мельница?

— Вот это я и решил проверить. Тем более что с водой в нашей деревне необычно.

— В каком смысле? — спросила Элла Степановна, инстинктивно

отстраняя чашку с чаем, чего никто, кроме Андрюши, не заметил.

— А в том смысле, что она у нас особенная. Чистая, добрая.

— Волосы отмываются, как в шампуне, — сказал Коля.

— Не в этом дело! От нашей воды здоровье улучшается, силы прибывают. Лучше боржоми.

— Ну уж скажешь, — возразила Глафира. — Патриот он у нас, даже писал в Кисловодск, чтобы прислали специалиста.

— И пришлют, — сказал дед. — Спыхватятся, пришлют.

— Нет смысла, — сказал Андрюша. — Сюда добираться трудно. Кто поедет? Моря нет, пейзажей мало.

— А вот и дурак, — сказал дед убежденно. — Потому что, оказывается, раньше люди были поумнее, чем ты, студент. Что имел в виду народный эпос под видом Ивана-дурака и его роты солдат? Нет ли здесь исторического объяснения?

— Правильно, — сказал Андрюша. — Пушка на площади, верстовой столб, фамилия «Полуехтовы».

Дед повертел стопку бумаг, подвинул к себе некоторые, не спеша проглядел, хотя, видно, знал их наизусть.

— В середине восемнадцатого века царствовала на престоле злая баба, царица Анна Иоанновна, слышали о такой?

Элла кивнула.

— И под конец своего царствования занемогла она от дурости и невероятного обжорства. И каким-то неясным пока для нас путем узнала, что есть на Урале целебный источник. Полагаю, слух шел от промышленников, что за мягкой рухлядью сюда ходили. Ведь цари — они как обыкновенные люди: заболеют, всему готовы поверить. Царица велела обязательно этот источник найти и сделать здесь курорт для своего величества. — Дед достал большой ветхий лист, свернутый в трубку, развернул. — «Мы, Божьей милостью, Анна Иоанновна», — прочел он. — Без лупы не поймешь, а я два месяца сидел, пока понял... «Посылаем нашего войска секунд-майора Ивана Полуехтова...» А дальше уж совсем ничего не разобрать. И знаете, где я эту бумагу нашел?

Дед сделал паузу, подождал, пока все откачают отрицательно головами, сказал тихо и торжественно:

— В сундуке моей бабушки. Ясно? Это оригинал. Может, где в архивах и есть копия, но это оригинал. И из него ясно, что царица послала в наши края одного секунд-майора. Тут уже сказка не сказка, ничего не поделаешь.

А вот, гляди, я из журнала «Русский архив» переписал. «Из одной

забытой экспедиции XVIII века». Пишет некто Федоров-Гаврилов. Цель, сообщает он, экспедиции, которая в большой тайне была направлена из Петербурга на восток в декабре 1738 года, так и осталась невыясненной. Известно, что во главе стоял секунд-майор Полуехтов, отличившийся в Крымском походе с фельдмаршалом Минихом, — здесь все прописано, как и что. И полагал Федоров-Гаврилов, что экспедиция была направлена для достижения берега Ледовитого океана или за золотом, и рассуждает на эту тему, и говорит, что экспедиция так и не вернулась.

— Вот это здорово! — не удержался Андрюша. — А они, значит, сюда добрались?

— Больше того, без дорог, по тропе они и пушку сюда дотащили на одной армейской дисциплине. Дом построили, пушку поставили...

— Значит, они нашли источник? — спросила Элла.

— Полагаю, нашли наш ручей, — сказал дед. — Вода в нем хорошая.

— Хорошая, — сказала Глафира, — но обыкновенная.

— А царице все хуже, — продолжал дед. — И спрашивает она своих биронов и остерманов: как там дела с моим срочным исцелением? А они отвечают: не имеем сведений, кроме как знаем, что добрался Полуехтов и дорогу кладет. А вода какая? — спрашивает царица. А про воду не можем знать, отвечают бироны. А ну-ка срочно узнать! — велит царица. Самого-то главного не выяснили! Засуетились здесь бироны и послали срочно лейб-медика Блюменквиста, чтобы проверил марциальные воды. И приехал сюда лейб-медик Блюменквист, который уж давно лечил царицу, да безуспешно. Я нашел его отчет о том, как он воду пробовал. Отчет по-немецки, но мне его добрые люди в Ленинграде перевели. Там заодно я и стереосистему купил для прослушивания джаза... Так этот лейб-медик вот что сообщил: «По прибытии на место я обнаружил, что климат здесь дождлив и негоден для дыхания высоких персон, а вода, кроме чистоты, иных достоинств не имеет».

— Что же он так категорически? — спросила Элла.

— Интриги, — ответил дед. — Зачитываю отрывок из личного дневника канцлера Остермана: «Помимо прочего отъезд императрицы из Санкт-Петербурга крайне нежелателен, ибо может привести к возмущению гвардии, особливо ежели императрица скончается или сугубо занеможет в трудном пути. Имел беседу с прибывшим с Урала лейб-медиком Блюменквистом, доклад которого о посещении марциальных вод должен быть благоприятен для наших планов и судеб России». Ясно?

— Ясно, — сказал Андрюша. — А дальше что было?

— Здесь и начинается самое интересное. Майору велели

строительство курорта пресечь и вернуться домой. А секунд-майор не отозвался. Слушайте, как сказка кончается. И говорит тут Иван-дурак: хоть казни меня, царь, хоть милуй, только обратно в стольный город мне пути нету. Будем мы с царевной здесь проживать и детей наживать. Избушку срубим, огород разобьем. Пошумел царь, позлился, да что делать — слово держать надо. Отдал он царевну Ивану. И остались они в лесу, избушку построили, детей народили, так наша деревня и на свет появилась. И до сих пор они живут, куда им помирать, живая вода рядом, хоть ведром черпай.

— То есть он остался здесь жить? — спросила Элла.

— Дорогая начальница, — сказал Андрюша, — ясное дело, секунд-майор живет здесь до сих пор, только на одной воде не растолстеешь, вот и превратился он в привидение.

— А в самом деле? — спросила Элла, проникшись доверием к детективному таланту старика.

— Точ-на! — Старик торжествовал. — Имеем в деле документ номер девяносто три, датированный восьмым сентября от рождества Христова лета тысяча семьсот сорок второго! — Он потряс в воздухе исписанным листом. — Это последний штрих в моем научном поиске! Донесение сибирского губернатора о розыске пропавшего без вести секунд-майора Полуехтова с командой. Точ-на!

— Не томи гостей, — сказала Глафира. — Мы все знаем, что поговорить ты мастер.

— Все путем, — сказал дед, — подготовка нужна. Оказывается, велели губернатору отыскать Полуехтова и вернуть в столицу. Да еще вернуть с кассой. Почему так произошло? А вы на дату поглядите. Прошло-то два года, пока спохватились. Представьте себе — Анна померла, Остерман из фаворы выпал, пришла к власти молодая царица Елизавета, которую собственное здоровье пока не беспокоило. И забыли в суматохе о нашем секунд-майоре. А он живет. Инструкций не имеет, ждет. И не знает, что живая вода объявлена обыкновенной.

— Моя бабушка, — вмешалась Глафира, — полагала, что приказ возвращаться был, только Иван его разорвал.

— Заваруха была, понимаешь, заваруха! — сказал дед. — Может, никому и дела не было до Полуехтова? А сам он на Елене женился.

— На ком? — спросила Элла Степановна.

— А вы в кружевную артель загляните, там два портрета висят. Один портрет — секунд-майора, а второй — Елены, ясно?

— Так она же возлюбленная Вени! — догадался Андрюша. — Точная копия Ангелины!

— Ничего удивительного, — сказал дед. — От ихней любви каждый второй в нашей деревне произошел.

— Кто она была? — спросила Элла.

— Местная, полагаю, — сказал дед. — И в заимке люди жили, а из Сотьвинска мужики приехали, дорогу строили, дом царицы. Я так полагаю, что и некоторые солдаты семьями обзавелись.

— Они очень друг друга любили, — сказала Глафира. — Про это у нас в деревне даже песни поют. И детей у них трое родилось: Петя, Константин и Елизавета.

— Но! — Дед сделал паузу. — Такой союз неизбежно должен был обернуться трагедией. Это точ-на! Почему? Из-за зверских социальных условий, которые царили в те времена. Кем был секунд-майор? Он был дворянин. А Елена? Крестьянская дочь, низшее сословие. Нельзя было им обвенчаться. И предполагаю я, что жили они здесь в счастье, но в тревоге, что это счастье кончится.

— Чего предполагать, все знают, — сказала Глафира. — Про это песни сложены. И дети их были незаконными, и разлука их ждала...

— Неминуемая, — подхватил дед. — Не исключено, что у секунд-майора и другая семья была... Так вот, из отчета губернатора следует, что он получил в сорок втором году предписание отыскать секунд-майора с командой, вернуть его, а если он, случаем, преставился...

— То есть помер... — пояснил Коля.

— Тогда... Коля, не перебивай, уши оторву... Тогда доставить в Петербург кассу, тринадцать тысяч рублей золотом и серебром, выделенные секунд-майору на приготовление к царицыному приезду.

— Так много? — удивилась Элла.

— Еще бы. Дорогу построить, дом, удобства... Ладно, что губернатор делает? Как и все губернаторы — отдает приказания. Шлет запрос из Тобольска в Екатеринбург, откуда едет человек в Нижнесотьвинск. Что за майор у вас, что за касса? Почему ничего не знаю? Губернатор-то новый был, а Ручьи от Тобольска ой как далеко! Из Нижнесотьвинска ему сообщают — есть такой секунд-майор, живет с крестьянской девкой в деревне, детей прижил, хулиган с точки зрения дворянской морали, а деньги, наверное, все растратил.

— А он не растратил, — сказал Коля, — он их в пещере спрятал.

— Что за чепуха! — возмутился дед. — Секунд-майор на них дом построил, дорогу проложил, четыре года солдат содержал — откуда деньгам быть? Не смей клеветать на своего предка!

— Он их спрятал, это все знают, только найти нельзя. Их привидение

охраняет.

— Мне тоже говорили, — сказала Глафира.

— Глафира, окстись! — Дед кипел негодованием. — Не уподобляйся корыстному и наивному Василию!

— А ваша теория? — спросила Элла.

— Не теория, а уверенность. Эти деньги в Нижнесотъвинске подрядчики растащили. Майор-то человек военный, прямой, в тонкостях финансовых совершенно не разбирается. Но кто ему поверит, если даже вы, можно сказать, родные люди, не доверяете!

— Дальше, дальше! — воскликнула Элла.

— Все по порядку. Шлет тогда губернатор майору приказ прибыть немедленно для отчета с кассой и солдатами. А майор не отвечает. Тогда губернатор направляет в Ручьи военную команду с поручиком во главе. Как узнал секунд-майор о приближении команды...

— Иа этом песни сложены, — сообщила Глафира и вдруг запела со слезой, с чувством:

И собирается ясный сокол во лесную чащу, И молвит ясный сокол молодой жене...

— Да не плачь, молодая жена, да не лей понапрасну слез! — подхватил дед. И тут же оборвал себя, заговорил строго, деловито, прозой: — Военная команда секунд-майора в деревне не застала. Ушел он в лес и не вернулся. Сгинул.

— Может, убежал? — предположил Андрюша.

— Нет, погиб он, это точ-на. Ворон Гришка прилетел, у Елены дома жил. Ворона этого он птенцом подобрал, выходил, всему научил, ну словно собака Гришка у него был. Никогда с ним не расставался... Солдат повязали, в колодки забивали, деньги искали, всю землю перерыли. Губернатор отчет послал в Петербург — нет майора, нет кассы.

— Он к своему кладу пошел, — сказал Коля. — Его в пещере задавило. Вот он теперь и ходит привидением. Место знает, да не хочет показывать.

— Есть такое суеверие, — сказал дед. — Верят некоторые в привидение секунд-майора.

— А вы? — спросил Андрюша.

— Я тоже верю, почему не верить? Может, электрическое объяснение есть?.. Вот и сказка вся, — заключил дед Артем.

— Не вся. Сказка так кончается, что Елена, майорова жена, — заговорила нараспев Глафира, — выплакала все очи, его дожидаясь, а потом пошла через горы и реки, через лес и дубраву. И увидела она,

неживой лежит, неживой лежит возле озера...

— Неживой лежит, от тоски иссох, — подхватил, не удержался на почве исторических фактов дед.

— От тоски иссох, без любви погиб, — запел Коля.

— И пошла она к ключу Царицыну. Как к тому ключу за живой водой... — пели Полуехтовы хором.

Дед прервал пение взмахом руки — как отрубил.

— В общем, считается, что она его оживила и они стали жить в лесу. А это чепуха. Елена Полуехтова и все ее потомство благополучно проживали в деревне Ручьи в последующие годы, о чем есть церковные записи в храме села Красное.

— Жалко, если клада нет, — сказал Андрюша. — А Василий знает об этой легенде?

— Все знают, еще говорить не научатся, а уже знают. У нас бабки вместо сказок эту историю рассказывают.

— И вы думаете, что он для этого Гришку ловил?

— У верен, — сказал дед Артем. — Только Гришка тайну не открывает.

— Какая наивность! — сказала Элла. — Вороны неразумны. Птица не может хранить тайны.

— Куда ей, птице, — неискренне согласился дед.

— И вообще мне Василий последнее время не нравится, — сказала Глафира. Замкнутый стал, в городе пропадает...

— Василий только проводник чужих идей, — сказал дед Артем.

— Чьих? — спросила Глафира.

— Вот разберусь, скажу.

— С чем разберетесь, простите? — раздался голос от двери.

— Вечер добрый, — сказала Глафира, узнав Эдуарда, остановившего на пороге. — Заходи, чаю попьешь.

Андрюша проснулся от пушечного выстрела.

Вениамин тоже вскочил, сонно захлопал глазами. Некоторое время его лицо продолжало хранить испуганное выражение, но вдруг внутренний свет озарил его, и улыбка расплзлась по впалым щекам. Со двора донеслось звяканье ведра. Вениамин метнулся к окошку и прилип к нему.

— Она прошла с ведром в руках? — спросил Андрюша с некоторой завистью, потому что просто влюбленный смешон, а влюбленный, который пользуется взаимностью, почти не смешон.

— Доброе утро, — прошептал Вениамин в окно так громко, что, наверно, было слышно на площади.

— Доброе утро, Веня, — послышался в ответ девичий голос.

— Мы с ней будем к сочинению готовиться, — сообщил Веня.

— Элла тебе голову оторвет, если ты совсем забудешь о работе, — возразил Андрюша. — И будет права. Впрочем, я тебе завидую хорошей белой завистью.

— Нет, — почему-то не согласился Веня. — Хорошей белой зависти не бывает. Зависть — это желание получить то, что есть у другого, но отсутствует у тебя. Поэтому зависть — чувство отрицательное.

— Не претендую я на твою Ангелину, — сказал Андрюша. — Я твой верный друг и пособник, если надо.

— Спасибо, — прочувственно ответил Веня.

Он никак не мог справиться со шнурками от ботинок. Андрюша с сочувствием наблюдал за его действиями. Бабочка-капустница с крыльями в ладонь влетела в окошко, и Андрюша сказал задумчиво:

— В детстве я отдал бы все сокровища за такой экземпляр.

— Ага, — сказал Вениамин, — бабочка.

— Тебе не кажется, что здесь все преувеличенное?

— Конечно, — сказал Веня. — А у нее на щеке родинка.

— Все ясно, — сказал Андрюша. — Иди, только не забудь поменять местами ботинки. Ты перепутал ноги. Будет жать.

— Чего же ты раньше молчал? — возмутился Вениамин. — А еще пособник!

Ковыляя в полунадетых ботинках, он выбежал в сени. Там загремел, налетев на какой-то тяжелый металлический предмет. Андрюша хотел пойти к нему на помощь, но в этот момент в окошко влетел комок бумаги.

Андрюша развернул ее. «Андрей, — было написано там, — зайди ко мне. Быстро. Есть разговор. А.» — Кто такой «А»? — спросил вслух Андрюша.

— Это дед Артем, — ответил детский голос.

На дворе под окном стояли Сеня и Семен, вымытые, бодрые, еще не успевшие перепачкаться.

Сеня с Семеном убежали. Ангелина вышла из сарая с подойником, у дверей ее ждал Вениамин. Он начал шарить по карманам, ища очки. Андрюша подхватил их со столика, выскочил на крыльцо и, подойдя сзади, надел на нос Вениамину. Тот ничего не сказал, только поправил очки, видно, решил, что так и надо, чтобы они сами надевались на нос. Андрюша окинул взглядом зеленый двор, крупных, гусяного размера кур, задумчиво глядевших на утреннюю встречу влюбленных, и тут его взгляд встретился с чужим глазом, вжавшимся в щель между досками забора. Кто-то подглядывал с улицы. Сеня? Семен?

Андрюша прошел к рукомойнику, наклонился, только тогда ему стало не по себе. Он понял, почему. Глаз принадлежал взрослому человеку немалого роста. Андрюша выпрямился, обернулся. Ангелина и Вениамин все так же глазели друг на друга, но глаз в щели пропал. И тут Андрюша увидел, как нечто большое и блестящее по крутой дуге летит в небе, сопровождаемое черным хвостом. Когда это большое уже подлетало к земле, он понял, что летит молочный бидон.

Бидон глухо бухнулся о землю, и вверх, разлетаясь, ударил черный фонтан спиртовой туши. Девушка и аспирант, стоявшие у крыльца, там, куда грохнулся бидон, превратились в черные сверкающие под утренним солнцем статуи, стоящие на блестящей подставке — на черной сверкающей траве.

— Василий! — закричал Андрюша, выскочил на улицу и увидел, что у ворот стоит грузовик, на котором сооружена грубая, но эффективная катапульта, а сам Василий уже лезет в кабину.

— Ну нет! — крикнул Андрюша. — Ты от меня не уйдешь!

Он побежал за грузовиком, который набирал скорость, бидоны с молоком в нем звякали и дребезжали. Из-за угла вышел медведь, с аппетитом уминая буханку белого хлеба, еле успел отскочить в сторону, замахнулся буханкой, но кидать не стал, пожалел хлеб.

Грузовик мелькнул вокруг рожицы с пушкой, а медведь побежал туда, видно, решил выстрелить вдогонку.

— Ну, это уже переходит все возможные границы, — сказал Эдуард Олегович, возникший неподалеку. — Куда он помчался? Я полагаю, что пора поставить знаки ограничения скорости в нашей деревне. А вы,

Андрюша, как думаете?

— Я думаю, что пора его в тюрьму посадить, — сказал Андрюша. — Пускай он только мне попадетсЯ!

— Что-нибудь произошло? — испугался Эдуард Олегович.

Андрюша ничего не ответил, повернул обратно к дому. Эдуард Олегович за ним. В калитке они остановились. Эдуард Олегович окинул взглядом ужасающую картину и сказал мрачно:

— Я заблуждался, выгораживая этого прохвоста.

Андрюша поднялся на крыльцо, постучал. Его как будто ждали — дверь сразу отворилась. Дед Артем появился в проеме, борода закинута.

— Входи, заждался.

— Там Василий хулиганил, — сказал Андрюша. — Закинул катапультой бидон с тушью, Ангелину и Веню облил.

— Ревнует, — сказал дед. — Понятное чувство. Ангелина никакой склонности не выказывает.

Он распахнул дверь в горницу, и Андрюше по ушам грохнул голос Луи Армстронга. Большая стереосистема расплзлась по стенам, динамики дрожали от могучего голоса. На полированной крышке проигрывателя сидел, склонив голову, громадный ворон Гришка.

— Он тоже музыку обожает! — крикнул дед Артем. — Ты садись, садись.

— Может, потише сделать? — тоже крикнул Андрюша. Он посмотрел на башмаки с медными пряжками, стоявшие у двери.

— Поттише можно, — согласился старик и убавил звук. Ворон приоткрыл клюв, приглушенно каркнул.

— Недоволен, — сказал дед Артем. — Нервничает. Ему вчера всю нервную систему этот мерзавец расшатал. Кофе хочешь?

— Нет, спасибо, — сказал Андрюша, осматриваясь. Ящик с гайками, гвоздями, сопротивлениями и проводниками на столе, покрытом вытертой плюшевой скатертью с тигриными мордами на углах, разобранный кровать, шатучая этажерка с книгами, обычные деревенские фотографии на стенах, обклеенных обоями в цветочек, большой поясной портрет Чарлза Дарвина между окон, гипсовый бюст певицы Эллы Фицджеральд, стопки газет в углу, перевязанные веревками, сундук, окованный железными полосами, цветной телевизор...

— Я тебя позвал из-за твоей образованности, — сказал дед. — Мне моей не хватает. Языки знаешь?

— Английский, — сказал Андрюша, — и древнеславянский.

— Вот английский нам и нужен.

Ворон расправил крылья, в комнате стало темнее, потряс ими, сложил снова и прикрыл глаза белыми пленками.

— Старый он, — сказал дед. — Трудно ему, да и забывает многое.

— Вы зачем привидением одевались? — спросил Андрюша.

— Я Ваську уже вторую неделю выслеживаю. Мне представляется, что в деревне у нас завелась шайка, чего раньше не было. Они на мельнице гнездо свили. А мельница ушла, и я ее искал, а Гришка мне помогал. Нашли, только Гришка, когда летел ко мне с сообщением, в сеть попался. Вот и пришлось мне бежать туда.

— А почему под видом секунд-майора?

Андрюша бросил взгляд на ноги старика, они были в сношенных валенках. А башмаки стояли у двери. Солнечный луч упал на позолоченную пряжку, отразился зайчиком на портрете Дарвина.

— Я рассудил, что в моем естественном виде шайка меня не испугается. Еще пришибить могут. А привидений они боятся... И правильно рассудил.

Дед подошел к сундуку, с трудом отвалил тяжелую крышку. Сундук был полон одежды — старик вываливал оттуда на пол женские длинные платья, кафтаны, сермяги, уходил все глубже в недра сундука, одежда становилась все старше модой и возрастом, высокие сапоги со шпорами ударились о пол, ворон вздрогнул, спрыгнул с проигрывателя и клюнул шпору.

— Узнал... А где же камзол? — Дед хлопнул себя по лбу смуглой ладонью. Маразм старческий! Ведь в другое место положил!.. — Он откинул одеяло, подушку. Под подушкой лежали зеленый камзол и треуголка. Дед натянул на голову старый капроновый чулок с прорезями для глаз, поверх нахлобучил треуголку. Страшно?

— Я поверил, что привидение.

— Все было бы по-моему, если бы не настоящий секунд-майор.

— Вы второе привидение имеете в виду?

— Его самого, — сказал дед. — Пришлось отступить. Но я тебя чего позвал? Я тебя позвал, чтобы ты с Гришкой поговорил. Он по старости лет все больше на английском разговаривает. А может, и на немецком. Образованная птица, волнуется.

— Ну, он пока вообще не разговаривает, — сказал Андрюша.

— Он к тебе присматривается. Ты поговори с ним, поговори, что-то существенное он сказать хочет.

— Каррр! — сказал ворон.

— Это не по-английски, — сказал Андрюша.

— А мне в лес идти надо, — дед стащил с головы треуголку и чулок, — там на мельнице ихние секреты. Я их разгадать должен.

— А если привидение?

— Оно днем не ходит, солнечного света не выносит. Так что поговори

с Гришкой, может, поймешь.

— Гамияэстомнисдивизаинпартистррес! — вдруг заворчал ворон, широко открыв клюв и обнаружив белесую пасть размером с собачью.

— Видишь, — сказал дед, надевая камзол, — беседует.

— Это не английский. Вениамин, наверное, знает, — ответил Андрюша. — Он аспирант.

— Зови Вениамина, только скорей. — Камзол болтался на плечах деда, некоторых медных пуговиц не хватало.

— Как же его позовешь? Он же сейчас моется. Он же черный.

— Вот незадача, — сказал дед. — А времени ни минуты. Мне бежать пора. Давай вот что сделаем. Я вас до дому провожу, точ-на! А сам в лес.

Они перешли улицу. Впереди шел дед в дождевике, из-под которого поблескивали пряжками башмаки, потом Андрюша. Над ними тяжело летел ворон, держа в клюве шпору, прихваченную в доме деда Артема.

Андрюша с вороном нашли Вениамина в предбаннике.

Он сидел черный, страшный, но веселый. За дверью мылась Ангелина, и он ждал своей очереди.

— Ты куда пропал? — спросил Веня Андрюшу, когда тот приоткрыл дверь. — Тут на нас нападение было.

— Я знаю, — сказал Андрюша. — Я за этим типом гонялся.

В предбаннике было тепло, пар пробивался из-под двери.

— Мне не везет, — сказал Вениамин. — Я его на дуэль вызову.

— И не мечтай, — отозвался из-за двери голос Ангелины. — Без тебя справимся.

— А я все равно вызову. — Вениамин засмеялся, и зубы его показались ослепительно белыми на черном блестящем лице. — Ох, до чего же кожу стягивает! Ты с вороном подружился?

Веня ничему не удивился и ничего не боялся. Его переродила любовь. Приди Андрюша с тигром, он бы и тигра принял как должное.

— Веня, ворон хочет сообщить нам нечто важное, но делает это на непонятном языке. Дед Артем просит твоей помощи.

— Говорите, — сказал Вениамин, — я давно подозреваю.

Гришка надул грудь, положил на пол шпору и сказал оглушительно, в одно слово:

— Переспераадасстррра!

— Ближко, ближко! — закричал Вениамин. — Я слышал эти слова!

— Тем более, — сказал Андрюша, — расшифруй, будь другом, может, мы наконец разгадаем эту проклятую тайну.

— Продолжайте, — сказал Вениамин, соскребая тушь с очков.

— Меакульпа, — тихо произнес ворон.

— Что?

— Омниапреклаарррраррррра!

— Ага, — согласился Вениамин, — я с тобой совершенно согласен. Геля, ты слышала, что он о тебе говорит?

— Почему обо мне? — спросила из-за двери Ангелина. — Он кричит на тарабарском языке.

— Нет, — сказал Вениамин. — Он говорит, что все прекрасное редко. И это касается тебя, я убежден.

— Погоди, — сказал Андрюша, — время не ждет. Что тебе сказал

ворон и почему ты это понял?

— Он говорит по-латыни. Странно, что ты не догадался.

— Эгзегимонументэррреперррениус! — завопил ворон, найдя благодарного слушателя.

Властным движением руки Вениамин остановил ворона и продолжал с выражением:

— Регаликве ситу пирамидальциус, нон кво имбер идекс, нонаквили потенс!

Ворон склонил голову и сказал:

— Славно, славно! Вижу родственную душу.

— Ты о чем с ним разговаривал? — спросил Андрюша.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный, — ответил Вениамин. — К нему не зарастет народная тропа, понимаешь?

— Это что, из Пушкина?

— Нет, первоисточник. Ворон читает Горация в подлиннике.

— Жаль, — сказал Андрюша. — А мы с дедом думали, что он раскрывает тайну секунд-майора.

— Этого я не вынесу, — сказала заспанная Элла, возникая в дверях. — Почему никого нет дома?

— Простите, — сказал Вениамин, и Элла узнала его не сразу.

— Опять? — узнав, возмутилась она. — Сколько можно совершать необдуманные поступки?

— Ничего подобного, — сказал Вениамин, — это было покушение.

— Он прав, — сказал Андрюша. — Покусители скрылись. Но прохожие узнали, что это был известный гангстер Василий Полуехтов.

— Он опять приходил? — спросила Элла. — И зачем?

— Ревнивец, — сказал Андрюша. — Мститель из-за угла. Экстремист.

— Надежды не оправдались, — говорил Андрюша, собирая сумку. — Деда придется разочаровать. Ничего ворон не знает, кроме латыни.

— Ты куда так спешно собираешься? — спросила Элла. — Сегодня мы работаем и твой магнитофон нужен.

— Я отработаю потом, — сказал Андрюша. — Возникла возможность вскрыть гнездо местных гангстеров. Я не могу упустить такую возможность. Песни подождут.

— Ох, Андрюша, если бы я была твоей матерью...

Ворон слетел на край стола, поглядел на Эллу и сказал:

— Крррасавица.

— Ну что вы, — ответила машинально Элла и смутилась, что на равных разговаривает со старым вороном. А Гришка подхватил с пола шпору, с достоинством взлетел на подоконник и исчез.

За окном послышался скорбный рев. Ангелина кинулась к двери. За нею, естественно, Вениамин и Андрюша.

— Что-то случилось с дедом Артемом! — закричал Андрюша.

Медведь Мишка стоял возле ворот, покачивая когтистыми лапами, и изображал всем своим видом скорбь и волнение. Он узнал Андрюшу, попятился, будто не ожидал увидеть здесь своего врага.

— Дед Артем в лесу? — спросил Андрюша. — С ним плохо?

Медведь подумал, доверять ли студенту, потом опустил на передние лапы и трусцой, покачивая толстым задом, побежал к околице. За ним бросились Ангелина, Андрюша и, конечно, Вениамин. Следом припустились оказавшиеся поблизости Сеня и Семен.

Бежать пришлось долго. Медведь не понимал, что люди бегают куда медленней, и умерил прыть, лишь когда Веня, совсем запыхавшись, остановился, привалившись спиной к сосне, а ворон Гришка, сделав круг над людьми, крикнул что-то неразборчиво по-латыни.

Выбрались на лесную дорогу. По ней бежать было чуть легче, только крапива стегала по рукам и ногам. Веня преисполнился жалостью к Ангелине, которая подпрыгивала, когда крапива стрекала ее по икрам, и крикнул, задыхаясь:

— Давай я понесу тебя!

Но Ангелина не отозвалась, лишь Андрюша засмеялся на бегу.

Дорога пересекала низину, до мельницы оставалось бежать еще минут

пять, но бежать не пришлось — они встретили деда Артема раньше. И не одного.

Через прогалину, путаясь в высокой траве, мешая друг дружке, медведица и два медвежонка, семья Михаила, толкали большую бочку, ревели, стонали, изображали волнение и беспокойство.

При виде людей медведи отпустили бочку, она медленно покатила назад, и из нее послышался тихий стон.

Андрюша первым соскочил с тропы, догнал бочку, остановил:

— Есть кто живой?

— Я живой, — отозвался из бочки голос. — Это точно.

Бочка была заколочена, и никакого инструмента под рукой! Андрюша отломил сук, постарался поддеть им крышку, сук обломился. Остальные стояли вокруг, сочувствовали, но помочь не могли.

— Как вас угораздило? — спросил Андрюша.

— И не говори, — отвечал дед. — Ты скоро там? Задохнусь, ей-богу, задохнусь.

— Может, его до деревни докатить? — спросил Сеня. — Если вместе с медведями навалимся...

— С ума сошел! — сказал голос старика из бочки. — Еще двести метров, и от меня только фарш останется. Ты что, думаешь, медведи гладко бочки катают?

Медведи взревели, обиделись за неблагодарность.

— Нет, это безнадежно, — сказал Андрюша в отчаянии, когда сломал второй сук. — Придется вам, ребята, до деревни бежать.

— Не дотерплю, помру, — сообщил дед из бочки. — Возраст у меня не тот.

В этот момент с высоты грозно каркнул ворон, нечто золотое пронеслось перед носом Андрюши и упало в траву. У ног его лежала шпора — идеальное орудие для откупоривания бочек.

Когда доски, одна за другой, со скрипом отлетели, из бочки, провонявшей тоскливым гнилым рыбьим запахом, вывалился дед. Чешуя пристала к камзолу привидения. Медведи, зажимая носы лапищами, шарахнулись в стороны.

— Что же произошло? — спросил Андрюша.

— Разве я знаю? — сказал дед печально. — Обошли меня опять. Я до мельницы добрался — стоит она пустая, дверь притворена. Я внутрь. Вижу, бочки, ящики, всякое добро. Ну, думаю, сейчас я все исследую, акт составлю на ихнее логово. Вдруг слышу голоса снаружи. И, надо сказать, оробел. Решил, спрячусь и подслушаю их разговор, планы выведаю.

Смотрю, пустая бочка стоит, как раз мне по росту. Только спрятался — входят. Один говорит: ты, говорит, мерзавец нерасторопный, ревнивец глупый, ничего, говорит, тебе нельзя доверять, я, говорит, тебя в милицию бы сдал, если бы ты не был нужен. А второй отвечает: я тебе нужен, без меня ты как без рук.

— Это Василий был, — сказал Вениамин. — Он и есть ревнивец.

— Не сомневаюсь. Но тут меня любопытство взяло — кто же второй? Главный кто же? Я из бочки вылез немного, по глаза, а они увидели.

— Так кто же это был?

— Привидение было, вот кто, — сказал дед. — Очень меня это огорчило. Зачем, думаю, привидению с Василием в союз входить?

— А вы его не узнали?

— Как узнаешь? У него на лице что-то надето было. Он как увидел меня, подпрыгнул, крышкой придавил, а Васька, чертов сын, гвоздями прибил. Выкатил из мельницы и говорит: своим ходом добирайся. Если бы не Мишка...

— Они там еще? — спросил Андрюша.

— Наверное, куда им деваться.

— Давайте к мельнице! — сказал Андрюша. — Мы их прихватим с поличным.

Поляна открылась почти сразу. Она была зеленой и светлой. Мельницы на ней не было.

— Опять двадцать пять, — сказал Сеня. — И в Волчьем логу ее нет, и в распадке ее нету!

— Чудеса, — подтвердил Семен, — в газету надо написать.

— Только что я тут был, — сообщил дед. — Если мельницы не было, значит, я в бочку сам себя заточил?

Трава, где стояла мельница, была измята, следы от нее не успели заполниться водой. Они вели к дороге.

— Прямо по лесу она не ходит, — сказал Андрюша, — предпочитает передвигаться по дорогам.

— А это что? — спросила Ангелина. — Смотрите!

— А это следы грузовика, — сказал Вениамин.

— А грузовик в деревне один, — сказал дед Артем.

— Я устал от шуток Василия, — сказал Андрюша. — А Веня буквально почернел.

— Не шути, — сказал Вениамин, шагая по следам мельницы и грузовика. — Это уже не шутки.

— Какие там шутки! — От деда Артема все еще исходил тухлый запах. Хватит. Это точ-на.

— Куда мы бежим? — спросила Ангелина. — Может, нам в деревне его подождать?

— Вот этого мы не знаем, — сказал дед. — Они мельницу так перепрячут, что с миноискателем не найдешь. А это, не забывайте, культурный монумент. Она еще до Полуехтова стояла.

— Не верю я в нечистую силу, — сказал Андрюша. — А машина с мельницей на прицепе далеко не уйдет. Да еще по такой дороге.

Григорий взмыл высоко в небо, распугивая коршунов, которые робели перед черной птицей таких размеров. Затем он несколько снизился и пошел кругами впереди.

Не прошло и пяти минут, как дорога поднялась на холмик, у подножия которого было небольшое круглое озеро. Именно туда и направлялась мельница на буксире у отчаянно хрипящего грузовика. Мельница вздрагивала, продираясь сквозь кусты и крапиву, по кочкам, рытвинам и лужам. Троса издали не было видно, и потому казалось, что мельница, спотыкаясь, гонится за грузовиком.

Андрюша догадался, что хочет сделать коварный Василий: подогнать мельницу к крутому обрыву и свалить в озеро — утопить.

Видно, та же мысль пришла в голову и старику Артему, потому что сзади до Андрюши донесся его крик:

— Концы в воду? Концы в воду? Не посмеешь!

И вот тогда на пути Андрюши встало привидение секунд-майора, самое настоящее, второе. Оно широко простерло руки и глухим, проникающим в сердце голосом возопило:

— Остановитесь, несчастные! Ваша гибель близка!

Появись привидение ночью или хотя бы в сумерках, эффект был бы более драматическим. Но сейчас светило солнце, и видно было, насколько потрепан и ветх мундир секунд-майора, а голос его заглушала тряпка, намотанная на лицо, чего привидения обычно не делают.

Андрюша, ловко уклонившись от угрожающих рук привидения, не замедляя хода, понесся дальше. Желтые бабочки с ладонь размером крутились над его головой, ворон Григорий ободряюще кричал из поднебесья, кусты старались отклониться с дороги, целая семья ужей ползла спереди, приминая траву, кроты взрыхляли кочки и холмики, чтобы Андрюша не споткнулся, сзади мягко, но настойчиво подталкивали в спину малиновки и соловьи.

Казалось, все обитатели леса встали на защиту мельницы. Стрекозы и мухи роем вились перед ветровым стеклом, застилая Василию зрение, осы рвались в боковые окна, чтобы искушать его до полусмерти, бобры тащили палки и сучья, чтобы перегородить дорогу, а стая дятлов, не жалея усилий и клювов, пыталась перебить стальной трос...

Когда Андрюша, обессилев, готов был свалиться на землю, из леса выбежал могучий лось, который упал перед ним на колени, зайцы подтолкнули Андрюшу, и последние метры пути он скакал на лосе.

Василий не сдавался, он выжимал последние силы из грузовика, и тот уже начал скатываться вниз, к обрывчику. Оставалось лишь несколько метров, когда Василий, не обращая внимания на укусы, высунулся из кабины, прикидывая, как развернуть машину, чтобы мельница завалилась в озеро. В этот момент рой насекомых раздался, и Василий увидел, что к кабине приближается могучий лось, а лежащий на его спине Андрюша делает руками угрожающее движение, намереваясь перескочить на подножку автомобиля.

Василий в панике нажал на газ, забыв, как близок он к обрыву, и грузовик медленно начал клониться вниз — его удерживал только трос, связывающий с мельницей. Бок машины задрался к небу, из кабины, лихорадочно размахивая руками, полез распухший от осиных укусов невменяемый Василий, прыгнул в сторону, покатился по траве. Грузовик еще несколько секунд висел над обрывом, и тут трос, расклеваный дятлами, не выдержал, с оглушительным звуком лопнул, машина подпрыгнула и нырнула в озеро, подняв столб воды. Мельница тоже повалилась было набок, но в последний момент бобры с риском для жизни успели подкатить под нее валун.

Василий на четвереньках шустро, словно всю жизнь так бегал, бросился к лесу. Андрюша понимал, что Василий уходит от ответственности и надо бы бежать за ним, но сил больше не было. Он присел на порожек мельницы и стал ждать остальных, глядя, как уменьшается, тает в траве звериная фигура Василия, как он приближается к деревьям, вот-вот скроется среди них, но нет, не скроется навстречу ему

выходит бурый медведь. Василий пятится, прыгает к стволу, лезет наверх, а медведь садится у дерева и, склонив голову, любит тем, как висит на суку, качается фигура шофера.

Из двери мельницы несло гнилой рыбой. «Что они там делали?» — подумал Андрюша. Прерывистое мелкое дыхание подсказало ему, что прибежал дед Артем.

— Ах, стервец! — сказал дед. — Ну хорошо, что ты успел!

Треуголка в кулаке казалась тряпкой с золотым галуном, один башмак где-то потерялся. Дед все-таки не лишился силы духа, сразу кинулся внутрь мельницы.

— Ну вот, — кричал он изнутри, — так я и думал!

Но у Андрюши не было сил глядеть.

Подбежали Сеня с Семеном.

— А привидение твоего очкарика забило! — закричали они.

— Что? — вскинулся Андрюша.

— Со страху, наверно, — сказал Сеня. — Оно как увидело, что на него Веня твой бежит, морда черная, глаза в очках, да как дрыном по нему долбанет, а само в кусты!

— Где Веня? — Андрюша вскочил на ноги. — Seriously?

— Кровь идет, жутко! Ангелина убивается.

— Андрей! — раздалось из мельницы. — Ты чего не идешь?

— Привидение на Веню напало.

— Погоди... Ты смотри! — Из дверей мельницы показался дед Артем.

Он протянул вперед сложенные горстью ладони, полные черной зернистой икры. Икра медленно проливалась между пальцами и шлепалась на порог. — Там две бочки икры, понимаешь? Так я и знал, так я и знал! Какая уж тут экология! Я их под суд!..

— Веня ранен! — повторил Андрюша. — А вы об икре!

И он помчался к другу, который лежал на траве, лоб рассечен, алая кровь на черной коже, глаза закрыты, над ним рыдающая Ангелина. Веня приоткрыл глаза:

— Ты победил? Ну и хорошо. Обо мне не беспокойтесь.

Подбежал дед Артем, руки измазаны икрой, сказал:

— Обопришь о нас с Андреем. Как-нибудь доберемся.

Веню привели в дом к Глафире и положили в горнице. Глафира с Колей еще не вернулись из района.

— С одной стороны, — сказал Эдуард Олегович Ангелине, которая взяла в свои руки уход за Вениамином, — требуется полный покой и тишина. С другой — его лучше отвезти в район. Вызовем вертолет, а?

Эдуард Олегович был сконфужен событиями в деревне и время от времени, когда окружающие не слышали, говорил Элле:

— Ах, как неприятно, что экспедиция столкнулась с объективными трудностями! Моя вина, должен был предугадать.

— Ну при чем тут вы? — отвечала Элла. — Кто мог предположить?

— Я увидел неблагоприятные тенденции и не принял их во внимание... Это ужасно, это невыносимо...

— Погодите, — слабо произнес Веня. — Ну, упал я, ушибся, при чем тут вертолет? — В голосе его была такая внутренняя сила, что Эдуард смешался и сказал:

— Может быть, пролома и нет и даже трещины нет, но ушиб существует. Все равно в Красное ехать надо. Милиционер там. И трактор, чтобы грузовик вытащить.

— Зачем милиционер? — спросил Вениамин. — Акт составлять?

— Принять меры по отношению к этому мерзавцу, опозорившему всю нашу деревню. К Василию Полуехтову, воплотившему в себе худшие черты дворянского прошлого.

— Дворянское прошлое ни при чем, — сказала Ангелина. — Вы знаете, что дед Артем на мельнице отыскал?

— Нет. Я даже не знаю, что он мельницу отыскал, — сказал Эдуард. — В порядке ли этот памятник народной архитектуры?

— Покосился, но в порядке. Дед Артем там нашел две бочки черной икры. Вот куда рыба шла! — сказала Ангелина.

— Какая рыба? — удивился Эдуард Олегович. — Прости, Гелечка, я здесь не первый день живу и уху обожаю, но ни осетров, ни белуги в нашей речке испокон веку не было.

— Не было, а икра есть. Да вот дед идет, у него и спросите!

Вошли Андрюша с дедом Артемом. Андрюша устал, волосы слиплись, но вид у него был победоносный. Дед ковылял сзади в одном башмаке, вместо второго найденный где-то валенок.

— Как его здоровье? — спросил Андрюша у Ангелины.

— Завтра встану, — ответил сам Вениамин. — Попадись мне это привидение! Я сам виноват — испугал его.

— Привидение? — спросил Эдуард Олегович. И взгляд его уперся в порванный зеленый камзол деда Артема.

— Не я, — сказал дед, — другой призрак. Истинный. Если не притворяется. Он кинул на стол связку ключей. — Сходи в погреб. Знаешь, за клубом? Мы этого преступника и спекулянта там заперли с Андрюшей.

— Мне сказали, что он грузовик утопил, — сказал Эдуард. — Вы не представляете, какое чувство стыда я испытываю из-за его грязных поступков.

— Якшался с ним, — сказал дед Артем, — а теперь осуждаешь.

— Я искренне надеялся его перевоспитать, — сказал с чувством Эдуард Олегович. — Нет безнадежных людей.

— Тогда бери ключи, осмотри его, раз уж ты фельдшер.

— Как войдете, не пугайтесь, — добавил Андрюша. — По дороге домой его Мишка раза два корябнул. Да и осы искусали. Глаза не открываются.

— Его немедленно надо вывести из подвала, — сказала строго Элла. — Как можно больного человека держать в сырости и холоде?

— Ничего, — сказал дед Артем, — под замком ему полезно посидеть. И охладиться.

— Дед Артем совершенно прав, — сказал Эдуард. — Совершенно, абсолютно. Василий может представлять опасность для общества. И эти две бочки с икрой меня очень насторожили. Я из правления позвоню в милицию.

— Это точ-на, — сказал дед Артем. — Погодя надо будет сходить в мельницу снова, опечатать помещение. А ты, — обратился он к Эдуарду, — бери йод, или зеленку, или какой там пластырь и отправляйся в тюрьму подвального типа. Если боишься, возьми с собой Андрея. А в милицию не дозвонишься. Кто-то в правлении телефон разбил. Вдребезги.

Андрюша вздохнул — он уже час мечтал, как ляжет и вытянет ноги... такая усталость владела им. Но он понимал, что заменить его некем. Веня — инвалид, остальные мужики на сенокосе.

— Пойдем, — сказал он и подобрал ключи со стола.

Дед Артем поглядел им вслед, присел у кровати.

— Скажи мне, дорогой, — попросил он, — никакой надежды на узнавание?

— Какое узнавание? — не понял Вениамин.

— Привидения.

— Нет. Все так быстро произошло.

— Уж лучше бы я ему попался, — вздохнул дед Артем. Помолчав, добавил: Надо на мельницу снова идти. А то привидение все следы заметет.

— Я пойду с вами, — оказал Вениамин слабым голосом.

— Молчи, — сказала Ангелина, — тебе говорить вредно.

— Нет, пойми, деду одному идти нельзя. Мы не знаем, чего привидению хочется.

— Хулиганить ему хочется, вот что, — сказал дед. — Я пока Мишку оставил у мельницы. Пускай побережет.

— Скоро должен Колька вернуться, — вспомнила Ангелина. — Он тебя на мотоцикле подвезет. Или хоть Андрюшу подожди.

— Это, конечно, правильно, — сказал дед Артем. — Я бы и подождал, если бы не тайна, которая в голове вертится, а не укушу.

— Что еще? — спросил Веня. — Если филологическая, могу быть полезен.

— Нет, гастрономическая, — сказал дед. — Я все о двух бочках с черной икрой. В наших краях никогда осетров не водилось.

— Вы думаете, они ее откуда-то привезли? — спросила Элла. — Ведь в магазине ее не бывает?

— У нас в магазине крупа бывает, — сказал дед.

— Это, наверно, контрабандисты, — сказал Вениамин. — Они ее переправляют дальше. Ниточка, понимаете, от Каспийского моря к Ледовитому океану.

— Через горы без дороги икру волочить? Нет, тайна не в этом. А в том, что икра черная бывает, красная, а вот желтой не бывает. А я в мельнице и бочку с желтой видал.

— Бывает, — раздался голос от дверей. Там стоял Сеня. — Вы не рыбаки, не знаете. Это селедочная икра.

— Селедочная? — Старик задумался. — Конечно, глупая моя голова! Конечно, как я сразу не понял!

— Это Васька ловил, — сказал Сеня. — И мы ему иногда ловили. Все ребята. А Васька в озерах глушил и в речке.

— Селедка у нас крупная, — раздумывал дед, — больше метра, весьма крупная, другой такой нигде нет, эндемик. Я Джеральду Даррелу на остров Джерси об этом уже сообщал. Но чтобы селедочную икру собирать...

— И красить, — сказал мрачно Вениамин. — Вот зачем ему черная тушь в таких количествах.

— Точ-на! — возрадовался дед. — Селедочную икру красить и за осетровую выдавать. Вот это преступники! Их производство в мельнице тысячи рублей дохода дает! Недаром привидение там ошивалось, особенно если ему кассу компенсировать хочется.

Вернулся Андрюша, распаренный и усталый настолько, что провалились глаза. Бросил куртку на стул, напился воды.

— Ну как там? — спросила Элла. — Как Василий?

— Обойдется, — сказал Андрюша. — Травма у него в основном психическая. Он Эдуарда даже не узнал сначала. И говорить не может. Рычит и прячется под подушку.

— Андрюша, свет мой, — сказал дед жалобно, — устал ты небось ужасно?

— Есть немного, — ответил Андрюша, усаживаясь на скамью и вытягивая ноги.

— А вот надо снова на мельницу сходить. Надо.

— Нет, — сказал Андрюша, — не надо.

— Надо, Андрюша, — поддержал деда Вениамин.

— Может, не стоит? — вмешалась Элла. — Подождем милицию. Там преступники и медведи.

— Милицию не дождешься, — сказал дед, — потому что ее еще и не вызывали. Да и медведя сменить надо, неблагородно животное держать так долго на посту.

— Может, вы Эдуарда позовете?

— Какой из него помощник, — сказал дед, — он чужой.

— А Андрюша?

— Андрей — человек военный, — сказал дед, — строевой.

Андрей не был военным человеком, но доверие деда, выраженное в столь странной форме, почему-то польстило. Он молча поднялся.

Еще за километр до мельницы они увидели столб черного дыма.

— Ах ты, — крикнул дед, — там же медведь! Как бы чего не вышло!

Они в молчании добежали до края поляны.

Мельница горела, как аккуратно сложенная поленница дров, ровным свечным пламенем. Видно, за столетия древесина просохла и прокалилась — таких дров нарочно не сыщешь.

Они подбежали ближе — пламя отражалось в озере и на крыше кабины утонувшего грузовика. Неподалеку в траве, оскалившись, но не зло, а удивленно, лежал убитый Миша.

Дед не смотрел на мельницу, присел на корточки рядом со зверем.

— Как часовой, — сказал он, — до последней капли крови.

— Опоздали, — вздохнул Андрюша.

— Я виноват, — сказал дед. — Мне думать надо. Эта липовая икра больших денег стоит.

— Но Василий сидит в погребе, я сам видел, мы с Эдуардом Олеговичем недавно там были...

— Разве это так важно?

— Важно, — сказал Андрюша. — Настоящие привидения не стреляют. Никогда не поверю.

— Поверишь в привидение, в остальное уж легче, — сказал дед. — Закопать его надо. А то кто-нибудь захочет шкуру снять...

Пламя от мельницы смешивалось с солнечным светом, накладывалось на него, и было неправильно, что пожар происходит в середине дня, а над Мишкой вьются мухи.

— Надо бы кому-нибудь здесь остаться, — сказал Андрюша.

— И пулю в лоб? Да, пулю в лоб? — спросил дед, поглядел на медведя и добавил: — Может, и лучше бы мне, дураку, эту пулю.

Вдали, на краю леса, зло ревела медведица. Но не подходила.

Вениамину вроде бы полегчало. Ангелина прибежала с фермы, пыталась уговорить его поесть, но Веню тошнило, от еды он отказался. Дед Артем, когда они с Андрюшей, закопав медведя, без сил приплелись из леса, спрятался у себя дома, сказав, что больше ничего не хочет и лучше помрет. Зато прилетел Гришка, сидел на окне, смотрел на Веню и говорил ему латинские фразы. Веня переводил их слабым голосом, и ворон кивал, одобряя правильность перевода. Элла сказала:

— Гриша, может, хватит отвлекать Вениамина? Ему нужен покой.

— Он мне не мешает, — возразил Вениамин.

— Никогда, — сказал ворон.

Андрюша, еще в запале и на нервном взводе, вдруг вскочил, бросился к погребу, присел на корточки перед маленьким окошком.

— Василий, ты знаешь, что мельницу сожгли?

— Ууу, — сказал Василий в ответ. Он был в нервном шоке.

— Кто это сделал? — спросил Андрюша. — Лучше ответь сразу. Шуточки кончились. В деревне находится маньяк с ружьем.

Василий внимательно слушал, не перебивал, а потом вдруг ответил грубым словом и завыл снова. Больше Андрюше ничего добиться не удалось, но, когда он уходил домой, показалось, что вслед из погреба донесся смешок. Может быть, показалось.

А еще через час вернулся Эдуард Олегович, который на велосипеде укатил было в Красное, чтобы вызвать вертолет и милицию. Его встретили у околицы мальчишки и принесли за ним велосипед. Ему не повезло. Километрах в десяти от деревни, у моста со львами, он на повороте не удержался и упал в кювет. Переднее колесо отлетело — спицы наружу. Вот и тащил три часа обратно велосипед на себе.

— Понимаете, — сказал он, — велосипед не мой. Я не мог оставить его на дороге, где каждый может его похитить.

Эдуард Олегович был пропылен, волосы слиплись, косо приклеились к черепу. Он сидел у постели Вениамина, страшно расстроенный неудачей. Элле было жалко его.

— Вы поступили как настоящий медик.

— Я давал клятву Гиппократу. Другого морального пути у меня нету.

Эдуард Олегович поднялся, поманил Андрюшу на крыльцо. Там, понизив голос, сказал:

— Лично я, — усики его чуть шевелились под носом, как живые, — лично я не верю в местный фольклор. Но иногда начинаю сомневаться. Вороны говорят, медведи стреляют...

— О медведе не беспокойтесь, — горько сказал Андрюша. — Медведь погиб. Его застрелили.

— Как это случилось?

— Он мельницу защищал, а мы с дедом опоздали.

— Прискорбно. Они заметали следы. Преступники. Но кто они — вот главный вопрос. Завтра здесь будет милиция, и тогда Василий во всем сознается. Вы ведь тоже думаете, что он был не один?

— Думаю, — сказал Андрюша.

Над деревней опускался мирный вечер, коровы расходились по дворам, пастух оттянул кнутом, и хлопок показался Андрюше новым выстрелом. Солнце садилось в сизое с оранжевой оторочкой облако.

— Погода портится, — сказал Эдуард, проследив за взглядом Андрюши. Кстати, где ключи от погреба? Мой долг осмотреть его.

— У деда ключи, — сказал Андрюша. — Но я думаю, дед спит.

— Ну тогда я попозже, хотя меня не прельщает возможность вновь встретиться с этим бугаем.

Вернулись в дом. У Вени оказалась повышенная температура — тридцать семь и пять. Не очень большая, но все-таки... Эдуард решил сходить за аспирином, а Элла вызвалась его сопровождать — ей хотелось на свежий воздух. Облако, в которое село солнце, постепенно закрыло половину неба, поднялся ветер. Ангелина вдруг расплакалась и ушла из комнаты. Ей было жалко медведя.

— Здесь больше странностей, чем положено деревне, — заметил Вениамин. Весь день думаю об этом.

— Ноги гудят, — отозвался Андрюша. — Я слишком часто бегаю по лесу. По крайней мере двумя странностями с сегодняшнего дня меньше.

— Элла не зря говорит, что ты циник, — сказал Веня, морщась от боли. — Ты имеешь в виду мельницу и медведя?

— Да, прогресс цивилизации сильно бьет по сказкам. Сказку, как видно, можно эксплуатировать. В хороших ли, плохих целях, но эксплуатировать. Медведь стреляет из пушки, а из селедки делают осетровую икру. Главное, чтобы никто не удивлялся. Был бы дракон, сторожил бы колхозный амбар.

В комнате разливались голубые сумерки. Далеко-далеко раскатился гром, потом на мгновение комнату высветило зарницей.

— Свет зажечь? — спросил Андрюша.

— Не надо. А если это не сказка? — сказал Вениамин. — Если ей есть физическое объяснение?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Андрюша.

Ему хотелось спать и не нравилось, как блестят глаза Вениамина. Ангелина звенела посудой — мыла ее на кухне.

— Марциальные воды, — сказал Вениамин. — Эти загадочные марциальные воды для императрицы.

— Которые были развенчаны коварным медиком Блюменквистом.

— Но если в восемнадцатом веке до Петербурга докатился слух, он должен был на чем-то основываться!

— Кто-то хотел выслужиться и сыграл на царицыном суеверии, — сказал Андрюша и задремал. Слова Вени достигали его сознания, но путались с дремой, с началом сна.

— А если этот источник существует? На верстовом столбе у пушки есть надпись: «До Царицына ключа 9 верст». Подумай, какие здесь бабочки, рыбы, ягоды, Гришка наконец! Разве бывают такие крупные вороны?

— И молоко, — откликнулась Ангелина из кухни, голос ее был далеким-далеким: Андрюша вновь бежал за грузовиком... — Есть ключ, приближался девичий голос. — В горах, в лесу. Никто туда не ходит: ход завалило, секунд-майор как сгинул, так и завалило. Откуда у нас в реке такая вода хорошая? Дед Артем говорит: санаторий надо ставить. Она же откуда-то течет? Живая вода, живая вода — в этом есть смысл?

Живая вода текла и текла перед глазами Андрея, сияя на солнце и переворачивая маленькие камушки.

— Елена туда ходила, — сказал кто-то, — майора водой поливала, а царице не досталось. Смешно, правда? Царские сатрапы остались с носом.

Андрюша так и заснул, облокотясь о стол, и спал, пока рука не ушла в сторону и голова не ткнулась носом в скатерть. Показалось, что секунд-майор ударил палкой по лбу его, а не Веню... В комнате горел свет. Эдуард Олегович с тревожным, смущенным лицом склонился над кроватью. В одной руке он держал чайную ложку с таблеткой аспирина, в другой — стакан воды.

— Выпей, — говорил он Вениамину, — это проверенное средство. Поможет обязательно.

— Ему бы укол сделать, — сказал со сна Андрей.

— Зачем? — Глаза Вениамина агрессивно горели. У него начинался жар. — Мне лучше.

Таблетку он все-таки проглотил.

— Я тоже устал за сегодняшний день, — сказал Эдуард. — Испытания, выпавшие на мою долю, когда я не жалея сил мчался в село Красное за помощью! Нет, я не набиваю себе цену...

— Мы так не думаем, — сказала Элла, глядя на него с сочувствием, которое раздражало Андрюшу. Он подошел к окну. Гром гремел чаще, а ветер уже насакивал на дом так, словно хотел помериться силой со стенами. Андрюша прикрыл окно, и Веня сказал:

— Не надо, Андрюша, душно.

Элла положила ладонь на лоб Вене.

— Ну-ка, — сказала она, — давай еще разок поставим градусник.

Веня не сопротивлялся, глаза его горели, он что-то шептал.

— Что такое? — спросила Ангелина.

— Шучу, — прошептал Веня, — шучу, не обращайтесь внимания. — Он улыбнулся, но глаза смотрели отрешенно.

Дверь приоткрылась. Вошел дед Артем.

— Большая непогода, — сообщил он, оглядев сидевших в комнате. — А вы лекарство ему давали? Нужны антибиотики.

— Виноват, — сказал Эдуард. — Но ведь это первый случай в нашей деревне за два года. Я лекарства давно не выписывал.

— Он ездил на велосипеде в Красное, — сказала Элла.

— Небось не доехал, — усомнился дед.

— Велосипед сломался, — сказал Эдуард. — Можете посмотреть, колесо пополам. Чуть живой остался. Была бы еще одна жертва.

— Хватит жертв, — сказал дед, все еще стоя над Вениамином. — Ему бы живой воды.

— Неплохо бы, — сказал Эдуард Олегович. — Но лучше вертолет.

— Я пойду в Красное, — сказал Андрюша.

— Ты не дойдешь до утра, — сказал Эдуард. — Тридцать пять километров под ливнем и в бурю.

— Я не могу позволить, — сказала Элла.

Три старухи из тех, что сидели вчера перед клубом, а потом пели для Эллы, вошли рядком, сели, поклонившись, на скамью у двери, отказались от чаю.

— Ты не пришла, — сказала одна из них Элле. — Вот мы и пришли.

— Спасибо, — ответила Элла. — У нас несчастье.

— Знаем, — сказали старухи. Они были разные, но схожи с Ангелиной глазами, чистотой кожи и статью.

— Спасибо, — сказал и Веня, окинув их лихорадочным взглядом. — Вы пришли петь? Пойте, вы мне не мешаете.

— Плох, — сказала одна из старух. — Жар повышается.

— А у Эдуарда, конечно, антибиотиков нету, — сказала вторая.

— Мне они были не нужны. Здесь все здоровы. Я даже их не заказывал.

— За живой водой надо, — сказала первая старуха.

— Я пойду в Красное, — сказал Андрюша, — вызову вертолет.

— Вертолет — это хорошо, но лучше бы его не трогать, — сказала вторая старуха. — Живая вода лучше.

— Живая вода, жилая вода, пожилая вода, — мелодично и тихо запел Вениамин.

— Чувствует, — сказала первая старуха.

— Нуждается, — подтвердила третья, а вторая напомнила:

— Девица должна идти. Любящее сердце. — И все обернулись к Ангелине. Та покраснела, сказала серьезно:

— Я бы пошла, но пути не знаю.

— И никто не знает, — сказала первая старуха, — но ходили.

— Туда же ход потерян, завален обвалом, — сказал Эдуард.

— Ход потерян, — согласился дед Артем, — я проверял.

— Проверка — это, конечно, современно, — сказала первая старуха, — а моя бабка старика своего выходила, когда его волки задрали. Помирал ведь...

— А как она туда ходила? — спросил Эдуард.

— Незнамо, — ответили старухи. Потом третья сказала:

— Верно, Гришка дорогу знает к Царицыну ключу.

— Нет дороги, — сказал дед Артем. — Останемся, бабы, на почве исторической правды.

— А ты, баламут, молчи. Тоже мне, привидение! Не твоя колготня, стояла бы мельница, — сказала первая старуха.

— Стояла бы? А вы знаете, что там селедочную икру в черную красили?

— Красили, — согласились старухи. — На той неделе милиционер обещался приехать. Без шуму.

— Все-то вы знаете, бабы, — сказал дед с отвращением.

— Знаем, — согласилась вторая старуха и кивнула Элле на деда Артема. Шебутной он, выдержки маловато. За архивным документом человека не видит. Старухи захихикали.

— Хорошо, — вдруг сказала Ангелина, — я пойду. Пойду!

— Добро, — сказала первая старуха.

— Постыдись, — возразил Эдуард. — Ты же комсомолка, кончала

училище, готовишься в вуз.

Резкий порыв ветра распахнул окно, молнии сверкали совсем близко. На подоконник уселся Гришка, скосил глазом в комнату.

— Сведешь девку к живой воде? — спросила вторая старуха.

— Омнианпрекларрррарара! — воскликнул ворон.

— Закрой окно, — сказала строго Элла, — у Вени жар.

— Рук нету, — ответил ворон, захлопал крыльями, взмыл, смешался с синевой вечера, молниями и черными облаками.

Элла бросилась закрывать окно.

— На рассвете пойдешь, — сказала первая старуха, — он покажет. Не отказался.

— Старый стал, — сказала, поднимаясь, вторая.

Скрипели ступеньки, старухи спускались с крыльца.

Ангелина проводила их, вернулась. Было тихо. Потом Андрюша глупо улыбнулся:

— Геля, если пойдешь, возьми меня, заодно кассу захватим.

— Глупец, — сказал дед Артем, — кассы не существует.

Эдуард Олегович молчал, поглядывал на всех, был бледен.

— Ничего страшного, — сказал серьезно Вениамин. — стакан живой воды поставит меня на ноги. Разве не так?

— Спать, спать. — Эдуард Олегович поднялся. — Мне, к сожалению, еще одного пациента навестить надо. Долг прежде всего.

— Может, его на ночь выпустить из погребка? — сказала Элла. — Он же простудится.

— Нет, — сказал дед Артем, — и не подумаю. Делайте со мной что хотите. После того как мельница сгорела и Мишка погиб, нет ему пощады — это же банда, которая сама никого не жалеет!

— Я с вами полностью согласен, совершенно, абсолютно, — сказал Эдуард. Но я гуманист и ничего не могу с собой поделать...

— Пошли вместе, — сказал дед. — Я послежу. Передай-ка мне ружье, Андрюша.

— Это лишнее, — сказал Эдуард Олегович, — вы устали, вы пожилой человек. Я с ним справлюсь.

— Не знаю, как уж и справишься, а вдвоем лучше. Пошли, пока дождь не хлынул.

— Идите, — согласился Веня.

Температура у него была тридцать девять и шесть.

Когда дверь за ушедшими закрылась, засобирался и Андрюша.

— Пойду в Красное, ничего со мной не случится.

— Куда ты пойдешь? — возмутилась Элла. — На тебе же лица нет!

— Хорошо, — сдался Андрюша. — Тогда я иду отдыхать. Через час прошу меня разбудить. К тому времени, надеюсь, и гроза пройдет. Дайте слово, что меня разбудите. — И он твердым шагом, хоть ноги и ныли от дневных хождений, прошел в холодную горницу, рухнул на постель и тут же заснул.

Андрюша не слышал, как бушевала гроза. Он проснулся от тишины, слагавшейся из ровного и густого шума дождя, который был постоянен и потому неслышен.

Андрюша вскинулся, вскочил в полной темноте с кровати, выбежал в сени. Ему показалось, что дом опустел, что все покинули его.

Но в щель под дверь в теплую половину пробивался свет.

Андрюша распахнул дверь, щурясь заспанными глазами. На ходиках была половина второго. Вениамин спал. Он был пятнист — черное с красным. Дышал часто, ворочался, сучил во сне руками. Возле кровати на стуле дремала Элла.

— Что случилось? — прошептал отчаянно Андрюша, злой на весь свет, оскорбленный предательством близких, а еще более предательством собственного тела, которое потратило на сон четыре часа. — Почему никто не думает о Вениамине?

— Ах, — вздрогнула Элла, — ты проснулся?

— Каждая минута на счету, — сказал Андрюша.

— Причешись, — сказала Элла, — ты дико выглядишь. Мы тебя не будили, ждали, что пройдет дождь.

Вениамин забормотал во сне. Вошла Ангелина со сложенным мокрым полотенцем, положила на лоб Вене.

— Какая температура? — спросил шепотом Андрюша.

— Сорок, — сказала Элла.

— Эдуард приходил? Что говорит?

— Нет, пропал куда-то, — сказала Элла. — Он тоже устал.

— У вас есть сапоги? — спросил Андрюша.

— Погоди... — Ангелина принесла резиновые сапоги и брезентовый плащ. Впору будет? — спросила она.

— Впору, — сказал Андрюша, переобуваясь. — Ну я пошел.

— Иди, — сказала Элла, — только будь осторожен.

Андрюша пересек двор, скрипнула калитка. Почему-то ему показалось, что ливень на улице сильнее, чем во дворе. Струи дождя сразу нашли путь за ворот, и плащ отяжелел. «Как я дойду до Красного? — подумал Андрюша. — Тридцать пять километров лесом. Пять километров в час... Семь часов. Главное, не терять темпа».

Он огляделся. Было темно так, что глаза с трудом, лишь по тусклому

блеску луж находили дорогу. Небо было затянуто тучами. Силуэты домов и заборов угадывались лишь потому, что были темнее окружающей темноты. Дождь сыпал мельче, но густо и занудно. Собаки молчали, все в деревне молчало.

И сквозь этот бесконечный молчаливый шорох дождя до Андрюши донесся крик, приглушенный, еле слышный, и были в этом крике отчаяние, одиночество и безнадежность. Андрюша побежал, скользя по лужам, к площади. Крик заглох. Андрюша остановился, и ему стало страшно, страшно посреди деревни, и сознание этого заставило его содрогнуться от мысли, как он будет идти по тайге.

Крик возник вновь и вновь оборвался.

Андрюша упал, но он уже так промок, что это не имело значения. Плащ налился свинцовой тяжестью, и все было как в кошмаре, и хотелось открыть глаза, чтобы увидеть хоть какой-нибудь свет.

— Помогите! — донеслось сквозь дождь и оборвалось вновь.

— Иду, — сказал Андрюша, и голос его оказался тих, сорвался, не хватило воздуха.

И вдруг крик раздался снова совсем рядом.

Глаза ли привыкли или в тучах был просвет, но Андрюша вдруг догадался, что стоит возле погребца, куда заточили Василия. И его взяла злость — оказывается, бежал на помощь негодяю.

— Помогите! — Голос был тонким. Василий притворился немощным, чтобы вызвать жалость у прохожего. Но какой здесь прохожий?

— Молчи, — сказал в сердцах Андрюша, намереваясь повернуть обратно. Сколько времени потерял...

— Андрюша! — Голос был близко. — Андрюша, счастье ты мое!

— Дед Артем? Почему вы здесь?

— Прелестно, великолепно, — раздался второй знакомый голос. — Мы никак не рассчитывали на вашу помощь. Это замечательно!

— И вы, Эдуард Олегович?

— Наша вина, наша вина, — сказал Эдуард. — И эта гроза, все за заборами, адский шум, ничего не слышно. — Пленники говорили сквозь маленькое окошко, голоса их доносились глухо.

— Обманул он нас, — объяснил дед Артем. — Притворился спящим, а потом ключи схватил и бежать. И замкнул.

— Мы виноваты, ах как мы виноваты! — сказал Эдуард. — Теперь он уже в лесу, в безопасности.

— Найдем, — твердо сказал дед Артем. — Отмыкай.

Андрюша нащупал замок, амбарный замок, крепкий.

— А где ключ? — спросил он.

— Ключа нету, — сказал дед Артем, — унес он.

Андрюша попытался сбить замок кирпичом, найденным рядом. Кирпич раскололся пополам.

— Не открывается, — сообщил он.

Все было мокрым. Весь мир был мокрым и холодным.

— Иди домой, — сказал дед Артем, — топор возьми, ничего не поделаешь.

— Глупо, — сказал Андрюша. Он хотел было добавить, что каждая минута на счету, а тут два... гм... человека дали запереть себя в подвале. Но сдержался, понимая, что все равно надо их спасать. — Иду, — сказал он и вдруг увидел, что из темноты на него глядит яркий тигриный глаз. Он сжался, колени стали мягкими... Но нет, это не глаза хищника, это фара. Кто-то ехал по дороге.

— Эй! — закричал Андрюша, как кричат моряки, завидя парус после года, проведенного на необитаемом острове. — Эй, стойте!

Мотоцикл ослепил Андрюшу. Голос Глафиры спросил:

— Что вы тут делаете?

— Это ничего, — донесся голос из погребка, — это хорошо. Не плачь, Эдуард, спасение пришло.

Элла сопротивлялась, утверждая, что мальчику Коле одному ехать в Красное после трудного дня в такую темень совершенно невозможно, но Коля был как кремень. Поедет, и все тут, только заправится — в сарае есть запасные канистры. Расстроен Коля был смертельно: такой день, столько событий, а его не было. Он был глубоко убежден, что, будь он в деревне, и мельница не сгорела бы, и медведь бы не погиб, и Веня не пострадал бы. Но дело прошлое, теперь же спасение зависело от Коли, и тут все препятствия были несущественны.

Веня проснулся, он был в сознании, но сильно страдал. Элла с Глафирой хлопотали возле него, а Коля с Андрюшей пошли в сарай.

— Василию не завидую, — сказал Коля. — Мы с милиционером его с утра возьмем. За ним еще дела найдутся.

— Может, с тобой поехать, чтоб не скучно было?

— Только машину перегрузишь, — сказал Коля. — Лучше за женщинами присмотри. Ты один тут мужик остался.

От похвалы стало приятно, хоть исходила она от мальчика.

— Как же этот Васька их скрутил? — рассуждал Коля. — Достань-ка мне масло с полки, ты повыше будешь, акселерат.

— Он на Эдуарда кинулся, зарычал, Эдуард струхнул, споткнулся о ящик, деда свалил. Остальное — дело техники.

— Это так, — согласился Коля. — Ну я поехал.

Андрюша помог выкатить мотоцикл за ворота, закрыл их, привычно ежась от дождя, глядя, как тает в струях воды красный огонек.

Напротив горел свет у деда Артема. Дед переживал. Был унижен. Может, навестить его?

Переходя улицу, Андрюша вдруг понял, что видит уже и дорогу, и темный забор деда. Три часа — начинает светать. Здесь рано светает. А спать не хочется. Дождь вроде бы стал потише, хотя за лесом все еще вспыхивали зарницы и перекатывался гром.

Короткий звук догнал Андрюшу: во дворе хлопнула дверь. Кто-то вышел. Звуки разносились далеко и гулко.

Снова тишина. Потом осторожные шаги по доскам, скрипнула калитка. Андрюша замер у дедова забора.

В калитке образовалась тень. Ангелина стояла, словно не зная, что делать дальше, куда идти.

— Эй, — тихо сказала она, — ты где?

Андрюша не откликнулся. Человек обычно чувствует, что зовут не его. И горькое подозрение мелькнуло в голове юноши — она зовет Василия, переживает за него, ждет, а все разговоры о живой воде, все сказки, ключи и компрессы — так, развлечение. Все равно мы здесь чужие, подумал Андрюша. Вот приехали, уедем, а деревня будет жить дальше по своим странным законам... до тех пор, пока не построят здесь санаторий, не понаедут отдыхающие, которые обволокут своими, новыми и неинтересными легендами пушку на площади и странное название «Царицын ключ».

Черная тень пронеслась по светлеющему небу, захлопали крылья. Ворон опустился на забор рядом с Ангелиной, четкий силуэт его громоздился над девушкой.

— Гришка! — обрадовалась Ангелина. — А я боялась, что ты не прилетишь! Нам спешить надо.

Ворон взмахнул крыльями, как будто стряхивал с них капли дождя.

— Подожди здесь, я сапоги надену, банку возьму.

Стукнула калитка. Андрюше стало стыдно, что он подглядывает. В это время тонкий длинный скрип раздался сзади. Андрюша оглянулся. Приоткрылось окошко, и он угадал голову деда Артема. Вдруг стало темно — у деда погас свет.

— Ты чего здесь стоишь? — Дед разглядел Андрюшу.

— Я Колю провожал. Потом хотел к вам зайти, а тут Гришка прилетел.

— Ты не мешай, — сказал дед, — нельзя мешать. И за ней не ходи. Все испортить можешь.

— Вы же не верили, — сказал Андрюша.

— Я и сейчас не верю. Но мешать нельзя, понимаешь?

Снова стукнула калитка. Ангелина в тонком плаще и высоких резиновых сапогах, с бидончиком в руке вышла на улицу.

— Пошли, — позвала она.

Ворон тяжело поднялся с забора и полетел к площади. Ангелина двинулась за ним — захлюпали по лужам сапоги. И все стихло.

— Ну вот, — прошептал дед, — нам и спать можно. Иди домой.

В голосе деда был приказ. И Андрюша подчинился приказу.

Перейдя улицу, он оглянулся. Белая бородка деда вновь возникла в загоревшемся окошке. Андрюша вошел во двор, притворил калитку. И остановился. Он представил себе, как Ангелина одна идет сейчас к холодному мокрому лесу... А Василий или его сообщник? Ее могут выследить. Разве ворон — защита?

Дед не велит. Но дед относится к этому как к сказке, а если вспомнить, что сейчас конец двадцатого века, что сказок не бывает, а случаются необъяснимые, вернее, объяснимые, но еще не разгаданные физические явления? Почему Ангелине будет хуже, если кто-то поможет ей, если кто-то будет ее охранять?

Андрюша рассуждал так и думал, как бы выбраться из двора, чтобы дед не заметил. Ведь можно идти поодаль, только охранять ее, не приближаться... На улице блеснула лужа. Прижав глаза к щели в воротах, Андрюша увидел, что дед в ватнике, в высоких сапогах и мятой треуголке стоит у своего дома, прислушивается. «Ах ты хитрец, — подумал Андрюша, — а сам-то решил идти за Ангелиной...» Дед вышел, прикрыл осторожно калитку и засеменял по лужам к площади. «Все ясно, это снимает с меня моральные обязательства, — подумал Андрюша. — Где резиновые сапоги? Больше ничего не брать — только сапоги».

Он перебежал во двор, ворвался в сени, стал шарить в темноте.

Дверь из комнаты приоткрылась, выглянула Элла.

— Кто там? — прошептала она. — Это ты, Андрюша? Тише, Веня заснул. А Коля уехал?

— Все нормально. Я к деду Артему схожу.

— Три часа ночи, что за хождения? — сказала Элла скорбно. — И куда пропал Эдуард? Андрюша, если ты собираешься выходить на улицу, добеги до его дома. Может, он не спит... он обещал что-нибудь найти. Как ты думаешь, этично его разбудить?

— Этично, — сказал Андрюша. — Совершенно этично.

Он выбежал на улицу и, не скрываясь, не таясь, поспешил к площади. Да, надо заглянуть к Эдуарду. А может, не заглядывать? Пользы от него никакой, фельдшер он липовый, только переживает. Но, с другой стороны, Элле спокойней, если он рядом... Ладно, постучу ему в окошко, сказал себе Андрюша. Передам и пойду дальше.

Он миновал деревья, скрывавшие пушку. Кто же из нее будет утром стрелять? Если старик не вернется, то впервые за много лет пушка не выстрелит. Так гибнут традиции. Не выстрелит раз, два, потом забудут и научатся вставать под будильник. Или вообще не встанут завтра утром? И птицы не будут петь, и коровы не дадут молока? Андрюша внутренне улыбнулся, но тут же вспомнил, как лежал, раскинув лапы, медведь возле мельницы...

У клуба он остановился. В окне Эдуарда горел свет. Андрюша приподнялся на цыпочки, заглянул — там никого не было. Из-под застеленной кровати выглядывало что-то синее. Андрюша постучал по

стеклу. То ли подождать — может, Эдуард вышел по нужде, то ли бежать дальше, пока дед с девушкой не затерялись в лесах? И тут он услышал тихие голоса, доносившиеся из-за угла дома.

— Чего, — спросил знакомый высокий голос, — тебе чего не сидится?

— Она пошла, — ответил низкий бас. Василий? О чем он разговаривает с Эдуардом? Неужели они уже помирились? — И старик поперся. Треуголку надел и поперся.

— Старика мы пугнем. Старик нам не страшен. Так что иди быстро, не выпускай ее из виду и не догоняй. Понятно?

— Понятно, да неприятно. В лесу медведи ходят.

— Нет твоего медведя, пришел я его.

— Все равно лес... — басил Василий.

— Девчонке в лесу не страшно, а ему страшно? Икру по твоей трусости потеряли, теперь и золото прозеваем. Оставайся, жди милицию, она по тебе плачет.

— Ты меня не пугай. Если так дело пойдет, я скажу, кто был моим инициатором.

— Слово выучил! А доказательства? Я в лесу не был, я не хулиганил, у меня все в порядке, комар носу не подточит.

— Римма в магазине скажет.

— Не скажет. Это ты ей икру привозил, ты ей лекарства передавал и рыбу все ты.

— Все равно посадят.

— Да иди ты скорей! Надоел, зануда.

— Я тебя подожду.

Эдуард грязно выругался и бросился в дом. В окно Андрюша видел, как он скинул пиджак, вытащил из-под кровати синий мундир, натянул его, схватил треуголку из ящика стола — и на голову. Андрюша стоял не дыша, не двигаясь совсем рядом, за углом, слышалось тяжелое дыхание Василия.

Вот тебе и тихий фельдшер, интеллигентный человек. Значит, это он убил медведя и сжег мельницу...

Эдуард-привидение метнулся по комнате, вытащил из шкафа складной зонтик. Все, к Вениамину он не пойдет, больные его не интересуют... Андрюша переступил с ноги на ногу и чуть не попался: дыхание Василия прервалось, но тут скрипнула дверь, свет в комнате погас. Эдуард был на улице. Андрюша вжался в стену.

— Пошли, — сказал Эдуард. — А куда идти, знаешь?

— Знаю, к Волчьему логоу. Куда же еще?

Две темные фигуры отделились от угла здания и поспешили к лесу.

Андрюша понял, что выхода у него нет, только за ними! И не выдавать себя, пока возможно. На его стороне внезапность...

Сначала Андрюша шел быстро — ему показалось, что, если все те, кто идет впереди него, свернут на какую-нибудь тропинку, то он проскочит мимо и придется тогда плутать по незнакомому лесу... Он спешил, боясь отпустить от себя Эдуарда и Василия.

Они уже вошли в лес, где под деревьями было совсем темно, и Андрюша чуть не налетел на них, выскочив из-за толстого ствола. Совсем рядом скользнул луч фонарика, он шастал по листве и стволам, потом метнулся вбок, осветил позумент на камзоле и погас. Эдуард и Василий решали, видимо, по какой тропе идти. Андрюша зажмурился и услышал, как, перекрывая неровный стук капель, срывающихся с листьев, запела первая птица. Услышав ее, принялась выводить несложную мелодию вторая, третья. Начиналось утро.

Андрюша старался держаться сзади, а на ровных участках дороги отставал настолько, что силуэты преследуемых сливались с сеткой дождя. Эдуард с Василием тоже шли осторожно, приостанавливались на поворотах.

Так прошло более часа. К пяти в лесу рассвело, дождь почти перестал. Вот-вот должно было взойти солнце, приближение его ощущалось в растущем буйстве птичьих голосов.

Лесная дорожка, кое-где заросшая, кое-где протоптанная плотно и широко, вывела к узкой и длинной долине, по которой протекал ручей. В зарослях тростника просвечивала вода, взрыбленная дождем. Дорожка выбежала на берег и шла по опушке, но Андрюша не решился выйти на открытое место и потому пробирался кустами по краю леса, где с каждой ветки за шиворот сыпались ледяные капли.

Что-то тяжело вздохнуло в тростниках, взлетели утки, и сверху Андрюша увидел скользкую черную спину какого-то чудовища, которое медленно пробиралось к полосе открытой воды. Эдуард с Василием тоже заметили чудовище и остановились. В тишине до Андрюши донесся высокий голос Эдуарда:

— Крокодил!

— Не, — ответил Василий, — крокодилы у нас не водятся. Сом это, о нем давно известно, что здесь обитает. Только ничем его не взять. Даже пулей.

— И не нужно, — сказал Эдуард. — Мясо у него несъедобное.

— И мясо паршивое, — согласился Василий.

Сом на секунду выставил из воды тупое рыло с маленькими тусклыми глазками, пошевелил усами в метр длиной и ушел в глубину, взбаламутив воду. Тростники долго еще покачивались, а утки летали над водой, не решаясь опуститься.

Дорожка подвела к самой воде. Здесь, в узкой горловине, ручей бурлил горным потоком, и переходить пришлось по скользкому бревну. Затем тропинка ушла в сторону от ручья, вверх, в светлую и прозрачную березовую рощу. Андрюша перебежал от ствола к стволу, солнце неожиданно выскочило из-за горизонта, разорвав облака, его лучи ворвались в рощу, прорезав ее насквозь.

Эдуард и Василий остановились перед громадным серым валуном. Фельдшер наклонился и пошел вокруг камня. Василий закурил, потом зашагал дальше. Эдуард догнал его.

Когда Андрюша достиг того же места, он увидел на валуне слова «Царицынь ключ», выбитые глубоко, резко.

У камня дорожка кончалась, и Андрюша понял, почему Эдуард бродил вокруг он искал следы.

Эдуард с Василием почти скрылись за деревьями. Высокая мокрая трава доставала до коленей, и Андрюша шел по узкой тропинке, протоптанной недавно. Тропинка вновь привела к ручью, к тому же, что впадал в тростниковое озеро. За ручьем к берегу, отороченному полосой камней и песка, подходили строем мрачные ели. Там и скрылись Эдуард с Василием.

Черный еловый лес не хотел пропускать, словно сторожил заколдованную страну. Стволы стояли тесно, сухие ветки, тонкие, колючие, хлесткие, с оттяжкой били по рукам и по лицу, и уже через несколько шагов Андрюше показалось, что он заблудился навсегда и безнадежно. Он остановился и услышал, как впереди трещат сучьями, продираются вперед, ругаются преступники. Вскоре он не только догнал их, но чуть не налетел на Василия. Шофер бился, дергался на небольшой прогалине, и Андрюша не сразу сообразил, что же произошло. Потом понял — Василий угодил во владения лесного паука, затянувшего седой, сверкающей каплями дождя сетью-занавесом ход между елями. Василий плясал, дергался, матерился, выдирая руки из клейких цепей. Паук размером с блюдце сидел на краю паутины и ждал, когда же его жертва успокоится.

— Эдик! — кричал Василий. — Кончай гоготать! Он же ядовитый!

Эдик не гоготал, просто от страха у него изо рта вырывались странные кудахтающие звуки.

— Я, — выговорил он наконец, — я пауков боюсь.

— Режь! — закричал Василий. — Режь, говорю!

Эдуард поднял зонт, как шпагу, сделал несмелый выпад.

— Коли! — вопил Василий. — Он же меня гипнотизирует!

Паук и в самом деле рассматривал свою жертву. Может быть, ему давно не попадались люди.

Эдуард, зажмурившись, принялся молотить зонтом по паутине, и в конце концов она покачнулась, нити обвисли.

— Да ты меня-то не бей! — кричал Василий.

Паук, поняв, что завтрак упущен, исчез за темным стволом. Василий начал отрывать от себя прилипшие нити, а Эдуард сказал:

— Пошли дальше, а то упустим.

— Ты первый иди, — сказал Василий. — Не знаю, сколько их тут повешено.

Поспоров, они пошли рядом, плечо к плечу. Фельдшер не выпускал из рук зонта, размахивал им, обламывал сучья.

Андрюша двинулся следом. Нагнулся, проходя под рваным занавесом паутины, миновав его, оглянулся. Паук выполз на ветку и начал чинить сеть. Он взглянул вслед Андрюше, и тому показалось, что паук подмигнул ему, чего, конечно, быть не могло.

Темный еловый лес внезапно поредел, и Андрюша вновь увидел Эдуарда и Василия. Они стояли у сгнившего некогда полосатого шлагбаума, упавшего на камни неширокой, мощенной булыжником дороги возле покосившейся маленькой будки, покрашенной в черную с белым елочку. Дорога начиналась от елей внезапно, будто выскочила из-под земли. А на холмике у самой дороги на солнышке сидели рядом дед Артем и Ангелина. Перед ними был расстелен на траве белый платок, лежало полбуханки хлеба, несколько яиц и огурец. Поодаль на суку, нависшем над дорогой, сидел ворон. Из клюва торчал кусок хлеба.

Андрюша присел за кустом и пожалел, что ему не пришло в голову взять с собой съестного.

Видно, та же мысль посетила и Эдуарда.

— Проголодался я, — тихо сказал он Василию. — А у меня дома еще банка икры осталась... Выкинуть надо бы, а жаль, я в отпуск хотел съездить к бывшей теще в Ялту. Взял бы с собой.

— Дай поешь, — сказал Василий. — Я в подвале сидел.

— Потерпи, — прошептал Эдуард, — прошу, потерпи.

— И выпить бы. Надоело. Всю жизнь терплю. Всех убью!

— Возьмем клад, будет полная свобода.

— А вдруг денег мало? — спросил Василий, и у него громко заурчало в животе. Он сердито стукнул по животу кулаком, ворон Гришка заглотнул хлеб и взлетел с ветви.

— Ты куда? — спросил дед Артем.

— Сейчас, — ответил ворон и полетел назад, осматривая дорогу. Василий с Эдуардом нырнули в кусты, замерли. Андрей сжался. Ворон сделал круг над кустами и вернулся обратно.

— Там есть кто? — спросил дед.

Ворон щелкнул клювом, Ангелина кинула ему кусок хлеба.

— Идти бы надо, — сказала она, — солнце уже поднялось. Парит.

— Сейчас, — сказал дед. — Он насытится и полетит.

— Только ты, дедушка, снаружи подожди. Может, и в самом деле надо, чтобы я одна пошла?

— Подожду, подожду, хоть и не верю я в это.

— А чего пошел тогда?

— Тебя одну оставлять не хотел. А вдруг Васька тут ходит?

Ворон поднялся и медленно полетел вперед. Артем и Ангелина собрали остатки еды в платок, дед сунул узелок в заплечный мешок.

— Не доели, — сказал Василий с ненавистью, — зажрались...

Преступники крались по кустам, а дед с Гелей шли неравномерно: то быстро, если ворон припускал вперед, то медленно, если он поднимался выше и кружил, припоминая дорогу. Иногда до Андрюши доносились обрывки их разговора.

— Это его дорога, — сказал дед Артем. — Ее мой отец видел...

— А почему не достроил? — спросила Ангелина.

— Может, указание получил, что не приедет императрица, а может, деньги кончились...

Перебивая слова деда, до Андрюши донесся злой шепот Василия:

— Слышишь, кончились деньги! А мне за что в тюрьму садиться?

— Врет все дед, — успокоил его Эдуард. — Потому и не достроил майор, что деньги спрятал. Дураку ясно.

Дорога пошла вверх между крутыми каменистыми холмами, снова вышла к ручью, он стал теперь узким, тек круто, звенел хрусталем по камням. В бочажке лениво кружились хариусы метровой длины. Андрюше пришлось выйти на дорогу, потому что она шла вокруг большой скалы: слева отвесный склон, справа обрыв.

На скале на большой высоте были выписаны белой краской метровые буквы: «*Сандро Шейнкманишвили. Одесса, 1973*».

— Смотри, — долетел возглас деда, — и сюда турист добрался!

— Они везде проникают, — сказала Ангелина. — Помню, проходили через деревню, пели про дикий Север, про моржей, иконы спрашивали.

— Экологическая угроза. Обязательно лес спалят!

Дед с Ангелиной исчезли за поворотом, и больше ничего не было слышно, кроме пения птиц да журчания ручья внизу.

Перевалив через горб горы, дорога покатила вниз, в тесную долину, окруженную зубцами темных скал. Ручей исчезал в яркой зелени трав и появлялся вновь уже по выходе из долины. Попасть туда было нелегко. Сверху Андрюша видел, что дорогу, прорезавшую полукруг скальной стены, перегородил обвал. Перед баррикадой глыб, как перед закрытой дверью, остановились Ангелина с дедом. А где же бандиты? Ага, вот они, присели за скалой метрах в двадцати от завала.

Дед и Ангелина глядели на Гришку, который поднялся высоко вверх и кружил, будто забыв, куда двигаться дальше. Андрюше видно было, как старик первым полез вверх, положив на дорогу мешок с едой, чтобы не мешал. Ангелина взобралась следом, вот они уже смотрят сверху на зеленый стакан долины. В небе появились черные точки, они росли, приближаясь к Гришке, и тот нырнул вниз, видно, испугавшись, — к нему приближалась целая стая громадных летучих мышей. Они окружили Гришку, закрутили, потом от стаи отделилось черное пятно распростерши крылья, ворон планировал, рывками приближаясь к земле. Он исчез за завалом, а стая, сделав круг, повернула обратно... Дед и Ангелина, спотыкаясь, бросились к нему. И тут же из-за камня поднялась неуклюжая фигура Василия, он кинулся к завалу, схватил мешок с едой, потащил к себе. Эдуард, поднявшись, шипел на него, махал руками:

— Брось, тебе говорят, брось, увидят!

Мешок был, видно, плохо завязан, раскрылся, из него посыпались на дорогу куски хлеба, покатались яйца и огурцы. Василий кинулся подбирать добро. Он заталкивал в рот яйца и огурцы, чавкал и рычал так шумно, что, видно, дед услышал — его голова вновь показалась над завалом. Эдуард нырнул за камень, а Василий продолжал ползать по дороге. Голова деда тут же исчезла. Эдуард кусал ногти и топал ногой.

— Все пропало! Увидел он тебя, понимаешь, увидел!

— А они и сами не найдут, — невнятно сказал Василий. — Гришку-то пришили. Нельзя туда ходить, понял?

Андрюше сверху было видно скрытое от Эдуарда: там, за завалом, по узким остаткам дороги, прижимаясь к скале, спешили прочь дед и Ангелина. Ангелина прижимала к себе Гришку, дед нес пустой бидон. Они осторожно спустились с обрыва и начали пробираться по краю зеленой поляны, перепрыгивая с камня на камень. Однажды дед оступился, и нога

его ухнула в зелень. Андрюша понял, что зелень эта — трясина.

Ангелина с дедом обогнули половину зеленой топи и приближались к дальней стене долины, где из трясины торчали пальцами деревянные столбы — остатки моста. Эдуард уговорил Василия проползти вперед, забраться на завал. Увидев, что старик с девушкой ушли далеко, Василий вскочил на ноги и крикнул:

— Стойте! Вы куда?

Его крик настиг беглецов, но не остановил. Они оглянулись и исчезли в узкой расщелине среди скал. Василий скатился вниз, к зеленому полю.

— Стой! — крикнул ему Эдуард. — Меня подожди!

— Еще чего! — огрызнулся Василий. — Без тебя доберусь!

Он влетел в зелень большим прыжком и не сразу сообразил, что почва не держит его — жидкая грязь брызнула из-под ног, пачкая салатную траву. По инерции он пронесся еще два шага, завяз по колено, вырвал с трудом ногу, рванулся дальше... Уйдя в трясину по бедро, Василий повернул назад и только тут обнаружил, что до берега уже метров шесть.

— Эй! — крикнул он Эдуарду. — Дай руку!

— Как же я дам? — Эдуард понял, в чем дело, и замедлил спуск к болоту. Сам выбирайся. Убежать от меня хотел! — Василий рванулся к нему и погрузился по пояс. — Ты чего?! — вдруг испугался Эдуард, увидев тоску в глазах шофера. Погоди!

Андрюша побежал со своей горы вниз, к завалу и через несколько шагов потерял людей из виду. Когда он снова увидел их, Эдуард метался по берегу, протягивая Василию зонтик. Андрюша оглянулся — нужна какая-нибудь палка, шест, но вокруг не было ни единого деревца. Лес остался далеко позади.

Василий погрузился по шею, глаза его вылезли из орбит.

— Не могу! — крикнул ему Эдуард. — Прощай!

— Эдик, — хрипел Вася, — спаси, я тебе все деньги отдам, и клад себе бери, только спаси меня!

— Я бы рад... — расстраивался Эдуард. — Я бы рад...

— Вылезу, убью! — закричал Василий.

— Прощай, — развел руками Эдик. — Ты не мучайся, сразу ныряй.

— Нет, сволочь! — отказался от совета Василий. — Я на твердом стою! — Жижка подобралась ему к подбородку.

— Стоишь? — переспросил Эдуард. — Ну и ладушки. Это изумительно. Это восхитительно. Замечательно. Стой.

— Эдик! — закричал Василий. — Я тебя под суд подведу!

— Не надо. — Эдуард концом зонта стряхнул с майорского сапога

грязь. Ничего это тебе не даст. Стоишь ведь, не тонешь? Я за ними сбегаю, клад отберу — и к тебе. А ты подожди. — И Эдуард пошел по краю трясины с камня на камень вдоль стенки, как недавно шли дед с Ангелиной.

— Эдик! — неслось ему вслед. — Эдик, погибну! Вернись! А то скажу, как лекарствами торговал! И где иконы лежат!

— Молчи, подонок! — Эдик подобрал ком земли и кинул так, что он упал в воду рядом с Василием, колыхнул топь и обрызгал шофера до затылка — голова стала бурой от грязи и без слов хрипела с ненавистью вслед фельдшеру. — Терпи, — сказал Эдик, — твой вид отвратителен. — И легко с камня на камень поспешил к расщелине.

Андрюша подождал, пока он скроется, и перебрался через завал. При виде его Василий заморгал глазами, всхлипнул с надеждой:

— Студент... Студент, спаси, я все скажу!

— Стой! — сказал Андрюша без жалости. — Чего мне тебя жалеть! Грязь для тебя оптимальная окружающая среда.

— Студент! — шипела голова. — Интеллигентный человек!

— Я тебя буду спасать, а Эдуард в это время на Ангелину нападет? Он же бессовестный.

— Студент! — упрямылся Василий. — Я с тобой поделюсь. У меня облигации есть... Не хочешь? Убью!

Из трясины возникла лягушка, большая, зеленая, с белым гладким пузом. Приняв голову Василия за камень, вспрыгнула на нее и удобно уселась. Как шляпа. И пялила бессмысленные глаза на Андрюшу. Под тяжестью лягушки Василий ушел в воду еще глубже, даже подбородок скрылся в трясине. И он замолчал, чтобы не наглотаться.

— Я вернусь за тобой. Если он обманет, я вернусь, — сказал Андрюша и направился к глубокой темной расщелине.

Шаги в расщелине раздавались гулко, по стенам стекала вода, вливаясь в ручеек, что журчал по дну. Воздух был удивительно чист, пахло озоном, словно тут недавно ударила молния.

Скалы над головой сомкнулись, стало совсем темно, но через несколько шагов впереди забрезжило пятнышко света. Свет исходил от фонаря Эдуарда. Тот стоял перед новым завалом из рухнувших сверху глыб и шарил по нему лучом, разыскивая щель.

— Не может быть, — бормотал Эдуард дрожащим голосом. — Они завалить ее не успели бы... — Свободной рукой он раскачивал камни, ища тот, слабый, которым был закрыт путь. Раздался грохот, посыпались новые глыбы. Фельдшер отпрыгнул назад. — Ногу! — взвыл он. — Ногу зашибли, сволочи!

Андрюша вдруг понял, что не хватает привычного звука — пропало журчание ручейка, под ногами было сухо. И повернул обратно.

Услышав впереди журчание, Андрюша провел рукой по стене и обнаружил у самой земли дыру меньше метра диаметром, из нее и изливалась вода. Было страшно. А вдруг отверстие сузится? А вдруг и в самом деле обвал случился только что?.. В отдалении снова раздался грохот — Эдуард продолжал ворочать камни.

Андрюша сунул руку в низкую щель, и пальцы нащупали что-то мягкое. Птичье перо. Большое птичье перо.

Сомнения исчезли. Нагнувшись, Андрюша втиснулся под низкий свод. Пришлось передвигаться ползком, перебирая руками в ледяной воде. Острый край сталактита полоснул по ладони... Ход шел вверх, но не сужался. Андрюша уже не боялся, что он сузится. Но путешествие казалось бесконечным, саднила рука...

Наконец в лицо ударил ослепительный солнечный свет. Андрюша зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что свет пробивается сквозь зелень листвы. Здесь уже можно было встать на четвереньки, еще немного, и он поднялся и раздвинул мягкие ветки.

Он стоял на краю небольшой зеленой долины, заросшей деревьями и кустами, замкнутой с дальней стороны отрогами высокой горы.

Здесь было тепло и сухо. Только звенели комары, принявшие его за долгожданный обед. Андрюша отмахнулся от них и увидел свою ладонь — она была располосована, из открытой раны текла кровь. Чтобы смыть ее,

Андрюша опустил руку в ручеек, который исчезал в черной пасти скалы. Кровь розовым облачком унеслась с водой, края царапины побледнели. Он вытащил из ледяной воды руку и увидел, что кровь уже не течет, а рана затягивается на глазах.

Андрюша вымыл в ручье лицо и снова взглянул на свою рану. Рана окончательно затянулась, лишь светлый шрам напоминал о ней.

— Сказка, — произнес Андрюша и пошел дальше, вверх по ручью, не глядя еще по сторонам, потому что не мог оторвать взгляда от собственной руки. — Нет, сказал он, остановившись через несколько шагов, — этого не может быть.

— Что делать, — отозвался знакомый голос. — Я тоже не допускал такой мысли, а ведь являюсь коренным уроженцем!

Андрюша раздвинул кусты и оказался на прогалине, где стояла белая мраморная скамья, а на скамье сидели дед Артем и ворон Гришка, живой, здоровый, но насупленный.

— Я, понимаете, руку раскроил, — сообщил Андрюша.

— А Гришка успел подохнуть, — сказал дед, — то есть находился в состоянии клинической смерти.

— Винивидивичи, — хрипло сказал ворон.

- Где Геля? — спросил Андрюша.
— За водой пошла к ключу. Там она в чистом виде.
— Зачем вы ее одну отпустили?
— Ей захотелось. Хоть и суеверия, зачем портить картину?
— А Василий в болото попал, — сказал Андрюша.
— Потонул? — спросил дед спокойно.
— Нет, по шею сидит. Надо будет на обратном пути захватить. На

Эдуарда надежды мало.

— На кого? — удивился дед.

— Эдуард Олегович, фельдшер ваш. Разве непонятно? Они с Василием заодно, он и есть второе привидение. Это он все организовал, и с икрой тоже, и лекарствами торговал, и молоко они разбавляли. У него даже икра дома осталась, целая банка, теще хочет отвезти в Ялту.

— Улика, значит, — сказал дед. — Это ужасно. А они что, выследили нас?

— Я потому и пошел, что испугался — их двое.

— Ага, их двое, а нас четверо. — Дед шлепнул Гришку по крылу. — Ах мерзавец, ах хитрец, даже в погребке со мной остался! Ваську выпустил, а сам остался! Все рассчитал, мерзавец...

— Дедушка! — послышался крик Гели. — Иди сюда. Я воды набрала.

— Идем, — откликнулся дед. Гришка хотел было возразить, но потом махнул головой, соскочил со скамьи и пошел впереди пешком, поглядывая на небо. Опасается, — пояснил дед. — Летучие мыши здесь вместо сторожей. А Гришка, с их позиции, предатель.

— Филлантрроп, — откликнулся ворон.

— Ну как знаешь. Я же тебя не осуждаю. А где Эдик-то?

— Он в пещере заблудился. У завала застрял.

— Это точ-на, — сказал дед. — Мы тоже сначала чуть не промахнулись. Дорога хитрая, видно, завал еще майор устроил.

Трава раздалась, открыв дорожку, выложенную плитами аккуратно, одна к другой. Дорожка раздвоилась, уткнувшись в прудик, окруженный мраморным бордюром. Камень кое-где раздался, осел, между плитами тянулась трава.

По ту сторону пруда виднелась каменная ротонда, которую берегли львы, мирно положившие морды на лапы. Внутри стоял мраморный медведь в натуральную величину, из его пасти бил небольшой фонтан воды. Что это живая вода, Андрюша догадался сразу, потому что увидел, как к источнику направляется крупный заяц, держа на весу пораненную лапу. Кося глазом на Ангелину, стоявшую поодаль с бидоном в руке, заяц подскочил под фонтан и замер. Вода смыла с лапы кровь, заяц промок, Ангелина засмеялась. Гришка гаркнул, отгоняя зайца, и тот громадным прыжком сиганул через резные каменные перила между колоннами. Ангелина увидела Андрюшу.

— За нами шел? Ах ты, любопытный!

— Он охранял тебя, — сказал дед серьезно. — Там не только Васька, там и его дружок Эдуард.

— Этот тоже? А раков вы видели?

Раки сидели в прудике, их было три. Зеленые, метровые, глупые, они тарасили глаза на пришельцев сквозь прозрачную воду. Вокруг раков медленно плавали золотые рыбки.

Андрюша увидел за деревьями темную крышу. Бревна, из которых был сложен маленький домик, давно уже проросли, и он стал похож на купу деревьев. Ржавая крытая железом крыша чудом удержалась в буйном переплетении ветвей.

— Я пойду, — сказала Ангелина, — мне надо спешить.

— Идите, — согласился Андрюша. — Я вас догоню. — Он пожалел, что не взял с собой фотокамеру. Едва ли он вновь попадет сюда. Не потому, что путь труден или далек: может, дорога все-таки тупиковая? Открылась по сказочному велению и закроется вновь, пока через сто или двести лет не понадобится еще одной Ангелине спасти своего возлюбленного.

— Санаторий здесь построим, — сказал дед Артем. — Корпуса, травматологическую лечебницу, ванны...

Ангелина поглядела на поляну, на ротонду, на глупые морды раков и сказала:

— Жалко.

— Жалко, — сразу согласился дед и пошел вслед за Ангелиной. — Значит, так, — продолжал он, — устроим здесь заповедник союзного значения и проведем отсюда трубопровод... — Голос старика глохнул в зарослях, треуголка его мелькнула еще раз над листвой...

Андрюша заглянул в домик. Там было сумрачно и пусто, застарело, извечно пусто... Когда-то здесь жили люди да давно ушли. На скамейке валялся медный ковш, две плоские бутылки забыты на полуразвалившейся печке. И еще одна треуголка... Андрюша протянул руку, и треуголка рассыпалась, а он подумал: вот здесь, наверное, и скрывался секунд-майор от царских посланцев, здесь и умер, забытый всеми. Может, где-то возле дома лежит его скелет, если не погиб он в лесу... Ржавая шпага без ножен торчала рядом с широкой лавкой. Шпагу Андрюша решил взять с собой, отдать деду. Пускай лежит она в корпусе санатория или в правлении заповедника под стеклом.

Андрюша наклонился, чтобы достать шпагу, и увидел под лавкой сундучок. Потащил сундучок на себя. Тот был окован железными полосами и закрыт.

— А вот и клад, — подумал Андрюша вслух и понес сундучок наружу. — Также передам деду, — решил он.

Так он и выбрался из домика-дерева — сундук прижат к животу, за

ремень заткнута шпага с позолоченной гардой. Но далеко не отошел, потому что услышал знакомый и неприятный слуху голос.

— Руки! — повторял этот голос занудно. — Руки!

Андрюша увидел, как по дорожке к ротонде пятятся Ангелина и дед. Дед держит обе руки кверху, Ангелина — одну, во второй драгоценный бидон. Под ногами у них путается, тоже отступает ворон, а шагах в десяти надвигается невероятная фигура со сложенным зонтом в руке, оборванная до удивления, в клочьях камзола, без треуголки, страшная, одичавшая, задыхающаяся.

— Где клад? Где клад, я спрашиваю?

Дед и Ангелина молчали.

— Клад где? Убью, мне терять нечего! Ставь бидон на землю! — Ангелина опустила бидон на дорожку. — Назад! Еще назад!

Эдуард достал ногой до бидона, толкнул его, вода хлынула по дорожке, растеклась по камням, и тут же в щелях между ними полезли вверх тонкие зеленые ростки.

— Где клад?

— Эдик, — сказал дед, — не нужен нам твой клад. Оставайся здесь и ищи сколько твоему сердцу угодно. Отпусти нас. Нам нужна живую воду отнести. А ты ее разлил.

— Хватит, — сказала вдруг Ангелина, — надоело мне!

Она спокойно шагнула вперед, подобрала бидон.

— Не смей! — крикнул Эдуард.

Андрюша все эти долгие секунды никак не мог распутаться в сундуке и шпаге — сундук он не догадался поставить, и тот, тяжелый и неудобный, мешал вытянуть шпагу из-за пояса.

— Стой, подлец! — сказал Андрюша. Ему показалось, что говорит он значительно и веско, но голос сорвался на высокой ноте.

Эдуард оглянулся и увидел сундук. Он не увидел ни шпаги, ни Андрюши — он видел только сундук.

— Мой! — крикнул он и кинулся к нему.

Он налетел на Андрюшу, как бешеный бык, схватил сундук, рванул на себя, не удержал, тот упал, щелкнул, раскрылся, и из него стаей голубей разлетелись листы бумаги. Эдуард прыгнул вперед и накрыл собою сундук. Ожесточившись, Андрюша сделал выпад шпагой и с размаху воткнул ее в зад фельдшера. Тот взвизгнул, но добычу не выпустил. Андрюша уже понял, что сундук пуст серебряная монета выкатилась из него, побежала, сверкая на солнце, по дорожке к круглому пруду и улеглась на бордюре.

— Так я и думал! — сказал дед, подобрав один из листов. — Это отчет.

Об израсходовании государственных средств.

— Значит, денег нет? — спросил Андриюша.

— Откуда же им быть? Наш предок реабилитирован! Посмертно!

— Я пошла, — сказала Ангелина. — Веня ждет. — Дед собирал листы отчета. Ты справишься? — спросила Геля Андриюшу.

— Справлюсь, — ответил тот, отбрасывая ногой в сторону зонтик. — Идите. И вы вставляйте, Эдуард!

Эдуард не отвечал. Одной рукой он держал себя за уколотое место, второй шарил внутри сундучка, все еще не веря, что тот пуст.

— Подлец, — сказала Ангелина, проходя мимо. — Еще Ваську простить можно, а вас никогда.

— Где деньги? — кричал Эдуард, не видя никого вокруг.

Монета, сверкающая на краю пруда, попала в его отчаянному взору. Эдуард пополз к ней по дорожке. Зеленые раки удивленно глядели на него — думали, свой. Неловко дернувшись, Эдик свалил монету в воду и тут же рухнул вслед за нею и сам, а раки подняли клешни, словно желая защитить сверкающее сокровище.

— Я за Ангелиной побежал, — сказал дед. — Вдруг там Васька?

— Не бойтесь, — сказал Андриюша, — он теперь тихий.

Эдуард барахтался в прудике живой воды, сражаясь с раками, и победить в этой схватке никто не мог. Любая рана, любая травма затягивалась тут же, оторванная лапа на глазах отрастала у рака, наверное, если бы кто из врагов откусил Эдуарду голову, и она отросла бы заново. Но голову раки фельдшеру не откусили, и тот вырвался из их объятий, вылез на берег, голый, белый, в свежих шрамах, и пополз обратно к сундучку, сжимая в кулаке серебряный рубль.

Андриюше надоело смотреть на фельдшера. Он сунул шпагу за ремень и огляделся. Увидел заросшую подорожником тропинку. Пройду по ней немного, решил он. Пять минут ничего не меняют.

Раздвигая ветви розовых кустов и лопухов, схожих с бананами, увернувшись от здорового шмеля, Андриюша миновал домик.

Заросший мхом склон холма не пружинил, был твердым, но твердым иначе, чем камень, — эту разницу нельзя было выразить в словах или даже в мыслях, но она была. Андриюша опустил на корточки, оторвал пальцами слой мха и увидел неровную, шершавую поверхность металла. Железная гора, подумал он и взобрался на вершину этого небольшого крутого холма. Буйная зелень долинки вокруг источника осталась внизу, здесь дул ветерок и было прохладней. Отсюда была видна крыша домика секунд-майора, скрытая зеленой шапкой листвы, белый купол ротонды и темный изумруд

прудика... Андрюша огляделся. Долина Царицына ключа была кругла и ровным дном похожа на большой кратер, а металлический холм горбился как раз в центре этого кратера. И Андрюша понял, что, вернее всего, сюда в незапамятные времена упал огромный метеорит. Принесенные из глубины космоса странные соединения тамошних неведомых веществ пропитали родник, бьющий из земли, сказочной силой, и вода здесь приобрела свойства, которых нет больше нигде на свете.

А может, и не это? Может быть, эта металлическая глыба рождена в недрах земли и выдавлена оттуда сжатием или вулканическим взрывом? И сила ее в сочетании элементов, родивших живую силу воды?

Дальше, за откосом, что-то светлело. Спустившись туда, Андрюша увидел на холмике, поросшем короткой травой, покосившийся крест. Трава там знала, что нельзя подниматься высоко, нельзя скрывать в буйстве своем память о том, кто здесь похоронен.

Рядом скамеечка, словно кто-то приходил сюда.

На кресте прибита табличка. Надпись почти выцвела, но под ярким солнцем Андрюша смог прочесть:

«Ее Императорского Величества Преображенского полка секунд-майор Иван Полуехтов скончался декабря 8 дня 1762 года.

Мир праху твоему, отец и муж».

Андрюша присел на скамейку. Значит, он жил здесь, и сказка лгала, потому что сказки придумывают люди, которые не все знают. Никому в деревне не открыла Елена, что майор не погиб, а остался у своего ключа и жил тут еще долгие годы...

И вдруг Андрюша понял, что он — это не он, не Андрей Семенов, студент из Свердловска, а секунд-майор Иван Полуехтов, изгнанник и отшельник. Осенний ветер дует над этим холмом, майор думает о том, что то ли когда-то этот железный холм упал с неба, подобно огненным камням, и принес на землю тайну и живительную силу со звезд, то ли вылез из земли, а эта живая вода — само естество нашего подлунного мира... Тоска и одиночество владели им — тешила лишь надежда, что придет Лена, придет и останется здесь на неделю, скажет в деревне, что поехала к родным в Пензу. Обещала любезная пожить с ним, малыша возьмет, младшего, других нельзя, проговорятся...

Майор сунул руку в карман камзола, вытащил серебряный рубль — нужны ли кому эти деньги, оставшиеся от царской казны? Ясное дело, никто не поверит, что он все истратил на работу, не крал, не обманывал, не утаивал. Не докажешь... Секунд-майор поглядел на рубль с профилем императрицы, кинул вдаль, в траву, а сверху спустился камнем верный

Гриша, подхватил монету и унес. Может, подняться сейчас, вернуться в Петербург, там жизнь, там балы и маневры, разговоры о политике и дворцы на набережных. Но нужно ли тебе это, Иван Полуехтов, ты же сидишь, годы проходят в забвении и ничтожестве, ждешь одного — как послышатся шаги у порога твоего домика. Придет твоя Елена, уже немолодая, растолстела, руки огрубели от работы, одна свой позор несет мужиков нету, а она от кого — от духа святого третье дитя в люльке качает? А верна, через лес по дыре черной ходит и ходит к своему Ванечке, а Ванечка хоть и не хворый — как тут захвораешь, если вода живая, только от тоски пропадешь, — но стареет Ванечка, сварливый стал.

Елена говорила: убежим, уйдем на юг, на Волгу, на Кубань. Но не тянет уже к людям, да и не может бывший секунд-майор заниматься разбойничьим делом или крестьянским трудом. Лучше останется он до смерти, как часовой на посту, у живой воды.

Порой станет совсем немого, выходит тогда секунд-майор к людям в парадном мундире, при шпаге, идет лесом, близко к домам не подходит, но на дымы глядит, на ребятишек играющих — на своих в особенности. Ребята крепкие еще бы, вода живая в речке подмешана, немного, а для здоровья хватает.

Иногда в лесу кого встретит... И люди уж знают, но считают его за неживой призрак, опасаются, бегут. Иногда встречает знакомого медведя, его еще в бытность в деревне учил из пушки стрелять. Медведь все ходит к пушке и, видно, медвежат научил.

«Помру я, — подумал спокойно майор, — куда денешься? Помру. Пускай Елена здесь меня похоронит, отсюда вид хороший, далеко на горы смотришь, на холодные вершины, на облака бегущие, на птиц перелетных. Птицы опускаются у родника, раны лечат. И пройдет много лет, и попадет сюда какая душа, увидит мой крест и поймет мою печаль, и поймет, что эти годы жил я одной любовью, и без нее давно бы помер без следа и без могилы...» Крест стоял на зеленом косогоре, покосившийся крест, одинокий, как тот майор. Впрочем, давший начало целой деревне — и Кольке, и Глафире, и Ангелине...

Надо идти обратно. Фельдшера оставлять нельзя, напакостит чего-нибудь, будет деньги искать, ротонду разрушит.

«Может быть, — думал Андрюша, подгоняя сквозь черную пещеру присмирившего Эдуарда, — назовут санаторий или заповедник именем майора Полуехтова. Да вряд ли — он фигура как бы внеисторическая, не борец, не мститель. А жалко...» Эдуард постанывал. В одной руке он нес крышку сундука, в другой сжимал серебряный рубль с портретом толстой востроносой бабы с грудями, как жернова.

— Украли, — повторял он и вздыхал. — Мошенники, грабители. Я же хотел для народа.

Когда они вышли из расщелины и впереди показалась трясина, Эдуард заволновался и сказал:

— Надо оказать помощь Василию. Мы гуманисты или нет?

— Гуманисты, — сказал Андрюша. — Сейчас принесете палку и вытащите.

Но палка не понадобилась. Они увидели, что Василий все так же стоит по горло в трясине, а на бережку сидит на корточках дед Артем с бумагой на коленях, рядом длинный шест. И пока они шли вокруг топи, Василий монотонно перечислял свои и Эдуардовы грехи, а дед в паузах приободрял его:

— Давай, давай, преступная твоя физиономия, все выкладывай, а то не видать тебе берега! — И Василий продолжал исповедь.

Он увидел Эдуарда, только когда они подошли к деду.

— Вот он! — забулькал Василий. — Он мной руководил. А я по глупости слушался. Где клад? Где деньги?

— Это легенда, только легенда, — сказал Эдуард. — И я спешил сообщить тебе об этом. И помочь выбраться из болота. Прости, что не смог сделать этого раньше — помогал Ангелине.

— Ну и подлец ты, Эдик, — сказал дед Артем.

— Это что у тебя? — спросил Василий, показывая глазами на крышку сундучка. — Клад?

— Сувенир, — быстро сказал фельдшер. Он был почти гол и прикрывал живот этой крышкой. — На память об историческом прошлом нашего края. Артемий Никандрыч, не верьте ни единому слову этого мерзавца и подонка. Он хочет меня оклеветать...

— Ничего, — сказал дед Артем, — разберемся.

Василия вытащили с трудом, пять потов сошло, пока трясина

отпустила его. Эдуард бегал вокруг и давал советы, когда же Василий вышел на берег и бросился в неудержимом гневе на своего учителя, тот так припустил по дороге, что догнали его только в лесу.

А еще шагов через сто увидели и Ангелину. Она утомилась, и Андрюша взял у нее бидон.

Вертолет стоял сразу за околицей, шагах в ста от дома. Рядом пустые носилки. Вертолет медленно крутил лопастями.

— Улетят! — закричала Ангелина, бросаясь к нему. — Скорей, Андрюша!

Они побежали по улице.

— Эй! — крикнул Андрюша, увидя в кабине пилота. — Остановитесь! Мы живую воду принесли!

Ангелина приподняла бидон, чтобы пилот увидел.

Тот понял не сразу, потом выключил мотор, и лопасти отвисли, замедляя кружение.

— Чего? — спросил пилот. — Чего принесли?

— Живую воду, — сказала Ангелина.

— Прости! — сказал пилот. — Намек понял. За рулем не пью.

— Мы не вам, — сказал Андрюша, — мы больному.

— Так и несите ему.

— Так он не на борту?

— Нету его.

Ангелина чуть не выронила живую воду. Из бидона плеснуло, и в том месте начала бурно расти трава, зацвели большие синие колокольчики, и пилот уставился в полном изумлении на это зрелище.

— Нету в каком смысле? — спросил Андрюша, чувствуя, как у него холодеют руки.

— Видите носилки? Как его донесли сюда, он с них и в кусты. В его состоянии это верная смерть. Ищут по кустам. А он в бреду.

В кустах возникло шевеление, и оттуда вытащили сопротивляющегося Вениамина. Повязка сползла набок, пропиталась кровью. А рядом бежал врач и норовил наполнить шприц, чтобы сделать больному успокаивающий укол.

— Веня! — закричал Андрюша. — Не суетись. Все в порядке!

— Веня! — Ангелина бежала к нему, прижимая бидон к груди.

— Вернулись? — Веня говорил быстро, глаза его лихорадочно блестели, но он был в полном сознании. — Прости, Геля, я не мог улететь без тебя. Ты ради меня пошла ночью в лес, я же понимаю, и я не могу улететь как дезертир... Поймите меня, — он обратился к врачу, — и простите, что заставил вас волноваться.

— Все хорошо, — сказал врач. Он воспользовался тем, что больной успокоился, и быстро всадил ему в руку шприц.

— Вот это лишнее, — заметил Вениамин, — я уже покорился. — Он сам улегся на носилки.

— Вы можете умереть, — сказал врач. — Это безобразие.

— Ты пришла, Геля, спасибо тебе. Вода — это сказка, я понимаю, но ты пошла в ночь...

— Вода здесь, — сказала Геля. — Все в порядке. Она действует.

— Она действует, — подтвердил Андрюша. — Проверено.

— Товарищи, не задерживайте нас, — попросил врач. — Каждая минута дополнительный риск.

— Доктор, — крикнул пилот, — вода действует, я видел!

— Ну какая еще вода!

Глаза Вени смежились, он засыпал со счастливой улыбкой, держа за руку Гелю.

— Дайте платок, — сказала Геля.

Она сказала это таким голосом, что Глафира без слов сняла с головы белый платок. Геля окунула его в бидон.

— Этих фальшивомонетчиков не видел? — спросил Андрюшу милиционер.

— Вон идут, — сказал Андрюша.

По улице поднимались парой Эдик и Василий — руки за спиной связаны, чтобы не передрались, дед веревку в мешке нашел, — и лаяли друг на друга. Сзади кучером шагал дед Артем, держа их как на вожжах.

Ворон Гришка поднялся в воздух, сделал круг над вертолетом, который, видно, принял за соперника, вторгнувшегося на его территорию. Спикировал на вертолет, больно клюнул в стекло кабины. Потом поднял гордо голову и сказал:

— Омниапрекларрара!

Из леса вышла медведица. Она вела медвежонка учиться стрелять из пушки.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ

1. О некрасивом биоформе

Ну вот и все. Драч снял последние показания приборов, задраил кожух и отправил стройботов в капсулу. Потом заглянул в пещеру, где прожил два месяца, и ему захотелось апельсинового сока. Так, что закружилась голова. Это реакция на слишком долгое перенапряжение. Но почему именно апельсиновый сок?.. Черт его знает почему. Но чтобы сок журчал ручейком по покатоному полу пещеры — вот он, весь твой, нагнись и лакай из ручья.

Будет тебе апельсиновый сок, сказал Драч. И песни будут. Память его знала, как поются песни, только уверенности в том, что она правильно зафиксировала этот процесс, не было. И будут тихие вечера над озером —

он выберет самое глубокое озеро в мире, чтобы обязательно на обрыве, над берегом, росли разлапистые сосны, а из слоя игл в прозрачном, без подлеска, лесу выглядывали крепкие боровики.

Драч выбрался к капсуле и, прежде чем войти в нее, в последний раз взглянул на холмистую равнину, на бурлящее лавой озеро у горизонта и черные облака.

Ну все. Драч нажал сигнал готовности... Померк свет, отлетел, остался на планете ненужный больше пандус. В корабле, дежурившем на орбите, вспыхнул белый огонек.

— Готовьтесь встречать гостя, — сказал капитан.

Через полтора часа Драч перешел по соединительному туннелю на корабль. Невесомость мешала ему координировать движения, хотя не причиняла особых неудобств. Ему вообще мало что причиняло неудобства. Тем более, что команда вела себя тактично, и шуток, которых он опасался, потому что очень устал, не было. Время перегрузок он провел на капитанском мостике и с любопытством разглядывал сменную вахту в амортизационных ваннах. Перегрузки продолжались довольно долго, и Драч выполнял обязанности сторожа. Он не всегда доверял автоматам, потому что за последние месяцы не раз обнаруживал, что сам надежнее, чем они. Драч ревниво следил за пультом и даже в глубине души ждал повода, чтобы вмешаться, но повода не представилось.

Об апельсиновом соке он мечтал до самой Земли. Как назло, апельсиновый сок всегда стоял на столе в кают-компании, и потому Драч не заходил туда, чтобы не видеть графина с пронзительно-желтой жидкостью.

Драч был единственным пациентом доктора Домби, если вообще Драча можно назвать пациентом.

— Я чувствую неполноценность, — жаловался доктору Драч, — из-за этого проклятого сока.

— Не в соке дело, — возразил Домби. — Твой мозг мог бы придумать другой пункт. Например, мечту о мягкой подушке.

— Но мне хочется апельсинового сока. Вам этого не понять.

— Хорошо еще, что ты говоришь и слышишь, — сказал Домби. — Грунин обходился без этого.

— Относительное утешение, — ответил Драч. — Я не нуждался в этом несколько месяцев.

Домби был встревожен. Три планеты, восемь месяцев дьявольского труда. Драч на пределе. Надо было сократить программу. Но Драч и слышать об этом не хотел.

Аппаратура корабельной лаборатории Домби не годилась, чтобы

серьезно обследовать Драча. Оставалась интуиция, а она трещала, как счетчик Гейгера. И хотя ей нельзя было целиком доверяться, на первом же сеансе связи доктор отправил в центр многословный отчет. Геворкян хмурился, читая его. Он любил краткость.

А у Драча до самой Земли было паршивое настроение. Ему хотелось спать, и короткие наплывы забытья не освежали, а лишь пугали настойчивыми кошмарами.

Мобиль института биоформирования подали вплотную к люку. Домби сказал на прощание:

— Я вас навещу. Мне хотелось бы сойтись с вами поближе.

— Считайте, что я улыбнулся, — ответил Драч, — вы приглашены на берег голубого озера.

В мобиле Драча сопровождал молодой сотрудник, которого он не знал. Он чувствовал себя неловко, ему, верно, было неприятно соседство Драча. Отвечая на вопросы, он глядел в окно. Драч подумал, что биоформиста из парня не получится. Драч перешел вперед, где сидел институтский шофер Полачек. Полачек был Драчу рад.

— Не думал, что ты выберешься, — сказал он с подкупающей откровенностью. — Грунин был не глупей тебя.

— Все-таки обошлось, — ответил Драч. — Устал только.

— Это самое опасное. Я знаю. Кажется, что все в порядке, а мозг отказывает.

У Полачека были тонкие кисти музыканта, и панель пульта казалась клавиатурой рояля. Мобиль шел под низкими облаками, и Драч смотрел вбок, на город, стараясь угадать, что там изменилось.

Геворкян встретил Драча у ворот. Грузный, носатый старик с голубыми глазами сидел на лавочке под вывеской «Институт биоформирования АН СССР». Для Драча, да и не только для Драча, Геворкян давно перестал быть человеком, а превратился в понятие, символ института.

— Ну вот, — сказал Геворкян. — Ты совсем не изменился. Ты отлично выглядишь. Почти все кончилось. Я говорю почти, потому что теперь главные заботы касаются меня. А ты будешь гулять, отдыхать и готовиться.

— К чему?

— Чтобы пить этот самый апельсиновый сок.

— Значит, доктор Домби донес об этом и дела мои совсем плохи?

— Ты дурак, Драч. И всегда был дураком. Чего же мы здесь разговариваем? Это не лучшее место.

Окно в ближайшем корпусе распахнулось, и оттуда выглянули сразу три головы. По дорожке от второй лаборатории бежал, по рассеянности

захватив с собой пробирку с синей жидкостью, Дима Димов.

— А я не знал, — оправдывался он, — мне только сейчас сказали.

И Драча охватило блаженное состояние блудного сына, который знает, что на кухне трещат дрова и пахнет жареным тельцом.

— Как же можно? — напал на Геворкяна Димов. — Меня должны были поставить в известность. Вы лично.

— Какие уж тут тайны, — отвечал Геворкян, будто оправдываясь.

Драч понял, почему Геворкян решил обставить его возвращение без помпы. Геворкян не знал, каким он вернется, а послание Домби его встревожило.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Димов.

Кто-то хихикнул. Геворкян цыкнул на зевак, но никто не ушел. Над дорожкой нависали кусты цветущей сирени, и Драч представил себе, какой у нее чудесный запах. Майские жуки проносились, как тяжелые пули, и солнце садилось за старинным особняком, в котором размещалась институтская гостиница.

Они вошли в холл и на минуту остановились у портрета Грунина. Люди на других портретах улыбались. Грунин не улыбался. Он всегда был серьезен. Драчу стало грустно. Грунин был единственным, кто видел, знал, ощущал пустоту и раскаленную обнаженность того мира, откуда он сейчас вернулся.

Драч уже второй час торчал на испытательном стенде. Датчики облепили его как мухи. Провода тянулись во все углы. Димов колдовал у приборов. Геворкян восседал в стороне, разглядывая ленты и косясь на информационные таблицы.

— Ты где будешь ночевать? — спросил Геворкян.

— Хотел бы у себя. Мою комнату не трогали?

— Все как ты оставил.

— Тогда у себя.

— Не рекомендую, — сказал Геворкян. — Тебе лучше отдохнуть в барокамере.

— И все-таки.

— Настаивать я не буду. Хочешь спать в маске, ради бога... — Геворкян замолчал. Кривые ему не нравились, но он не хотел, чтобы Драч это заметил.

— Что вас смутило? — спросил Драч.

— Не вертись, — сказал Димов. — Мешаешь.

— Ты слишком долго пробыл в полевых условиях. Домби должен был отозвать тебя еще два месяца назад.

— Из-за двух месяцев пришлось бы все начинать сначала.

— Ну-ну, — сказал Геворкян. Непонятно было, одобряет он Драча или осуждает.

— Когда вы думаете начать? — спросил Драч.

— Хоть завтра утром. За ночь обработаем все, что записал. Но я тебя очень прошу, спи в барокамере. Это в твоих интересах.

— Если только в моих интересах... Я зайду к себе.

— Пожалуйста. Ты вообще нам больше не нужен.

«Плохи мои дела, — подумал Драч, направляясь к двери. — Старик сердится».

Драч не спеша пошел к боковому выходу мимо одинаковых белых дверей. Рабочий день давно кончился, но институт, как всегда, не замер и не заснул. Он всегда напоминал Драчу обширную клинику с дежурными сестрами, ночными авралами и срочными операциями. Маленький жилой корпус для кандидатов и для тех, кто вернулся, был позади лабораторий, за баскетбольной площадкой. Тонкие колонны особняка казались голубыми в лунном сиянии. Одно или два окошка в доме светились, и Драч тщетно пытался вспомнить, какое из окошек принадлежало ему. Сколько он прожил здесь? Чуть ли не полгода.

Сколько раз он возвращался вечерами в этот домик с колоннами и, поднимаясь на второй этаж, мысленно подсчитывал дни... Драч вдруг остановился. Он понял, что не хочет входить в этот дом и узнавать вешалку в прихожей, щербинки на ступеньках лестницы и царапины на перилах. Не хочет видеть коврика перед своей дверью...

Что он увидит в своей комнате? Следы жизни другого Драча, книги, вещи, оставшиеся в прошлом...

Драч отправился назад в испытательный корпус. Геворкян прав — ночь надо провести в барокамере. Без маски. Она надоела на корабле и еще более надоеет в ближайшие недели. Драч пошел напрямик через кусты и спугнул какую-то парочку. Влюбленные целовались на спрятанной в сирени лавочке, и их белые халаты светились издали, как предупредительные огни. Драчу бы их заметить, но не заметил. Он позволил себе расслабиться и этого тоже не заметил. Там, на планете, такого случиться не могло. Мгновение расслабленности означало бы смерть. Не больше и не меньше.

— Это я, Драч, — сказал он влюбленным.

Девушка засмеялась.

— Я жутко перепугалась, здесь темно.

— Вы были там, где погиб Грунин? — спросил парень очень серьезно.

Ему хотелось поговорить с Драчом, запомнить эту ночь и неожиданную встречу.

— Да, там, — ответил Драч, но задерживаться не стал, пошел дальше, к огонькам лаборатории.

Чтобы добраться до своей лаборатории, Драчу предстояло пройти коридором мимо нескольких рабочих залов. Он заглянул в первый зал. Он был разделен прозрачной перегородкой. Даже казалось, будто перегородки нет и зеленая вода необъяснимым образом не обрушивается на контрольный стол и двух одинаковых тоненьких девушек за ним.

— Можно войти? — спросил Драч.

Одна из девушек обернулась.

— Ох, — сказала она. — Вы меня напугали. Вы Драч? Вы дублер Грунина, да?

— Правильно. А у вас тут кто?

— Вы его не знаете, — сказала вторая девушка. — Он уже после вас в институт приехал. Фере, Станислав Фере.

— Почему же, — ответил Драч. — Мы с ним учились. Он был на курс меня младше.

Драч стоял в нерешительности перед стеклом, стараясь угадать в сплетении водорослей фигуру Фере.

— Вы побудьте у нас, — сказали девушки. — Нам тоже скучно.

— Спасибо.

— Я бы вас вафлями угостила...

— Спасибо, я не люблю вафель. Я ем гвозди.

Девушки засмеялись.

— Вы веселый. А другие переживают. Стасик тоже переживает.

Наконец Драч разглядел Станислава. Он казался бурым холмиком.

— Но это только сначала, правда? — спросила девушка.

— Нет, неправда, — ответил Драч. — Я вот сейчас переживаю.

— Не надо, — сказала вторая девушка. — Геворкян все сделает. Он же гений. Вы боитесь, что слишком долго там были?

— Немножко боюсь. Хотя был предупрежден заранее.

Конечно, его предупредили заранее. Неоднократно предупреждали. Тогда вообще скептически относились к работе Геворкяна. Бессмысленно идти на риск, если есть автоматика. Но институт все-таки существовал, и, конечно, биоформы были нужны. Признание скептиков пришло, когда биоформы Севин и Скавронский спустились к батискафу Балтонена, который лежал, потеряв кабель и плавучесть, на глубине шести километров. Роботов, которые не только бы спустились в трещину, но и

догадались, как освободить батискаф и спасти исследователей, не нашлось. А биоформы сделали все, что надо.

— В принципе, — говорил тогда Геворкян на одной пресс-конференции, и это глубоко запало в упрямую голову Драча, — наша работа предугадана сотнями писателей, сказочников в таких подробностях, что не оставляет места для воображения. Мы перестраиваем биологическую структуру человека по заказу, для исполнения какой-то конкретной работы, оставляя за собой возможность раскрутить закрученное. Однако самая сложная часть всего дела — это возвращение к исходной точке. Биотрансформация должна быть подобна одежде, защитному скафандру, который мы можем снять, как только в нем пройдет нужда. Да мы и не собираемся соперничать с конструкторами скафандров. Мы, биоформисты, подхватываем эстафету там, где они бессильны. Скафандр для работы на глубине в десять километров слишком громоздок, чтобы существо, заключенное в нем, могло исполнить ту же работу, что и на поверхности земли. Но на этой же глубине отлично себя чувствуют некоторые рыбы и моллюски. Принципиально возможно перестроить организм человека так, чтобы он функционировал по тем же законам, что и организм глубоководной рыбы. Но если мы этого достигнем, возникает иная проблема. Я не верю в то, что человек, знающий, что обречен навечно находиться на громадной глубине в среде моллюсков, останется полноценным. А если мы действительно способны вернуть человека в исходное состояние, в общество ему подобных, то биоформия имеет право на существование и может пригодиться человеку.

Тогда проводились первые опыты. На Земле и на Марсе. И желающих было более чем достаточно. Гляциологи и спелеологи, вулканологи и археологи нуждались в дополнительных руках, глазах, коже, легких, жабрах... В институте новичкам говорили, что не все хотели потом с ними расставаться. Рассказывали легенду о спелеологе, снабженном жабрами и громадными, видящими в темноте глазами, который умудрился сбежать с операционного стола, когда его собрались привести в божеский вид. Он, мол, с тех пор скрывается в залитых ледяной водой бездонных пещерах Китано-Роо, чувствует себя отлично и два раза в месяц отправляет в «Вестник спелеологии» обстоятельные статьи о своих новых открытиях, выцарапанные кремнем на отшлифованных пластинках графита.

Когда Драч появился в институте, у него на счету были пять лет космических полетов, достаточный опыт работы со роботами и несколько статей по эпиграфике монов. Грунина уже готовили к биоформации, а Драч стал его дублером.

Работать предстояло на громадных раскаленных планетах, где бушевали огненные бури и смерчи, на планетах с невероятным давлением и температурами в шестьсот-восемьсот градусов. Осваивать эти планеты надо было все равно — они были кладовыми ценных металлов и могли стать незаменимыми лабораториями для физиков.

Грунин погиб на третий месяц работы. И если бы не его, Драча упрямство, Геворкяну, самому Геворкяну не преодолеть бы оппозиции. Для Драча же — Геворкян и Димов знали об этом — труднее всего было трансформироваться. Просыпаться утром и понимать, что ты сегодня менее человек, чем был вчера, а завтра в тебе останется еще меньше от прежнего.

Нет, ты ко всему готов, Геворкян и Димов обсуждали с тобой твои же конструкционные особенности, эксперты приносили на утверждение образцы твоей кожи и объемные модели твоих будущих глаз. Это было любопытно, и это было важно. Но осознать, что касается это именно тебя, до конца было невозможно.

Драч видел Грунина перед отлетом. Во многом он должен был стать похожим на Грунина, вернее, сам он как модель был дальнейшим развитием того, что формально называлось Груниным, но не имело ничего общего с портретом, висящим в холле Центральной лаборатории. В дневнике Грунина, написанным сухо и деловито, были слова: «Чертовски тоскливо жить без языка. Не дай бог тебе пережить это, Драч». Поэтому Геворкян пошел на все, чтобы Драч мог говорить, хоть это и усложнило биоформирование и для Драча было чревато несколькими лишними часами на операционном столе и в горячих биованнах, где наращивалась новая плоть. Так вот, хуже всего было наблюдать за собственной трансформацией и все время подавлять иррациональный страх. Страх остаться таким навсегда.

Драч прекрасно понимал нынешнее состояние Станислава Фере. Фере должен был работать в ядовитых бездонных болотах Хроноса. У Драча было явное преимущество перед Фере. Он мог писать, рисовать, находиться среди людей, мог топтать зеленые лужайки института и подходить к домику с белыми колоннами. Фере до конца экспедиции, пока ему не вернут человеческий облик, был обречен знать, что между ним и всеми остальными людьми, по меньшей мере, прозрачная преграда. Фере знал, на что идет, и приложил немало сил чтобы получить право на эту попытку. Но сейчас ему было несладко.

Драч постучал по перегородке.

— Не будите его, — сказала одна из девушек.

Бурый холмик взметнулся в туче ила, и могучий стального цвета скат

бросился к стеклу. Драч инстинктивно отпрянул. Скат замер в сантиметре от перегородки. Тяжелый настойчивый взгляд гипнотизировал.

— Они жутко хищные, — сказала девушка, и Драч внутренне усмехнулся. Слова ее относились к другим, настоящим скатам Хроноса, но это не значило, что Фере менее хищен, чем остальные. Скат осторожно ткнулся мордой в перегородку, разглядывая Драча. Фере его не узнал.

— Приезжай ко мне на голубое озеро, — сказал Драч.

Маленький тамбур следующего зала был набит молодыми людьми, которые отталкивали друг друга от толстых иллюминаторов и, вырывая друг у друга микрофон, наперебой давали кому-то противоречивые советы.

Драч остановился за спинами советчиков. Сквозь иллюминатор он различил в легком тумане, окутавшем зал, странную фигуру. Некто голубой и неуклюжий реял в воздухе посреди зала, судорожно взмывая кверху, пропадая из поля зрения и появляясь вновь в стекле иллюминатора совсем не с той стороны, откуда можно было его ожидать.

— Шире, шире! Лапы подожди! — кричал в микрофон рыжий негр, но тут же девичья рука вырвала у него микрофон.

— Не слушай его, не слушай... Он совершенно не способен перевоплотиться. Представь себе...

Но Драч так и не узнал, что должен был себе представить тот, кто находился в зале. Существо за иллюминатором исчезло. Тут же в динамике раздался глухой удар, и девушка спросила деловито:

— Ты сильно ушибся?

Ответа не последовало.

— Раскройте люк, — сказала рубенсовская женщина с косой вокруг головы.

Рыжий негр нажал кнопку, и невидимый раньше люк отошел в сторону. Из люка пахнуло пронизывающим холодом. Минус двенадцать, отметил Драч. Теплый воздух из тамбура рванулся внутрь зала, и люк заволкло густым паром. В облаке пара материализовался биоформ. Негр протянул ему маску:

— Здесь слишком много кислорода.

Люк закрылся.

Биоформ неловко, одно за другим, стараясь никого не задеть, сложил за спиной покрытые пухом крылья. Шарообразная грудь его трепетала от частого дыхания. Слишком тонкие руки и ноги дрожали.

— Устал? — спросила рубенсовская женщина.

Человек-птица кивнул.

— Надо увеличить площадь крыльев, — сказал рыжий негр.

Драч потихоньку отступил в коридор. Им овладела бесконечная усталость. Только бы добраться до барокамеры, снять маску и забыться.

Утром Геворкян ворчал на лаборантов. Все ему было неладно, не так. Драча он встретил, словно тот ему вчера сильно насолил, а когда Драч спросил: «Со мной что-то не так?» — отвечать не стал, занялся перфолентами.

— Ничего страшного, — сказал Димов, который, видно, не спал ночью ни минуты. — Мы этого ожидали.

— Ожидали? — взревел Геворкян. — Ни черта мы не ожидали. Господь бог создал людей, а мы их перекраиваем. А потом удивляемся, если что не так.

— Ну и что со мной?

— Не трясись.

— Я физически к этому не приспособлен.

— А я не верю, не трясись. Склеим мы тебя обратно. Это займет больше времени, чем мы рассчитывали.

Драч промолчал.

— Ты слишком долго был в своем нынешнем теле. Ты сейчас физически новый вид, род, семейство, отряд разумных существ. А у каждого вида есть свои беды и болезни. А ты, вместо того, чтобы следить за реакциями и беречь себя, изображал испытателя, будто хотел выяснить, при каких же нагрузках твоя оболочка треснет и разлетится ко всем чертям.

— Если бы я этого не делал, то не выполнил бы того, что от меня ожидали.

— Герой, — фыркнул Геворкян. — Твое нынешнее тело болеет. Да, болеет своей, еще не встречавшейся в медицине болезнью. И мы должны будем ремонтировать тебя по мере трансформации. И при этом быть уверенны, что ты не останешься уродом. Или киборгом. В общем, это наша забота. Надо будет тебя пообследовать, а пока можешь отправляться на все четыре стороны.

Драчу не следовало бы этого делать, но он вышел за ворота института и направился вниз, к реке, по узкой аллее парка, просверленного солнечными лучами. Он смотрел на свою короткую тень и думал, что если уж помирать, то все-таки лучше в обычном, человеческом облике. И тут он увидел девушку. Девушка поднималась по аллее, через каждые пять-шесть шагов она останавливалась и, наклоняя голову, прижимала ладонь к уху. Ее длинные волосы были темны от воды. Она шла босиком и смешно поднимала пальцы ног, чтобы не уколоться об острые камешки. Драч хотел сойти с дорожки и спрятаться за куст, чтобы не смущать девушку своим

видом, но не успел. Девушка его увидела.

Девушка увидела свинцового цвета черепаха, на панцире которой, словно черепашка поменьше, располагалась полушарием голова с одним выпуклым циклопическим глазом, разделенным на множество ячеек, словно стрекозиный. Черепаха доставала ей до пояса и передвигалась на коротких толстых лапках, которые выдвигались из под панциря. И казалось, что их много, больше десятка. На крутом переднем скосе панциря было несколько отверстий, и из четырех высывались кончики щупалец. Панцирь был поцарапан, кое-где по нему шли неглубокие трещины, они расходились звездочками, будто кто-то молотил по черепахе острой стамеской или стрелял в нее бронебойными пулями. В черепахе было нечто зловещее, словно она была первобытной боевой машинной. Она была не отсюда.

Девушка замерла, забыв отнять ладонь от уха. Ей хотелось убежать или закричать, но она не посмела сделать ни того, ни другого.

«Вот дурак, — выругал себя Драч. — Теряешь реакцию».

— Извините, — сказала черепаха. Голос ровный и механический, он исходил из-под металлической маски, прикрывавшей голову до самого глаза. Глаз шевелился, словно перегородочки в нем были мягкими.

— Извините, я вас напугал. Я не хотел этого.

— Вы... робот? — спросила девушка.

— Нет, биоформ, — сказал Драч.

— Вы готовитесь на какую-то планету?

Девушке хотелось уйти, но уйти значило показать, что она боится. Она стояла и, наверно, считала про себя до ста, чтобы взять себя в руки.

— Я уже прилетел, — сказал Драч. — Вы идите дальше, не смотрите на меня.

— Спасибо, — вырвалось у девушки, и она на цыпочках, забыв о колючих камешках, обежала Драча. Она крикнула вслед ему:

— До свидания.

Шаги растворились в шорохе листвы и суетливых майских звуках прозрачного теплого леса. Драч вышел к реке и остановился на невысоком обрыве, рядом со скамейкой. Он представил, что садится на скамейку, и от этого стало совсем тошно. Хорошо бы сейчас сигануть с обрыва — и конец. Это была одна из самых глупых мыслей, которые посещали Драча за последние месяцы. Он мог с таким же успехом прыгнуть в Ниагарский водопад, и ничего бы с ним не случилось. Ровным счетом ничего. Он побывал куда в худших переделках.

Девушка вернулась. Она подошла тихо, села на скамейку и смотрела

перед собой, положив узкие ладони на колени.

— Я сначала решила, что вы какая-то машина. Вы очень тяжелый?

— Да. Я тяжелый.

— Знаете, я так неудачно нырнула, что до сих пор не могу вытрясти воду из уха. С вами так бывало?

— Бывало, — сказал Драч.

— Меня зовут Кристиной, — сказала девушка. — Я тут недалеко живу, в гостях. У бабушки. Я, как дура, испугалась, убежала, и, наверно, вас обидела.

— Ни в коем случае. Я на вашем месте убежал бы сразу.

— Я только отошла и вспомнила. Вы же были на тех планетах, где и Грунин. Вам, наверно, досталось?..

— Это уже прошлое. А если все будет в порядке, через месяц вы меня не узнаете.

— Конечно, не узнаю.

Волосы Кристины быстро высохали под ветром.

— Вы знаете, — сказала Кристина, — вы мой первый знакомый космонавт.

— Вам повезло. Вы учитесь?

— Я живу в Таллинне. Там и учусь. Может, мне и повезло. На свете есть много простых космонавтов. И совсем мало таких...

— Наверно, человек двадцать.

— А вы потом, когда отдохнете, снова поменяете тело? Станете рыбой или птицей?

— Этого еще не делали. Даже одной перестройки много для одного человека.

— Жаль.

— Почему?

— Это очень интересно — все испытать.

— Достаточно одного раза.

— Вы чем-то расстроены? Вы устали?

— Да, — сказал Драч.

Девушка осторожно протянула руку и дотронулась до панциря.

— Вы что-нибудь чувствуете?

— По мне надо ударить молотом, чтобы я почувствовал.

— Обидно. Я вас погладила.

— Хотите пожалеть меня?

— Хочу. А что?

«...Вот и пожалела, — подумал Драч. — Как в сказке: красавица

полюбит чудище, а чудище превратится в доброго молодца. У Геворкяна проблемы, датчики, графики, а она пожалела — и никаких проблем. Ну разве только высмотреть поблизости аленький цветочек, чтобы все как по писанному...»

— Когда выздоровеете, приезжайте ко мне. Я живу под Таллинном, в поселке, на берегу моря. А вокруг сосны. Вам приятно будет там отдохнуть.

— Спасибо за приглашение, — поблагодарил Драч. — Мне пора идти. А то хватятся.

— Я провожу вас, если вы не возражаете.

Они пошли обратно медленно, потому что Кристина считала, что Драчу трудно идти быстро, а Драч, который мог обогнать любого бегуна на Земле, не спешил. Он послушно рассказывал ей о вещах, которые нельзя описать словами. Кристине казалось, что она все видит, хотя представляла она себе все совсем не так, как было на самом деле.

— Я завтра приду к той скамейке, — тихо проговорила Кристина. — Только не знаю, во сколько.

— Завтра я, наверно, буду занят, — сказал Драч, потому что подозревал, что его жалеют.

— Ну как получится, — ответила Кристина. — Как получится...

Драч спросил у Полачека, который копался в моторе мобиля, где Геворкян. Полачек сказал, что у себя в кабинете. К нему прилетели какие-то вулканологи, наверное, будут готовить нового биоформа.

Драч прошел в главный корпус. В предбаннике перед кабинетом Геворкяна было пусто. Драч приподнялся на задних лапах и снял со стола Марины Антоновны чистый лист бумаги и карандаш. Он положил лист на пол и, взяв карандаш, попытался нарисовать профиль Кристины. Дверь в кабинет Геворкяна была прикрыта неплотно, и Драч различал густой рокот его голоса. Потом другой голос, повыше, сказал:

— Мы все понимаем и, если бы не обстоятельства, никогда бы не настаивали.

— Ну никого, ровным счетом никого, — гудел Геворкян.

— За исключением Драча.

Драч сделал два шага к двери. Теперь он слышал каждое слово.

— Мы не говорим о самом Драче, — настаивал вулканолог. — Но должны же быть подобные биоформы.

— У нас не было заказов в последнее время. А Саразин будет готов к работе только через месяц. Кроме того, он не совсем приспособлен...

— Но послушайте. Вся работа займет час, от силы два. Драч провел

несколько месяцев в значительно более трудной обстановке...

— Вот именно поэтому я не могу рисковать.

Геворкян зашелестел бумагой, и Драч представил, как он протягивает вулканологам кипу лент.

— Я не представляю, как мы вытянем его и без такой поездки. Его организм работал на пределе, вернее за пределом. Мы начнем трансформацию со всей возможной осторожностью. И никаких нагрузок. Никаких... Если он полетит с вами...

— Ну простите. Пока ваш Саразин будет готов...

Драч толкнул дверь, не рассчитав удара, и дверь отлетела, словно в нее попало пушечное ядро.

Последовала немая сцена. Три лица, обращенные к громадной черепахе. Один из вулканологов оказался розовым толстяком.

— Я Драч, — обратился Драч к толстяку, чтобы сразу рассеять недоумение. — Вы обо мне говорили.

— Я тебя не приглашал, — перебил его Геворкян.

— Рассказывайте, — сказал Драч толстому вулканологу.

Тот закашлялся, глядя на Геворкяна.

— Так вот, — вмешался второй вулканолог, высохший и будто обугленный. — Извержение Осенней сопки на Камчатке, мы полагаем, то есть мы уверены, что, если не прочистить основной, забитый породой канал, лава прорвется на западный склон. На западном склоне сейсмическая станция. Ниже, в долине, поселок и завод...

— И эвакуировать некогда?

— Эвакуация идет. Но мы не можем демонтировать завод и станцию. Нам для этого надо три дня. Кроме того, в четырех километрах за заводом начинается Куваевск. Мы запускали к кратеру мобиль со взрывчаткой. Его просто отбросило. И хорошо, что не на станцию...

Геворкян стукнул кулаком по столу:

— Драч, я не позволю. Там температуры на пределе. На самом пределе. Это самоубийство!

— Позвольте, — сказал Драч.

— Идиот, — вспылил Геворкян. — Извержения может и не быть.

— Будет, — грустно сказал толстяк.

Драч направился к двери. Высохший вулканолог последовал за ним. Толстяк остался, пожал плечами, сказал Геворкяну:

— Мы примем все меры. Все возможные меры.

— Ничего подобного, — не соглашался Геворкян. — Я лечу с вами.

Он включил видеоселектор и вызвал Димова.

— Это просто великолепно, — сказал толстяк. — Ну просто великолепно.

Проходя через предбанник, Драч подхватил щупальцем с пола листок с профилем Кристины, смял его в тугой комок и выбросил в корзину. Движения щупалец были так быстры, что вулканолог, шедший на шаг сзади ничего не разглядел.

Над Осенней сопкой поднимался широкий столб черного дыма и сливался с низкими облаками, окрашивая их в бурый цвет. На посадочной площадке неподалеку от подножия сопки стояло несколько мобилей, в стороне роботы под надзором техников собирали бур, похожий на веретено. Под тентом, спасавшим от мелкого грязного дождя, но не защищавшим от ветра и холода, на низком столике лежали, придавленные камнями, схемы и диаграммы. Драч задержался, разглядывая верхнюю диаграмму. Лава не могла пробиться сквозь старый, миллион лет назад забитый породой канал. Лишь газы прорывались сквозь трещины в базальтовой пробке. Зато с каждой минутой все больше трещин образовывалось на слабом западном склоне.

Человек в белом шлеме и огнеупорном скафандре снимал данные с радиограммы зондов. Другой вулканолог принимал сообщения наблюдателей. Новости не сулили ничего хорошего.

Димов протянул Геворкяну записку с цифрами давления и температур в жерле.

— На самом пределе, — сказал он. — На самом пределе.

Он знал, что Драч все равно уйдет в вулкан, и в голосе его была печальная отрешенность.

Заряды были готовы.

Толстый вулканолог принес шлемы для Геворкяна и Димова.

— Час назад они запускали к кратеру мобиль, — сказал он виновато, — хотели приземлить его у трещины. Он разбился, и взрыв ничего не дал.

— Вас Куваевск вызывает, — сказал радист. — Они начали демонтаж завода, но еще надеются.

— Ответьте им, чтобы подождали час. На мою ответственность.

Толстый вулканолог посмотрел на Драча, будто ожидал поддержки.

— Пошли, — сказал Драч.

Геворкян надел шлем. Шлем был велик и опустился до самых бровей. Геворкян стал похож на старого рыцаря, который во главе горстки храбрецов должен защищать страну от нашествия вражеских армий. Таким его и запомнил Драч.

Драча подняли на мобиле к кромке старого кратера. Усталый вулканолог в грязном шлеме — он за последние три дня пытался пройти к жерлу — повторил инструкции, которые Драч уже знал наизусть.

— Трещину видно отсюда. Конечно, когда рассеивается дым. Вы спускаетесь по ней восемьдесят метров. Там свободно. Мы зондировали. И укладываете заряды. Потом выбираетесь, и мы взрываем их дистанционно. Там уклон до шестидесяти градусов. Сможете?

Вулканолог с трудом заставлял себя обращаться на «вы» к свинцовой черепахе. Он столько раз сталкивался с автозондами, стройботами и прочими машинами, схожими чем-то с этой черепахой, что ему все время приходилось уговаривать себя, что перед ним человек-биоформ. И еще он смертельно устал из-за этого проклятого вулкана.

— Смогу, — ответил Драч. — Шестидесять градусов мне по зубам.

Перед тем как снять маску и передать ее вулканологу, он сказал:

— Маску не потеряйте. Она мне еще пригодится. Без нее я глух и нем.

— А как вы будете дышать?

— Не буду дышать. Почти не буду. Кислород мне противопоказан.

— Я жду вас здесь, — сказал вулканолог. Драч не услышал его слов.

Драч скатился по отлогому склону в кратер и на секунду задержался у трещины. Сверху сыпался пепел и мелкие камешки. В стороне над самой кромкой кратера реяли два мобилы. В одном — вулканологи, в другом — Геворкян с Димовым.

Трещина оказалась куда шире, чем Драч ожидал. Он стал быстро опускаться, привычно регистрируя состав газов. Температура повышалась, но была ниже предельной. Потом склон пошел вниз круче, и Драчу пришлось идти зигзагами, повисая порой на двух щупальцах. Второй парой щупалец он прижимал к панцирю заряды. Гора вздохнула, и Драч прижался к стене трещины, чтобы не улететь вверх с фонтанами газов. Надо было спешить. Драч ощутил, как раскрываются трещины на западном склоне. Спуск становился все сложнее. Стены почти смыкались, и Драчу приходилось протискиваться между живыми, колышущимися камнями. Он уже спустился на семьдесят метров. Температура газов достигла четырехсот градусов. Он припомнил диаграмму. Для того чтобы пробка разлетелась наверняка, надо пройти еще метров пять. Можно, конечно, в соответствии с инструкцией оставить заряды здесь, но пять метров желательны. Отверстие под собой он заметил, вернее угадал, по рвущейся оттуда струе пара. Температура поднялась скачком градусов на сто. Он уже ощущал тепло. Сопка затряслась, как в припадке кашля. Он взглянул наверх. Путь назад еще был. Драч скользнул в горячую щель.

Щель расширялась книзу, образуя мешок, а дно мешка было словно сито. Таковую жару Драч испытал лишь однажды, на второй планете. Там он мог уйти. И ушел.

Драч прикрепил заряды к самой надежной плите. Но и эту самую надежную плиту трясло. А западный склон, должно быть, уже рвался сейчас, как полотно.

Драч подтянулся на одном щупальце к верхнему отверстию. Газы, выбивавшиеся снизу, обжигали, гора дернулась, и щупальце оборвалось. Как веревка. Драчу удалось удержаться, присосавшись мгновенно остальными тремя к вертикальной стенке. В тот же момент воздушная волна — видно, вверху произошел обвал — швырнула Драча на пол каменного мешка.

Страх не было. Некогда было. Драч чувствовал, как спекаются внутренности. Давление газов в каменной полости росло, и двигаться было все труднее. Виноваты были лишние пять метров. На секунду Драчу показалось, что он уже выползает из трещины и видит серое небо. Он рванулся вверх, отчаянно и зло, потому что Кристина завтра придет к той же скамейке, потому что у Геворкяна, который ждет его наверху, плохое сердце. Он выбрался из каменного мешка, но оказалось, что трещину уже завалило обломками базальта. Он попытался раздвинуть обломки породы, но понял, что не хватает на это сил. Надо отдохнуть, чуть-чуть отдохнуть. В обожженном теле распространялась непомерная усталость, что начала его преследовать в последние дни на той планете и не отпускала на Земле.

Драч стоял, вжавшись в щель между глыбами базальта. Ему предстояло теперь найти слабое место в этом завале, отыскать глыбу, которая слабее других загнана в трещину, и вырвать ее так, чтобы не обвалить на себя всю пробку. И пока его щупальца вяло и медленно обшаривали глыбы, разыскивая слабинку, в мозгу мелькнула мысль. Сначала она прошла где-то на периферии мозга, затем, вернувшись, зазвенела, как сигнал тревоги. Он понял, что все может пойти насмарку. Пока он не выйдет отсюда, они не станут взрывать снаряды. Они будут ждать, надеяться на чудо. Они даже не станут бомбить пробку с воздуха. Они будут ждать. Они попытаются спасти его, хотя это невозможно, и оттого могут погибнуть люди и наверняка погибнет все, что находится на западном склоне и дальше, на равнине.

Драч действовал осторожно и осмотрительно, стараясь не потерять сознания. Это было главным — не потерять сознания. Он вернулся к отверстию, из которого только что выбрался с таким трудом, прыгнул вниз и очутился рядом с плоской плитой, на которой лежали заряды. Плита

словно собралась пуститься в пляс. Драч подумал, как хорошо, что у него нет нервных окончаний на внешней оболочке, он бы умер от боли. Обожженные щупальца были неловки. Прошло минуты полторы, прежде чем Драчу удалось развинтить один из зарядов, чтобы превратить его во взрыватель. Драч отлично знал эту систему. Такие заряды были у него на тех планетах. Заряд включался лишь от сигнала, но если ты знаком с системой, то можно включить цепь самому.

Драч подумал, что когда он кончит работу, то, прежде чем замкнуть цепь, он позволит себе несколько секунд, чтобы вспомнить кое-что, как полагается напоследок. Но когда кончил, оказалось, что этих секунд у него нет.

Взрыв раздался неожиданно для всех, кроме усталого вулканолога, который лежал за камнями и думал так же, как Драч. Сопка содрогнулась и взревела. Вулканолог прижался к камням. Два мобиля, которые кружились у кратера, отбросило, как сухие листья, — пилотам еле удалось взять машины под контроль. Оранжевая лава хлынула в старое жерло и апельсиновым соком начала наполнять кратер.

Вулканолог бросился вниз по склону: он знал, что поток лавы через несколько минут пробьется в его сторону...

Кристина пришла на ту скамейку у речки; было совсем тепло. Она выкупалась в ожидании Драча. Потом почитала. А он не шел. Кристина ждала до сумерек. На обратном пути она остановилась у ворот института и увидела, что с посадочной площадки поднимается большой мобиль. Кристина сказала себе, что в этом мобиле Драч улетает на какое-то задание. Поэтому он и не смог придти. Но когда он вернется, то обязательно придет к скамейке. И она решила приходить к скамейке каждый день, пока живет здесь.

В большом мобиле в Москву увозили Геворкяна. У сопки он как-то держался, а вернулся — и сдал. У него было слабое сердце, и спасти его могли только в Москве.

2. Гусар и Золушка

Гусар Павлыш в синем картонном кивере с коротким плюмажем из медной проволоки, белом ментике и сверкающих театральных эполетах, которые гусарам не были положены, выглядел глупо, с грустью сознавал это, но не мог ничего поделать. Чужой монастырь...

Он прошел опустевшим центральным туннелем к залу. На эстраде оркестранты под водительством шумного суетливого толстяка с черными мышинными глазками, устанавливали рояль. У двери в зал толпились те, кому не досталось места. Павлыш заглянул поверх их голов.

На сцене, не зная, куда деть руки, под белым щитом с надписью

«Селенопорту 50 лет», обвитым венком из синтетических еловых веток стоял знаменитый профессор из Сорбонны. Он запутался в торжественной речи, и многочисленные карнавальные фантазии, заполнившие зал, лишь с большим трудом сохраняли относительную тишину. Глубоко укоренившееся чувство долга заставляло профессора подробно информировать собравшихся о достижениях в селенологии и смежных науках и существенном вкладе лунных баз в освоение космического пространства.

Павлыш оглядел зал. Больше всего там оказалось мушкетеров. Человек сто. Они поглядывали друг на друга недоброжелательно, как случайно встретившиеся на улице женщины в одинаковых платьях, ибо до последнего момента каждый из них полагал, что столь светлая идея пришла в голову лишь ему. Между мушкетерами покачивались высокие колпаки алхимиков, мешая смотреть на сцену, редкие чалмы турецких султанов и квадратные скерли марсиан. Правда, полной уверенности в том, что это карнавальные марсиане, а не сотрудники лунных лабораторий с Короны или П-9, не было.

Павлыш протиснулся сквозь выросшую толпу Арлекинов и гномов, которым не хватило места в зале. С белого потолка туннеля свисали бусы фонариков и гирлянды бумажных цветов. Оркестр на эстраде уже пробовал инструменты. Нестройные звуки катились по пустому коридору. В такт дроби ударника задрожали цветы над головой. Две цыганки прошли мимо, кутаясь в шали.

— Ты не учла аннигиляционный фактор, — сказала строго цыганка в черной шали с красными цветами.

— Как ты смеешь упрекать меня этим! — возмутилась цыганка в красной шали с зелеными огурцами.

Толстяк, который руководил установкой рояля, догнал Павлыша и сказал ему:

— Галаган, ты несешь полную ответственность.

— За что? — спросил Павлыш.

— Спиро! — позвал с эстрады саксофонист. — Почему не включен микрофон? Гелий не может петь без микрофона.

Павлышу захотелось курить. Он дошел до лестницы на нижний ярус, спустился на один марш. На площадке стоял диванчик и над ним, в нише, вытяжка для курильщиков. На диване сидела Золушка в хрустальных башмачках и горько плакала. Золушку обидели: не взяли на бал.

Когда человек плачет, это еще не означает, что его надо немедленно утешать. Плач — дело интимное.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш, — я из дворца. Принц сбился с ног, разыскивая вас.

На площадке было полутемно, лампа рядом с диванчиком, схожая со старинным уличным фонарем, не горела. Девушка замерла, замолчала, словно хотела дотерпеть, пока Павлыш уйдет.

— Если вас обидели злые сестры и мачеха, — Павлыша несло, он не мог остановиться, — то достаточно одного вашего слова, даже кивка, и мы тут же отправим их на Землю. На Луне не место обидчикам и клеветникам.

— Меня никто не обижал, — ответила девушка, не оборачиваясь.

— Тогда возвращайтесь во дворец, — сказал Павлыш, — признайтесь во всем принцу.

— В чем? — неожиданно спросила девушка.

— В том, что вы уже помолвлены с бедным, но честным пастухом и не нужны вам бриллиантовые палаты и шелковые альковы...

— У вас плохое настроение? — спросила девушка.

Она могла спросить что угодно, потребовать, чтобы гусар ушел, отстал. Она спросила неожиданно.

— Я весел и доволен жизнью, — сказал Павлыш.

— Тогда почему вы со мной заговорили?

— Мне обидно. Вы сидите здесь совсем одна, когда из зала доносятся торжественные речи, а оркестр настраивает трубы. Здесь можно курить?

— Курите, — ответила девушка. Голос ее был настолько ровным и спокойным, будто она и не плакала.

Павлыш присел на диванчик, достал зажигалку. Ему хотелось взглянуть на лицо девушки. У нее был странный голос, глуховатый, бедный интонациями, и в то же время внутри его что-то звенело, будто он мог становиться другим и девушка сдерживала его нарочно, чтобы звучал приглушенно. Павлыш щелкнул зажигалкой так, чтобы огонек вспыхнул между ним и девушкой. На секунду высветился профиль, щека, глаз, мочка уха из-под белого парика.

Девушка протянула руку и включила лампу, похожую на уличный фонарь.

— Если вам так интересно поглядеть на меня, — сказала она, — зачем хитрить? К тому же огонек у зажигалки слабенький.

Она повернула лицо к Павлышу и смотрела на него не улыбаясь, как ребенок, позирующий фотографу, ожидающий, что из объектива сейчас вылетит птичка. У девушки было скуластое широкое лицо с большими, чуть раскосыми глазами, которые должны были оказаться черными, а были светло-серыми. Очень полные, почти негритянские губы были приподняты

в уголках и готовы улыбнуться. Белый парик с диадемой чуть сдвинулся, и из-под него выбилась прямая черная прядь.

— Теперь здравствуйте еще раз, — сказал Павлыш. — Я очень рад с вами познакомиться. Павлыш.

— Марина Ким.

— Если я в самом деле могу вам чем-нибудь помочь...

— Курите, — сказала Марина. — Вы забыли достать сигарету.

— Забыл.

— Вы с какого корабля?

— Почему вы решили, что я нездешний?

— Вы из Дальнего флота.

Павлыш промолчал. Он ждал.

— У вас на подошвах магнитные подковки.

— У каждого планетолетчика...

— В Дальнем флоте они всегда зачернены. Брюки от повседневного мундира вы не сменили на гусарские лосины. И еще перстень. Дань курсантской молодости. Такие изумруды гранит повар на Земле-14. Не помню, как его зовут...

— Ганс.

— Вот видите.

Наконец-то Марина улыбнулась. Одними губами.

— В конце концов ничего в этом нет удивительного, — сказал Павлыш.

— Здесь каждый десятый из Дальнего флота.

— Только те, кто задержался на карнавал.

— Их немало.

— И вы к ним не относитесь.

— Почему же, Шерлок Холмс?

— Я чувствую. Когда у тебя плохое настроение, начинаешь чувствовать чужие беды.

— Это не беда, — сказал Павлыш, — это мелкая неприятность. Я летел на Корону, и мне сказали на Земле, что мой корабль стартует с Луны после карнавала, как и все. А он улетел. Теперь неизвестно, как добираться.

— Вы должны были лететь на «Аристотеле»?

— Вы и это знаете?

— Единственный корабль, который ушел в день карнавала, — сказала Марина. — Я тоже к нему торопилась. И тоже опоздала.

— Там вас кто-то... ждал? — Вот уж не ожидал Павлыш, что так расстроится картинкой, подсказанной воображением: Марина бежит к

трапу, у которого раскрывает ей объятия могучий капитан... или штурман?

— Он мог бы остаться, — сказала Марина. — Никто бы его не осудил. Он не хотел меня видеть. Он поднял корабль точно по графику. Наверное, команда была недовольна. Так что я виновата в том, что вы не попали на Корону.

— Боюсь, что вы преувеличиваете, — сказал Павлыш, пытаясь побороть в себе атавистические, недостойные цивилизованного человека чувства.

— Я не кажусь вам роковой женщиной?

— Ни в коем случае.

— И все же я преступница.

Павлыш погасил сигарету и задал самый глупый из возможных вопросов:

— Вы его любите?

— Надеюсь, что и он меня тоже любит, — ответила Марина, — хотя сейчас я начала сомневаться.

— Бывает, — сказал Павлыш пустым голосом.

— Почему вы расстроились? — спросила Марина. — Вы увидели меня впервые в жизни десять минут назад и уже готовы устроить мне сцену ревности. Нелепо, правда?

— Нелепо.

— Вы смешной человек. Сейчас я сниму парик, и наваждение пропадет.

— Я как раз хотел вас попросить об этом.

Но Золушка не успела снять парик.

— Ты чего здесь делаешь? — театрально возопил римский патриарх в белой трагической маске. — Это просто чудо, что я пошел по лестнице.

— Познакомьтесь, — сказал Павлыш, поднимаясь, — мой старый друг Салиас. Он меня пригнул здесь и даже снабдил карнавальным костюмом.

— Не я, а мои добрые медсестры, — поправил Салиас, протягивая руку.

— Я работаю эскулапом.

— Марина, — сказала девушка.

— Мне ваше лицо знакомо.

Марина медленно подняла руку и стянула с головы белый курчавый парик. Прямые короткие черные волосы сразу преобразили ее лицо, но внесли в него гармонию. Марина тряхнула головой.

— Мы с вами виделись, доктор Салиас, — сказала она. — И вы все знаете.

— Парик вам идет, — сказал добрый, мягкотелый Салиас.

— Хотите сказать, что меня в нем труднее узнать?

— Тактично ли мне вмешиваться в чужие дела?

— Чудесно! — засмеялась Марина. — Я вас успокою. Мое приключение подходит к концу. Кстати, мы уже давно беседуем с вашим другом, но я о нем почти ничего не знаю. Кроме того, что он смешной человек.

— Смешной? Я скорее сказал бы, что он плохо воспитан, — явно обрадовался перемене темы Салиас.

— Хорошо воспитанный гусар не будет выдавать себя за прекрасного принца.

— Он даже не гусар, — сказал Салиас. — Он просто доктор Слава Павлыш из Дальнего флота, судовой врач, несостоявшийся гений биологии, банальная личность.

— Я была права, — сказала Марина.

— Я с вами не спорил, — сказал Павлыш, откровенно любуясь Мариной, Салиас кашлянул.

— Вам надо идти, — сказала Марина.

— А вы?

— Мне пора. Бьет двенадцать.

— Я спрашиваю серьезно, — сказал Павлыш. — Хотя понимаю...

— Вы ровным счетом ничего не понимаете, — сказала Марина. — Я постараюсь прийти к эстраде, где оркестр, только сначала возьму в комнате маску.

Марина подобрала подол длинного белого платья и побежала вниз по лестнице. В другой руке как живой пушистый зверек дергался белый парик.

— Я буду ждать! — крикнул ей вслед Павлыш. — Я вас найду даже в другом обличьи, даже у плиты в бедной избушке.

Она ничего не ответила.

Салиас протянул Павлыша за рукав.

— Послушай, — сказал Павлыш, когда они пошли наверх, — ты в самом деле с ней знаком?

— Нет, незнаком. Лучше забудь о ней.

— Еще чего не хватало! Она замужем?

— Нет.

— Ты уверенно говоришь о незнакомом человеке.

— Я старый, мудрый ворон.

— Но почему я должен о ней забыть?

— Так лучше. Пойми, ты встречаешь человека, тебе хочется увидеть его вновь, но обстоятельства складываются таким образом, что ты его больше никогда не увидишь.

— Ты меня недооцениваешь.

— Может быть.

Они вышли в коридор. В него вливалась толпа из зала. Оркестр встречал карнавал неровным ритмом модной песенки.

— Она придет к эстраде! — крикнул Павлыш.

— Может быть, — ответил Салиас.

Людской поток растекался по широкому туннелю. Прожектора с разноцветными стеклами водили лучами над толпой, и оттого создавалась иллюзия летнего вечера и открытого пространства. Трудно было поверить, что дело происходит на Луне, в тридцати метрах под ее мертвой поверхностью.

Минут через десять, ускользнув от щебетавших медсестер, Павлыш прошел к эстраде. Над его головой круглились ножки рояля, и он видел, как ботинок пианиста мерно нажимает на педали, словно управляет старинным автомобилем.

Марины Ким нигде не было видно. Не может быть, что она обещала прийти только для того, чтобы отделаться от Павлыша.

Черный монах в низко надвинутом капюшоне подошел к Павлышу и спросил:

— Ты не узнал меня, Слава?

— Бауэр! — сказал Павлыш. — Конечно. Глеб Бауэр. Ты чего здесь делаешь, старая перечница? И давно ли ты ушел из мира?

— Не злословь, сын мой, — сказал Глеб. — Хоть бога и нет, я остаюсь его представителем на Луне.

— Вы танцуете, монах? — спросила требовательно женщина в чешуйчатом костюме русалки. — Вы не слышали, что объявлен белый танец?

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, — сказал Бауэр. — Постарайтесь без нужды не вводить меня в грех.

— Посмотрим, — сказала русалка.

— Слава, — сказал Бауэр, увлекаемый от эстрады, — не уходи!

— Я подожду, — ответил Павлыш.

Мушкетеры катили бочку с сидром и приглашали желающих пройти к столам. Голова танцующего Бауэра возвышалась над толпой. Алхимик в халате с наклеенными на него фольговыми звездами вспрыгнул на эстраду и запел. Кто-то зажег рядом бенгальский огонь. Марины все не было.

Павлыш решил ждать до конца. Иногда он бывал очень упрям. Она прилетела сюда, чтобы увидеть капитана «Аристотеля». А он не захотел ее видеть и даже не позволил команде задержаться на карнавал. Жестокий человек. Или очень обиженный. Надо спросить Бауэра, который знает всех, как зовут капитана. Салиас что-то знает, но уходит от разговора. Ну ничего, его заставим признаться, когда останемся вдвоем в комнате.

Павлыш решил вернуться к лестнице. Если Марина придет, он ее встретит там. Но, пройдя несколько шагов, Павлыш оглянулся и увидел, что Бауэр вернулся к эстраде и вертит головой, очевидно разыскивая Павлыша. К Бауэру пробился маленький толстяк с черными мышинными глазками, поднявшись на цыпочки, начал настойчиво и серьезно что-то выговаривать ему. Бауэр, наконец, разглядел Павлыша и поднял руку, призывая его к себе. Павлыш еще раз окинул взглядом танцующих. Золушки не было.

— Он врач? — спросил толстяк Спирос, когда Павлыш подошел к ним. — А я думал, что он Галаган. Даже задание ему дал. Ну ладно, я побежал дальше. Вы его сами поставите в известность. Мне нужно срочно разыскать Сидорова.

— Пойдем, Слава, — сказал Бауэр, — я тебе по дороге расскажу.

Над головой гремел оркестр, и ножки рояля чуть вздрагивали. Вокруг танцевали. И все же Павлыш уловил в общем веселье какую-то чуждую нотку. Среди масок появилось несколько человек, одетых буднично, деловитых и спешащих. Они разыскивали в этом скопище людей тех, кто был им нужен, шептали им что-то, пары разделялись, и танцоры, с которыми они говорили, быстро покидали друг круг.

— В Шахте взрыв, — сказал Бауэр тихо. — Говорят, ничего страшного, но есть обожженные. Объявления не будет. Праздник пускай продолжается.

— Это далеко?

— Ты не видел Шахты?

— Я здесь первый день.

У лифта собралось человек пять-шесть. Павлыш сразу понял, что они обо всем знают. Все сняли маски, и с масками исчез беззаботный дух праздника. Мушкетеры, алхимик, неандерталец в синтетической шкуре, прекрасная фрейлина забыли о том, что они на карнавале, забыли, как одеты. Они были врачами, вакуумщиками, механиками, спасателями. А карнавал остался в прошлом... И музыка, которая волнами докатывалась до лифта, и мерный шум зала были не более как фоном в трезвой действительности...

Уже под утро Павлыш стоял у носилок, вынесенных из медотсека

Шахты и ждал, пока лунобус развернется так, чтобы удобнее было занести в него пострадавших. Сквозь прозрачную стену купола светила полосатая Земля, и Павлыш разглядел циклон, собирающийся над Тихим океаном. Водитель выскочил из кабины и отодвинул заднюю стенку лунобуса. За ночь он осунулся.

— Ну и ночка была, — сказал он. — Троих отправляем?

— Троих.

Носилки были накрыты надутыми чехлами из пластика. Дежурные нижнего яруса Шахты, получившие тяжелые ожоги, спали. Их сегодня же эвакуируют на Землю.

Салиас, щеки которого были покрыты рыжей, выросшей за день щетиной, помог Павлышу и водителю погрузить носилки в лунобус. Он оставался в Шахте, Павлышу надо было возвращаться в Селенопорт, сопровождая пострадавших.

Только через час Павлыш окончательно освободился и смог вернуться в большой туннель города. Прожектора были выключены, и потому воздушные шары, гирлянды цветов и потухших фонариков, свисавших с потолка, казались чужими, непонятно как попавшими туда. Пол был усеян конфетти и обрывками серпантина. Кое-где валялись потерянные бумажные кокошники, полумаски и смятая мушкетерская шляпа. Одинокий робот-уборщик в растерянности возил совком в углу. Ему еще не приходилось видеть такого беспорядка.

Павлыш подошел к эстраде. Несколько часов назад он стоял здесь и ждал Марину Ким. Вокруг было множество людей, а Бауэр в черной сутане танцевал с зеленой русалкой...

К ножке рояля липкой лентой была прикреплена записка. На ней крупными квадратными буквами было написано: «ГУСАРУ ПАВЛЫШУ».

Павлыш потянул записку за уголок. Сердце вдруг сжалось, что он мог сюда и не прийти. На листке наискось бежали торопливые строчки:

«Простите, что не смогла подойти вовремя. Меня обнаружили. Во всем я виновата сама. Прощайте, не ищите меня. Если не забуду, постараюсь отыскать вас через два года. Марина».

Павлыш перечитал записку. Она была словно из какой-то иной, непонятной жизни. Золушка плачет на лестнице. Золушка оставляет записку, в которой сообщает, что ее настигли, и просит ее не искать. Это вписывалось в какой-то старинный, отягощенный тайнами готический роман. За отказом от встречи должна была скрываться безмолвная мольба о помощи, ибо похитители прекрасной незнакомки следили за каждым ее шагом, и, опасаясь за судьбу своего избранника, несчастная девушка под

диктовку одноглазого негодяя писала, обливаясь слезами, на клочке бумаги. А в это время избранник...

Павлыш усмехнулся. Романтические тайны произрастают на благодатной почве карнавала. Чепуха, чепуха...

Вернувшись к Салиасу в комнату, Павлыш принял душ и прилег на диван.

Его разбудил трезвон видефона. Вскочив, Павлыш взглянул на часы. Восемь двадцать. Салиас так и не возвращался. Павлыш включил видефон. С экрана улыбался Бауэр. В отглаженном мундире штурмана Дальнего флота, свежий, выбритый, деловитый.

— Ты успел поспать, Слава? Я тебя не разбудил?

— Часа три спал.

— Слушай, Павлыш, я говорил с капитаном. Мы идем с грузом к Эпистоле. По судовой роли у нас есть место врача. Можешь полететь с нами. Ну как?

— Когда стартуете?

— Катер уходит на стартовый пункт в десять. Успеешь?

— Да.

— Ну и отлично. Кстати, я уже сообщил диспетчеру, что ты летишь с нами судовым врачом.

— Значит, весь разговор был пустой формальностью?

— Разумеется.

— Спасибо, Глеб.

Павлыш отключил видефон и сел писать записку Салиасу.

3. Проект-18

Через полгода, возвращаясь на Землю, Павлыш застрял на планетоиде Аскор. Туда должна была прийти «Прага» с оборудованием для экспедиций, работающих в системе. От Аскора «Прага» делала Большой прыжок к Земле.

Павлыш сидел на планетоиде третий день. Он всех уже там знал, и его все знали. Он ходил в гости, пил чай, провел беседу об успехах реанимации и сеанс одновременной игры в шахматы, в котором половину партий, к позору Дальнего флота, проиграл. А «Праги» все не было.

Павлыш заметил за собой странную особенность. Если он приезжал куда-то, где должен был провести месяц, то первые двадцать восемь дней пролетали незаметно, два последних растягивались в тоскливую вечность. Если он куда-нибудь попадал на год, то жил нормально одиннадцать с половиной месяцев. Так и с этим путешествием. Почти полгода он не думал — некогда было. А вот последняя неделя оказалась сплошной пыткой. Глазам надоело смотреть на новые чудеса, ушам — внимать песням дальних миров... Домой, домой, домой!

Павлыш коротал время в буфете, читая бессмертный труд Макиавелли «История Флоренции» — это была самая толстая книга в библиотеке. Геолог Ниночка за стойкой лениво мыла бокалы. В буфете дежурили по очереди.

Планетоид качнуло. Мигнули лампы под потолком.

— Кто прилетел? — с робкой надеждой спросил Павлыш.

— Местный, — ответила Ниночка. — Грузовик четвертого класса.

— Швартоваться не умеют, — сказал механик Ахмет, жевавший за соседним столиком сосиски.

Павлыш вздохнул. Глаза Ниночки горели состраданием.

— Слава, — сказала она, — вы загадочный странник, которого звездный ветер несет от планеты к планете. Я где-то читала о таком. Вы пленник злой судьбы.

— Чудесно сказано. Я пленник, я скиталец и страдалец.

— Тогда не переживайте. Судьба сама за вас все решит.

Судьба показалась в дверях буфета, приняв образ низенького плотного человека с пронзительными черными глазками. Человека звали Спиро, и Павлыш его помнил.

— Так, — сказал Спиро голосом героя, только что вернувшегося из

соседней галактики, — чем здесь угощают? Чем встретит ваш салун одинокого охотника?

Ниночка поставила на стойку бокал с лимонадом, и Спиро вразвалку подошел к стойке.

— Чего-нибудь основательнее не держите? — спросил он. — Я предпочитаю азотную кислоту.

— Вся вышла, — сообщила Ниночка.

— Только что прилетали космические пираты с Черной Звезды, — вмешался в разговор Павлыш. — Выжрали три бочки рома и взорвали перегонный аппарат. Переходим на сухой паек.

— Что? — встревожился Спиро. — Пираты?

Он замер с бокалом лимонада в руке, но тут же признал Павлыша.

— Слушай! — заявил он. — Я тебя знаю.

В этот момент зашуршало в динамике, и голос диспетчера произнес:

— Павлыш, поднимись ко мне. Доктор Павлыш, ты меня слышишь?

Слова Спиро догоняли Павлыша, толкали в спину:

— Я тебя здесь ждать буду. Никуда ни шагу. Ты мне позарез нужен. Даже не представляешь, как.

Всегда грустный маленький Тамил, второй год сидевший здесь диспетчером, сообщил Павлышу, что «Прага» задерживается. Как минимум еще на пять дней.

Павлыш сделал вид, что переживает эту новость, но испугался, что не переживет. Цокая подковками, он спустился в буфет.

Спиро стоял посреди комнаты с пустым бокалом. Его черные глазки метали молнии, словно норовили прожечь пластик буфетной стойки.

— На что это похоже? — допрашивал он Ниночку. — Я им всем поотрываю головы. Сорвать большое дело, подвести товарищей! Нет, это невиданно! Такого еще не было в истории флота. Они попросту забыли, понимаешь, забыли два контейнера на Земле-14. Учти, не один, а два! В документах они есть, а в трюме их нет. Каково?

— Важный груз? — спросил Павлыш.

— Важный? — Голос Спиро дрогнул. Павлыш испугался, что он сейчас разрыдается. Он смотрел на Павлыша. Павлыш ощутил себя мышью, которая попала на глаза голодному коту. — Галаган! — сказал Спиро. — Ты нас спасешь.

— Я не Галаган, я Павлыш!

— Правильно, Павлыш. Мы с тобой взрыв на лунной шахте ликвидировали. Сотни погибших, бушует вулканическое пламя. Я тебя вынес из огня, правда?

— Почти.

— Так вот, ты мне обязан. На Сентипере во втором пакгаузе лежат запасные контейнеры. Я не знал, что они понадобятся, но никому не отдал. Я предчувствовал, чем все кончится. Ты летишь на Сентиперу, трратишь день, чтобы выбить их у Геленки. Сначала она тебе скажет...

— Не смущай человека, — сказала Ниночка. — Неужели кому-нибудь не ясно, что это не твои контейнеры?

— Мои!

— Чужие, — сказал механик Ахмет.

— Они больше, чем мои! — возмутился Спиро. — Без них все погибнет. Без них остановится работа всей лаборатории. Замрет научная жизнь на целой планете.

— Вот и лети сам за своими контейнерами, — сказала Ниночка.

— А кто отвезет груз на Проект? Ты?

— Ты знаешь, что здесь все заняты.

— Вот именно это я и говорю.

Спиро подошел к столику, за который сел Павлыш, и бросил перед ним большой тугой тюк.

— Это тебе, — сказал он.

Тюк раскрылся, и из него выпало несколько писем и пакетов. Конверты, микрофильмы, видеокассеты медленно расползались по полированной поверхности и норовили спрыгнуть на пол. Павлыш с буфетчицей кинулись собирать их и запихивать обратно в тюк.

— Всегда он так с почтой обращается, — сказала Ниночка. — Столько шума, а потом бросит все и убежит.

Павлыш укладывал письма. Спиро был забавен. Еще неделю на планетоиде не выдержать. Может, рискнуть и улететь на Сентиперу?

— Вот еще одно упало, — сказала Ниночка, передавая Павлышу узкий конверт с видеолистом. На конверте было написано: «Проект-18. Центральная лаборатория. Марине Ким».

Павлыш три раза медленно прочитал адрес, потом аккуратно положил конверт в тюк.

— Значит так, — сказал Спиро, — я сейчас уйду на Сентиперу. Без контейнера мне лучше не возвращаться. Ты не знаешь Димова! И лучше тебе никогда его не узнать. Времени у меня двадцать минут. Сейчас я дам тебе список грузов, покажу, где пришвартована моя шхуна, потом ты получишь овощи у садовника, все погрузишь и отвезешь на Проект. Не беспокойся, грузовик на автоматике, мимо не провезет. Ясно? Только не сопротивляйся, потому что все уже решено и ты не имеешь права подвести

старого друга.

Спиро угрожал, умолял, убеждал, махал руками, бегал по буфету, обрушивал на Павлыша лавины фраз и восклицательных знаков.

— Да послушайте, наконец! — рявкнул Павлыш во всю мощь своего незаурядного голоса. — Я согласен лететь на Проект! Я и без ваших уговоров решил лететь на Проект! В конце концов я, может быть, давно мечтал полететь на Проект!

Спиро замер. Его черные глазки увлажнились. Он поперхнулся, но тут же совладал со своими чувствами и быстро сказал:

— Тогда пошли. Быстро. У нас каждая минута на счету.

— Правильно сделаете, что полетите, — сказала Ниночка. — Я сама бы полетела, только некогда. Там говорят, такой океан...

Грузовик вышел к планете Проект-18 с неосвещенной стороны, и минуло несколько минут, прежде чем Солнце, навстречу которому несся грузовик, осветило бесконечный ровный океан. Павлыш погасил перегрузки и перешел на стабильную орбиту. Затем, щелкнув тумблером, вышел на связь со Станцией.

Он знал, что Станция ведет грузовик, и ждал, когда раздастся знакомое шуршание, означающее, что полоса свободна для пилота.

Черные точки возникли на лице океана. Из сетки приемника донесся сухой шум.

— Станция, — сказал Павлыш. — Станция, иду на посадку.

— Что у тебя с голосом, Спиро? — спросили снизу.

— Это не Спиро, — ответил Павлыш. — Спиро ушел на Сентиперу.

— Ясно, — сказала Станция.

— Перехожу на ручное управление, — сказал Павлыш. — Машина перегружена. Как бы не прострелить мимо.

Справа над пультом на экране медленно поворачивался глобус планеты, и черная точка над глобусом — грузовик постепенно сближался с зеленым огоньком — Станцией.

— И не мечтай, — сказала Станция.

— Не беспокойтесь, — сказал Павлыш. — Я из Дальнего флота. На этих грузовиках налетал больше, чем Спиро.

Группа островов, рассеянных по плоскому лицу океана, прошла внизу. На горизонте в дымке лежала Станция. Грузовик слишком медленно терял высоту, и Павлыш на мгновение отключил автоматику, дал торможение. Его вдавило в кресло.

Павлыш снова щелкнул рубильником на пульте связи.

— Что надевать? — спросил он. — Какая у вас погода?

Он включил видеофон. На экране возникло широкое плоское лицо обритого наголо человека. Глаза его были узки, к тому же прищурены, тонкие брови стояли галочкой, и вообще он являл собой образ Чингис-хана, только что узнавшего о поражении его любимых тысяч у стен Самарканда.

— Кто таких присылает? — спросил Чингис-хан, очевидно, имея в виду Павлыша.

— Я сэкономил полтонны горючего, — скромно ответил Павлыш. — Я привел корабль на час раньше срока. Полагаю, что не заслужил ваших упреков. Так что же вы надеваете, когда выходите на свежий воздух?

— Там Спиро все свое оставил, — сказал Чингис-хан.

— Сомневаюсь, что влезу в его костюм.

— Хорошо, — сказал Чингис-хан, — через три минуты я буду у вас.

Павлыш отстегнулся, встал с кресла, достал из боковой ниши тюк с почтой, отряхнул пыль с костюма. Двигаться было легко, притяжение на планете не превышало 0,5. Люк в кабину управления отъехал в сторону, вошел Чингис-хан в утепленном комбинезоне, с кислородной маской, закрывавшей пол-лица. Вслед за ним в кабину втиснулся высокий поджарый человек с блеклыми глазами под густыми черными бровями.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш. — Я случайно оказался на планетоиде, когда Спиро был вынужден отправиться на Сентиперу. И он попросил помочь ему. Я доктор Павлыш.

— Моя фамилия Димов, — представился худой человек. — Димитр Димов. Я руковожу здешним отделением нашего института. Мы, если позволите, коллеги?

Он указал тонким длинным пальцем пианиста на змею и чашу на груди Павлыша, как раз над планками с названиями кораблей, на которых Павлышу приходилось служить.

— Ванчидорж, — представил Димов Чингис-хана. И сразу продолжил. — Вы одевайтесь, одевайтесь. Мы вам очень благодарны. У нас всегда возникают некоторые трудности со Спиро. Он чудесный человек, добрейший, отмечен замечательными деловыми качествами. Его с громадным трудом отпустили к нам с Луны...

Чингис-хан, то есть Ванчидорж, хмыкнул, выражая таким образом несогласие со словами своего начальника.

Димов помог Павлышу закрепить кислородную маску.

— Надеюсь, вы у нас задержитесь на несколько дней?

— Спасибо, — сказал Павлыш.

Он включил обогрев в комбинезоне и поправил теплый шлем. Кислород поступал нормально. Костюм Димова был узковат, но в общем в

нем было удобно. Павлышу хотелось спросить о Марине Ким, но он сдержался. Теперь Золушка никуда от него не денется.

Они вышли на гладкую, будто отшлифованную, поверхность острова. В ста метрах за долинкой поднимались обрывистые скалы. По другую сторону начинался океан, волны прибоя разбивались о черный берег, взметая столбы белой пены. Павлыш поправил шлемофон, чтобы услышать шум прибоя, но доносился он глухо, неадекватно мощи волн, звуки гасли в разряженном воздухе. Серое полупрозрачное облачко закрыло на минуту солнце, и тени, резкие и глубокие, стали мягче.

Ванчидорж ушел вперед, закинув на плечо тюк с почтой. Димов отстал. Он закрывал люк грузовика. Ванчидорж вошел в тень от скалы и растворился в ней. Павлыш последовал за ним и оказался перед медленно отползавшей в сторону металлической дверью, которая скрывала вход в пещеру.

— Заходите, — сказал Ванчидорж, — застудим камеру.

Павлыш оглянулся. Большая белая птица медленно спускалась к Димову, и Павлыш чуть было не крикнул ему: «Осторожно!» Димов видел птицу, но не собирался прятаться.

Птица сделала круг над головой Димова, и тот поднял руку, как бы приветствуя ее.

У птицы были громадные крылья и маленькое пушистое тел.

— Вы их подкармливаете? — спросил Павлыш.

— Разумеется.

У Ванчидоржа была неприятная манера саркастически хмыкать. И непонятно было, смеется он или сердится.

Вторая птица показалась чуть выше первой. Она сложила крылья и мягко спланировала, усевшись на скалу рядом с Димовым. Димов протянул руку и потрепал птицу по шее.

— Пошли, — повторил Ванчидорж.

Внутри Станция была устроена удобно. Залы просторной пещеры были превращены в жилые помещения, и Павлыш вспомнил старинные картинки к роману Жюль Верна «Таинственный остров», герои которого любили деловой комфорт. Павлыш подумал, что в его комнате должно быть вырублено в стене окно, в которое будет врываться океанский ветер.

Димов сказал:

— У нас с жильем здесь туго. В прошлом месяце приехала группа физиологов, шесть человек, заняли все свободные помещения. Вам придется пожить в комнате с Ваном. Вы не возражаете?

Павлыш поглядел на Ванчидоржа.

Тот отвернулся к стене.

— Я, разумеется, не возражаю. Но не стесню ли...

— Я редко бываю в комнате, — быстро ответил Ван.

Комната Ванчидоржа была просторна — не чета клетушкам на других станциях. В толще скалы было вырублено высокое узкое окно, сквозь которое врвался солнечный свет.

— Вот ваша кровать, — сказал Ван, указывая на самую настоящую, в меру широкую, удобную кровать, спинкой которой служила изрезанная сложным узором зеленоватая каменная плита.

— А вы? — спросил Павлыш. Второй кровати в комнате не было.

— Принесу. Не успел. Вас никто не ждал.

— Вот я и буду спать на той кровати, которую вы принесете. — сказал Павлыш. — Гостеприимство не должно сопровождаться жертвами.

Он отошел от окна. Вдоль стены комнаты тянулся рабочий стол. На столе лежали пластины розового и светло-зеленого полупрозрачного камня. Нефрит, догадался Павлыш. На одной из пластин был намечен рисунок — птица с широкими крыльями. Нефрит тепло светился в отраженном солнечном свете. Раковина, похожая на половинку гигантского грецкого ореха, бросала на потолок перламутровые радужные блики. Ван раскладывал почту на стопки. Второй стол был придвинут к боковой стене напротив кровати. Над столом было несколько полок. К стопке микрофильмов на второй полке была прислонена фотография Марины Ким в рамке из нефрита. Рамка была вырезана с большим искусством, взгляд запутывался в сложном узоре. Павлыш сразу узнал Марину, хотя в памяти она осталась в белом завитом парике, который придавал чертам лица нелогичность, подчеркивая несоответствие между разрезом глаз, линией скул и пышными белыми локонами. Настоящие волосы Марины были прямыми, черными, короткими.

Павлыш обернулся к Вану и увидел, что тот перестал раскладывать почту и наблюдает за ним.

Дверь отворилась, и вошел человек в голубом халате и хирургической голубой шапочке.

— Ван, — сказал он, — неужели почту привезли?

— Как у вас дела? — спросил Ван. — Лучше ему?

— Ласты есть ласты, — ответил человек в голубом халате. — За один день не вылечишь. Так что же с почтой?

— Сейчас иду, — сказал Ван. — Немного осталось.

— А мне что-нибудь есть?

— Подожди немного.

— Отлично, — ответил хирург. — Иного ответа от тебя и не ждал. — Он пригладил короткие усики, провел ладонью по узкой бородке. — Вы грузовиком прилетели? — спросил он Павлыша.

— Да. Вместо Спиро.

— Очень приятно, коллега. Надолго к нам? А то подыщем вам работу.

— Приятно сознавать, — сказал Павлыш, — что, куда я ни попаду, мне сразу предлагают работу, даже не спрашивая, хороший ли я работник.

— Хороший, — убежденно заявил хирург. — Интуиция нас никогда не обманывает. А я Иерихонский. Мой прапрадед был священником.

— А почему мне об этом надо знать?

— Я всегда говорю так, представляясь, чтобы избежать лишних шуток. Это церковная фамилия.

Павлыш снова взглянул на фотографию Марины Ким, словно хотел убедиться, не растворилась ли она. Скоро он ее увидит. Может, через несколько минут. Удивится ли она? Вспомнит ли гусара Павлыша? Конечно, можно спросить Вана, но не хочется.

— Все, — сказал Ван, — пошли. Вы идете с нами, Павлыш?

Они вошли в обширный зал, освещенный рядом вырубленных в скале окон. Пол зала был покрыт голубым пластиком. В дальнем конце стоял длинный стол и два ряда стульев, ближе к двери — стол для пинг-понга с провисшей сеткой. Ван поставил сумку на стол и начал последовательно, словно выполняя ритуал, вынимать стопки почты и раскладывать их в ряд.

— Я позову людей, — сказал Иерихонский.

— Сами придут, — ответил Ван. — Не торопись.

Но Иерихонский его не послушался. Он подошел к стене, отодвинул крышку небольшой ниши и включил звонок, звук которого прерывисто понесся по коридорам и залам Станции.

Над пинг-понговым столом в ряд висели портреты, как портреты предков в фамильном замке. И это было необычно. Павлыш принялся разглядывать их.

Мрачный скуластый человек лет сорока, с настойчивыми светлыми глазами. Иван Грунин. За ним старик, глаза которого затенены густыми кустистыми бровями — Армен Геворкян. Следующий портрет изображал совсем молодого парня с удивленными голубыми глазами и острым подбородком. Что-то объединяло этих людей и делало близкими, чтимыми на этой Станции. Они сделали что-то важное в том, чем занимаются остальные, может, они были дружны с Димовым или Иерихонским... Сейчас придут люди, которые услышали звон колокольчика. Войдет и Марина. Павлыш отошел подальше от пинг-понгового стола, но не спускал

глаз с длинного голубого конверта, который предназначался Марине. Он лежал поверх самой тонкой стопки.

Первыми в зале появились два медика в таких же голубых халатах, как Иерихонский. Павлыш старался не смотреть на дверь и думать о посторонних вещах: например, удобно ли играть в пинг-понг при такой малой силе тяжести? То ли надо утяжелять шарик, то ли привыкать к замедленным прыжкам. Движения у людей на Проекте были куда более плавными и широкими, чем на Земле.

Медики сразу бросились к столу, но Ван остановил их:

— Погодите, пока все соберутся. Вы же знаете...

Ван явно был формалистом и поклонником ритуала.

На мгновение Павлышу показалось, что вошла Марина. Девушка была черноволосой, стройной, смуглой, но на этом ее сходство с Мариной кончалось. У нее были мокрые волосы, а белое сари кое-где прилипло к влажной коже.

— Ты обязательно простудишься, Сандра, — сварливо сказал Иерихонский.

— Здесь тепло, — ответила девушка.

Говорила она медленно, словно вспоминала нужные слова.

Потом глубоко вздохнула, откашлялась и повторила:

— Здесь тепло. — Звонче, чем в первый раз.

Зал наполнился народом. Люди были в рабочей одежде, будто на секунду оторвались от дел и тотчас вернутся к ним. Павлыш крутил головой, ему казалось, что он упустил, потерял Марину, что она уже в зале.

Ван священнодействовал. Он подвинул стопку официальной почты Димову, затем принялся брать письма и пакеты из самой большой пачки и читать вслух фамилии адресатов. Эта процедура явно была освящена традицией, никто не роптал, кроме Иерихонского, который оказался записным бунтарем.

Люди подходили, брали письма и посылки для себя и для тех, кто не смог прийти, и толпа, окружавшая Вана, постепенно рассасывалась, и люди устраивались поудобнее, чтобы прочесть письмо, или спешили уйти, чтобы в одиночестве прослушать пленку. Стопки подошли к концу. Марины Ким в числе адресатов, имена которых называл Ван, не было. Ван взял предпоследнюю пачку, протянул Сандре.

— Для морской станции, — сказал он. — Там есть и тебе посылка.

Потом положил руку на последнюю, тонкую пачку писем, на голубой конверт Марины Ким.

— С Вершины никого? — спросил он. И тут же добавил: — я сам

отнесу.

«Конечно, — подумал Павлыш, — ты сделаешь это с удовольствием». Он подумал, что Марина без всяких к тому оснований постепенно превращает его, бравого дальнелетчика, в банального ревнивца.

— Павлыш, вы меня слышите?

Рядом стоял Димов.

— Мне сейчас надо уйти, а когда я вернусь, то уделю вам полчаса для ответов на вопросы. Догадываюсь, что пока вопросов нет. Но советую вам проводить Сандру. Она идет вниз, на морскую станцию.

— Я с вами, — сказал Иерихонский. Потом он обернулся к своим коллегам и добавил: — Некоторые, вместо того чтобы возвращаться на свои рабочие места, направляются к нашему гостю с корыстными намерениями. Я отвечаю за него. Он не с Земли. Он меньше нас знает, что творится дома, он не занимается спортом и не собирает марок. Он человек неинтересный и неосведомленный. Все остальное вы узнаете от него за ужином.

Закончив монолог, он шепнул на ухо Павлышу:

— Для вашего же блага, коллега. Вдалеке от дома люди становятся болтливы.

Когда они шли длинным наклонным туннелем, освещенным редкими светильниками под потолком, он развивал свою мысль:

— Если бы наша работа была напряженной, если бы нас на каждом шагу подстерегали опасности, мы бы и не замечали, как идет время. Но работа у нас монотонная, в лабораториях развлечений мало... Вот мы и тянемся к новым лицам.

— Ты не совсем прав, Эрик, — сказала Сандра, — это у вас наверху все спокойно. У других не так.

Винтовая лестница, по которой они начали спускаться, кружила вокруг вертикального столба, в котором находился лифт. Но они шли пешком.

— Я доморощенный философ, — продолжал между тем Иерихонский. — И должен вам сказать, коллега, что обстоятельства моей работы склоняют к абстрактному мышлению. За внешней будничностью нашей сегодняшней жизни скрывается напор будущих катаклизмов и водоворотов. Но, повторяю, это мы воспринимаем лишь как фон, а к любому, даже самому экзотическому фону быстро привыкаешь. Вот Сандра сказала, что у других здесь жизнь не такая спокойная. Может быть... Когда вас ждет Димов?

— Через полчаса.

— Тогда мы вам покажем аквариум, и сразу обратно. Димова очень

интересно слушать, но он не выносит, когда опаздывают.

— Странно, — сказал Павлыш, — здесь говорят о Димове, как о самодержце. А он производит впечатление очень мягкого, деликатного человека.

— С нами нельзя не быть самодержцем, хотя бы в лайковых перчатках. Я на месте Димова давно бы сбежал от этого скопища интеллектуалов. Нужно иметь невероятную выдержку.

— Эрик опять не прав, — заметила Сандра, которой как будто нравилось во всем оспаривать мнение Иерихонского. — Димов и в самом деле милейший и мягкий человек, но мы понимаем, что последнее слово всегда за ним. Он не имеет права ошибаться, потому что тогда может произойти что-нибудь плохое. Здесь нет никакой мирной жизни. Это все выдумки Иерихонского.

Шахта кончилась. Павлыш несколько секунд стоял у стены, стараясь переждать головокружение. Иерихонский заметил это и сказал:

— Мы стараемся как можно больше двигаться. По работе нам не приходится много передвигаться...

— Кому как, — сказала Сандра, к которой Павлыш уже обернулся, ожидая очередного возражения. — Мне приходится много двигаться, другим тоже.

— Но я же не говорю о вашей группе, — ответил Иерихонский. — Ваша группа — другое дело.

— А Марина Ким? — спросила Сандра.

У Павлыша екнуло сердце. Впервые это имя было произнесено здесь просто и буднично, как имя Димова или Вана. По крайней мере теперь можно быть уверенным, что Марина здесь и ей приходится двигаться. Из этих слов следовало, что Марина не входит в группу, к которой принадлежит Сандра. Но она на Станции, близко, может, именно сейчас Ван передает ей письмо с Земли.

— При чем тут Марина? — удивился Иерихонский. И обратился за поддержкой к Павлышу, видимо считая его куда более информированным, чем было на самом деле. — Разве можно сравнивать?

Павлыш пожал плечами. Он не знал, можно ли сравнивать Иерихонского и Марину Ким. Хотя это также подтверждало его подозрение, что Иерихонский живет спокойной жизнью, а вот Марина нет. Иерихонский бегает по лестницам, чтобы не потерять форму, а Марине это не грозит.

— Он же не знает Марину, — сказала Сандра.

— Ах да, я совсем забыл.

— Я ее как-то встречал, — сказал Павлыш. — Давно еще, на Луне, полгода назад.

— Не может быть! — воскликнул Иерихонский. — Вы ошиблись!

— Да? А ты забыл, что творилось в институте? — спросила Сандра. — У тебя дырявая голова.

Иерихонский не стал возражать.

Они вошли в обширное помещение, придавленное низким потолком, укрепленным кое-где столбами. Дальняя стена зала была прозрачной. За ней зеленела толща воды.

— А вот наш аквариум, — сказал Иерихонский.

— Я вас оставлю, — сказала Сандра. — Мне надо передать письма, а потом на работу.

— Счастливо, — сказал Иерихонский, и голос его дрогнул. — Не переутомляйся.

Павлыш подошел к прозрачной стенке. Мелкая рыбешка стайкой промелькнула совсем рядом, лучи солнца пробивались сквозь воду и растворялись где-то сверху, создавая впечатление громадного заполненного туманом зала, под потолком которого, невидимые, светят люстры. Покачивались длинные руки водорослей. Дно океана покато уходило в глубину, а там, смутно различимые, поднимались зубцы черных скал. Громадная акула поднялась из темной глубины и медленно, величественно подплыла к стеклу. За ней последовала вторая, чуть меньше размером.

Откуда-то сбоку, из невидимого Павлышу люка выплыла Сандра. Она была в легком резиновом костюме, ластах и больших очках. Она не видела акул, и Павлыш испугался за нее. Женщина поплыла прямо к акуле.

— Сандра! — крикнул Павлыш, бросаясь к стеклу.

Акула поменьше грациозно повернула к Сандре. В грациозности ее движения чувствовалась страшная первобытная сила.

— Сандра!

— Успокойся, — сказал Иерихонский. Павлыш даже забыл о нем. — Мне тоже иногда бывает страшно.

Акула и Сандра плыли бок о бок. Сандра что-то говорила акуле. Павлыш мог бы поклясться, что видел, как открывается ее рот. Затем Сандра поднялась чуть выше, легла акуле на спину, держась за острый плавник, и акула мгновенно скользнула в глубину. Вторая последовала за ней.

Павлыш поймал себя на том, что стоит в неудобной позе, почти прижавшись лбом к стеклу. Он провел ладонью по виску, ему показалось, что растрепались волосы. Волосы были в порядке. В конце концов этому

было правдоподобное объяснение: здесь дрессировали морских животных.

Павлыш не знал, сколько прошло времени. Потом он обернулся, чтобы спросить Иерихонского, что же все это значит. Но Иерихонского не было.

Павлыш вспомнил, что не договорился, где встретится с Димовым.

Он поднялся наверх на лифте, без труда нашел большой зал с портретами. Но там никого не было. Тогда он вернулся в свою комнату, полагая, что Димову легче будет отыскать его там.

Комната тоже была пуста. Павлыш подошел к портрету Марины. Марина смотрела мимо Павлыша, словно увидела что-то очень интересное у него за спиной. Уголки полных губ были приподняты: это еще была не улыбка, но начало улыбки. Прошло уже больше сорока минут. Димов не появлялся. Павлыш подошел к окну. За окном гулял ветер. Барашки тянулись до самого горизонта. В комнате было очень тихо — стекло не пропускало звука. Тихо было и в коридоре. И тут послышалось легкое стрекотание, как будто рядом проснулся деловитый сверчок. Павлыш огляделся. На дальнем конце рабочего стола Вана стояла пишущая машинка. Она работала. Край листа показался над кареткой и выскочил на несколько сантиметров, показав напечатанную строчку. Машинка щелкнула, и отрезанная записка выскочила в приемник. Павлыш почему-то решил, что записка может предназначаться ему. Димов его разыскивает и таким способом назначает ему randevu. Он подошел к машинке и подобрал листок.

«Ван, — было напечатано на листке, — как зовут прилетевшего человека? Если Павлыш, не говори ему обо мне. Марина».

Павлыш стоял, держа в руке записку. Марина не хочет его видеть. Она обижена на него? Но за что? А как ему следует вести себя дальше? Он-то знает, что Марина здесь...

— А, вот вы где, — сказал Димов. — Правильно сделали, что вернулись сюда. Я вас сразу нашел. Ну как, были внизу?

— Был, — ответил Павлыш. Надо было положить записку на место. Он сделал шаг к машинке.

— Что-нибудь случилось? — спросил Димов. — Вы расстроены?

Павлыш протянул уже руку с запиской к машинке, но передумал. Есть ли смысл таиться? Он передал записку Димову.

— Ага, это их частная переписка, — сказал Димов, показывая на машинку. — А вы случайно взяли записку, потому что машинка заработала, а вы решили, что это я вас разыскиваю, правда?

Павлыш кивнул.

— А прочтя, естественно, расстроились. Ибо каждому из нас

неприятно, если его не хотят видеть, даже если к этому есть достаточные основания.

Димов перехватил взгляд Павлыша, брошенный на фотографию в нефритовой рамке.

— Вы с ней были знакомы?

— Да.

— Когда вы познакомились? Поверьте, мною движет не пустое любопытство. И если в этом нет секрета, я хотел бы знать, как и когда это было. Дело в том, что Марина — моя подчиненная...

— Никакой тайны тут нет, — сказал Павлыш. — Полгода назад я был на Луне, в Лунопорте. Там как раз состоялся карнавал. И совершенно случайно во время этого карнавала я познакомился с Мариной.

— Ну теперь все ясно.

— Знакомство было кратким и странным. Она исчезла...

— Не надо, я все знаю. Все знаю.

Павлыш удивился собственному тону. Он словно оправдывался перед Димовым.

— И вы знали, что она будет здесь?

— Она попросила меня ее не разыскивать.

Павлышу показалось, что он увидел насмешку в глазах Димова.

— А как вы узнали, что она на Проекте?

— Я бы все равно прилетел сюда. Спиро попросил меня перегнать грузовик, а у меня было свободное время. Когда он со мной разговаривал, из тюка с почтой выпало несколько писем. На одном конверте я увидел имя Марины Ким. И мне стало интересно... Очевидно, я должен был с самого начала спросить вас о ней, но я думал, что она придет за почтой и тогда я ее увижу. К тому же я не считал себя вправе. Ведь я с ней почти незнаком.

— Я видел ее сегодня, — сказал Димов, кладя записку в приемник машины. — Разговаривал. Но меня она не предупредила.

— Она вправе не видеть меня.

— Разумеется, коллега. К тому же вы все равно не смогли бы ее сегодня увидеть, она улетала к себе.

— Это далеко?

— Не очень... Значит, она не хочет вас видеть... да, к этому должны быть веские причины. И мы не имеем права нарушать волю женщины, чем бы это ни было вызвано. Даже, если это каприз, правда?

— Я согласен с вами.

— Вот и отлично. Давайте поговорим о Станции. Вам как биологу будет интересно с ней ознакомиться. У вас наверняка уже возникли первые

вопросы.

Димов явно не хотел продолжать разговор о Марине.

— Ну что ж, раз Марина — тема запретная...

— Вы слишком категоричны, коллега.

— Я не настаиваю. Тогда я спрошу вас о Сандре. Я там не все понял. Сандра уплыла с акулами, а Иерихонский исчез.

— Ничего удивительного. Иерихонский страшно переживает за Сандру.

— Вы дрессируете местных животных?

— Вы что конкретно имеете в виду?

— Там были акулы. Сандра уплыла на одной из акул.

— Садитесь, — сказал Димов и сам уселся в кресло.

Павлыш последовал его примеру. За что Марина обижена на него? Чем он заслужил такую немилость?

— Начнем сначала. Так всегда лучше, — сказал Димов. — Вы курите. Я сам не курю, но люблю, когда курят в моем присутствии. Вам знакомы работы Геворкяна?

Павлыш сразу вспомнил о портрете в большом зале... Кустистые брови над темными глубокими глазницами.

— Только в общих чертах. Я все время на кораблях...

— Ясно. Я тоже не успеваю следить за событиями в смежных науках. Ну а о биоформировании вы слышали?

— Разумеется, — слишком быстро ответил Павлыш.

— Ясно, — сказал Димов, — в самых общих чертах. И не надо оправдываться. Например, вы сами в чем специализируетесь? Я задаю этот вопрос, почти наверняка зная, что ответ будет положительным. Иначе вы были бы убежденным бездельником, вечным пассажиром, который иногда врачует царапины и умеет включать диагност.

— В прошлом году я стажировался у Сингха по реанимации, — сказал Павлыш. — А сейчас большой отпуск провел на Короне. Они интересно работают. За этим большое будущее.

— Сингх, кажется, в Бомбее?

— В Калькутте.

— Вот видите, мир не так уж велик. Когда-то у него работала Сандра.

— Наверное, после меня.

— А о Короне у меня самое слабое представление. И не потому, что мне это неинтересно. Руки не доходят. Так что не обессудьте, если я буду рассказывать вам о наших делах несколько подробнее, чем вам покажется необходимым. Коли вы что-нибудь из моего рассказа уже знаете, то

терпите. Я не выношу, когда меня перебивают.

И Димов смущенно улыбнулся, как бы прося прощения за свой невыносимый характер.

— Когда, — продолжал он, — создавался наш институт, какой-то шутник предложил назвать нашу науку ихтиандрией. А может, и не шутник. Был когда-то такой литературный персонаж — Ихтиандр, человек-рыба, снабженный жабрами. Не читали?

— Читал.

— Конечно, ихтиандрия осталась шуткой. Ученым нужны более научные слова. Это наша слабость. Нас называли институтом биоформирования... Новые науки создаются обычно на гребне волны. Сначала накапливаются какие-то факты, опыты, идеи, и, когда их количество превышает допустимый уровень, на свет является новая наука. Она дремлет в недрах соседних или даже далеких от нее наук, ее идеи витают в воздухе, о ней пишут журналисты, но у нее еще нет названия. Она удел отдельных энтузиастов и чудаков. То же случилось и с биоформированием. Первыми биоформами были оборотни. Сказочные оборотни, рожденные первобытной фантазией, видевшей в животных своих близких родственников. Человек еще не вычленил себя из природы. Он видел силу в тигре, хитрость в лисе, коварство или мудрость в змее. Он своим воображением переселил в животных людские души и в сказках наделял зверей человеческими чертами. Вершиной этого рода фантазий стали волшебники, колдуны, злые оборотни. Вы слушаете меня?

Павлыш кивнул. Он помнил обещание не перебивать.

— Людям хочется летать, и мы летаем во сне. Людям хочется плавать как рыбы... Человечество, движимое завистью, стало заимствовать у животных их хитрости. Появился аэроплан, который был похож на птицу, появилась подводная лодка — акула.

— Зависть, пожалуй, не играла роли в этих изобретениях.

— Не перебивайте меня, Павлыш. Вы же обещали. Я хочу лишь показать, что человечество шло по неправильному пути. наших предков можно оправдать тем, что у них не хватало знаний и возможностей, чтобы избрать путь правильный. Человек копировал отдельные виды деятельности животных, подражал их форме, но самого себя всегда оставлял в неприкосновенности. В определенной степени с развитием науки человек стал слишком рационален. Он отступил на шаг по сравнению со своими первобытными пращурами. Вы меня понимаете?

— Да. — Интересно, эти лекции предназначены только для приезжих или сотрудники Станции тоже проходят через это испытание? И Марина?

Какие у нее глаза? Говорят, что уже через несколько лет после смерти Марии Стюарт никто не помнил, какого цвета были у нее глаза.

— Но такое положение не могло длиться до бесконечности! — почти крикнул Димов. Он преобразился. Худоба в нем от фанатизма. Это мягкий, деликатный фанатик, подумал Павлыш. — Медицина достигла определенных успехов. Началась пересадка органов, создание органов искусственных. Все большее значение в нашей жизни стали играть генетика, генное конструирование, направленные мутации. Людей научились чинить, реставрировать, даже достраивать...

Нет, он не фанатик, поправил себя мысленно Павлыш. Он прирожденный педагог, которого обстоятельства поставили в окружение людей, которые все знают и без тебя и не будут слушать твоих лекций даже при всем уважении к начальнику Станции. Марина в опасные моменты попросту выскальзывает из комнаты и бежит к себе на Вершину. Надо будет пройти по Станции и посмотреть, есть ли лестница или лифт наверх. Случайно подняться, случайно зайти к ней в лабораторию... Постой, а что, если она тоже работает с животными? Сандра с акулами, а Марина... Марина с птицами!

Задумавшись, Павлыш пропустил несколько фраз. — ...Геворкяну судьба предназначила роль собирателя. Он свел воедино все те примеры, о которых я только что рассказывал. Он сформулировал задачи, направление и цели биоформирования. Естественно, что его не принимали всерьез. Одно дело небольшие частные изменения человеческого тела, другое — коренная его переделка. Но если ученым в прошлом веке приходилось доказывать свою правоту десятилетиями и обогнавший свое время гений получал признание где-то к восьмидесятому году жизни, то Геворкян имел в своем распоряжении океанскую базу Наири, где уже работало двенадцать подводников, снабженных жабрами.

— Сандра — подводник? — догадался Павлыш.

— Разумеется, — сказал Димов, даже удивившись неосведомленности Павлыша. — Разве вы не заметили, что у нее специфический голос?

— Заметил, но не придавал значения.

— Сандра перешла к нам недавно. Она когда-то работала на Наири. Но вы опять меня перебиваете, Павлыш. Я рассказывал вам о Геворкяне. Получался парадокс. Люди-рыбы нам нужны. Подводников мы снабжаем жабрами, и им находится множество дел в океане. Журналисты уже легкомысленно пишут о расах морских людей, а мы, ученые, понимаем, что говорить об этом рано, так как двойная система дыхания настолько осложняет организм, что балансирование его затрудняется. Геворкян с

самого начала выступал против того, чтобы жабры подводников оставались навсегда частью их организма. Нет, говорил он, пусть человеческое тело будет лишь оболочкой, которую сочтет нужным принять разум. Оболочкой, которую при нужде можно скинуть и вернуться к нормальной жизни. Теперь вы ощущаете разницу между ныряльщиками и биоформами?

Павлыш промолчал. Димов не ждал ответа. Он продолжал:

— Биоформ — это человек, телесная структура которого изменена таким образом, чтобы он мог лучше выполнять работу в условиях, в которых нормальный человек работать не в состоянии.

Павлыш впервые услышал эту фамилию — Геворкян — лет пятнадцать назад, в студенческие времена. Потом споры и страсти стихли. А может, Павлыш занялся другими делами...

— Споры концентрировались вокруг проблемы номер один, — говорил Димов. — Зачем менять структуру человеческого тела, что дорого и опасно, если можно придумать машину, которая выполнит все эти функции? «Вы хотите создать Икара? — спрашивали нас наши оппоненты. — Икара с настоящими крыльями? А мы обгоним его на флайере. Вы хотите создать человека-краба, который мог бы спуститься в Тускарору? Мы спустим туда батискаф». Но...

Тут Димов сделал паузу, но Павлыш испортил весь эффект, продолжив фразу:

— Космос — это не продолжение земного океана!

Димов откашлялся, замолчал, словно переживая обиду, как актер, которому какой-то нахал подсказал из зала: «Быть или не быть!» А ведь он, актер, готовил, репетировал эту фразу несколько месяцев.

— Извините, — понял непростительность своей реплики Павлыш, — я вдруг вспомнил обрывки дискуссий тех времен.

— Тем лучше, — уже справился с собой Димов. — Значит, вы сказали, что космос — это не земной океан. И тогда вам нетрудно догадаться, где Геворкян получил поддержку.

— В Космическом управлении.

— В дальней разведке. Вы не представляете, сколько мы получили заявок после того, как Геворкян напечатал свой основной доклад! К Геворкяну поспешили хирурги и биологи с разных, порой неожиданных сторон. Но это были трудные годы. Всем хотелось немедленных результатов, а добровольцев мы пока не брали. Но возникла глубоководная собака. Вернее, краб-собака. Потом еще три года опытов, пока мы смогли сказать со всей уверенностью, что гарантируем биоформу-человеку возвращение его прежнего облика. И восемь лет назад начались опыты с

людьми.

— А кто был первым биоформом?

— Их было два. Серис и Сапеев. Они были глубоководными биоформами. Работали на глубине десять километров. Они не могли бы убедить скептиков, если бы не случай. Вы не помните, как спасали батискаф в Филиппинской впадине? Нет?

— Когда это было?

— Значит не помните. А для биоформии это эпоха. Батискаф потерял управление. Он попал в трещину и был засыпан подводной лавиной. Связь прервалась. В общем, был тот случай, когда любая техника отстывает. А наши ребята прошли к нему. У меня где-то хранятся снимки и вырезки тех лет. Если интересно, я вам потом покажу...

Все возит с собой, подумал Павлыш. И говорит о тех событиях как о древней истории. А прошло всего шесть-семь лет.

— В то время в институте уже готовились несколько добровольцев. Понимаете, даже для сегодняшних возможностей, процесс биоформирования чрезвычайно сложен. Допустим, работал у нас Грунин. Доброволец, штурман Дальнего флота. Ему предстояло трудиться на планете с давлением вдесятеро против нашего, где радиация в сто раз выше допустимой нормы, а температура на поверхности плюс триста. К тому же добавляются пыльные бури и непрерывные извержения вулканов. Конечно, можно послать на такую планету робота, которому по плечу такие условия, или даже вездеход, настолько сложный, что человек в нем будет как муха в кибернетическом мозге. И все-таки возможности робота и человека в вездеходе будут ограничены. Грунин считал, что сможет сам пройти ту планету. Собственными пальцами пощупать, собственными глазами поглядеть. Он исследователь, ученый. Значит, мы выясняем, каким условиям должно отвечать новое тело Грунина, какие нагрузки должно оно выдерживать. Мы вычисляем программу такого тела, ищем аналоги в биологических моделях, высчитываем экстремальные допуски. И на основе этих расчетов мы начинаем конструировать Грунина. Мы все это сделали...

Димов замолчал.

— Грунин погиб? — спросил Павлыш.

— Всего предугадать нельзя. И менее всего в этом следует винить Геворкяна. Создавая биоформа на основе конкретного человека, мы должны помнить, что в новом теле остается лишь мозг именно этого человека. Любой биоформ — человек. Не менее, но и не более... Потом был Драч, и Драч тоже погиб.

Павлыш вспомнил портрет Драча в зале Станции. Грунина вспомнить

не мог, а Драча вспомнил, наверное, потому, что тот был очень молод и доверчив.

— Он вернулся, — сказал Димов. — Ему предстояла ретрансформация, возвращение в человеческий облик. Все должно было кончиться благополучно. Но на Камчатке, как назло, началось извержение вулкана, и надо было взорвать пробку в жерле, надо было спуститься в кратер, проникнуть в жерло и взорвать, вы понимаете? Они попросили наш институт помочь. Геворкян отказался наотрез. Но Драч случайно услышал этот разговор. Он пошел, все сделал, а вернуться не успел.

— Не хотел бы я быть биоформом, — сказал Павлыш. — По-моему, это бесчеловечно.

— Почему?

— Трудно ответить. В этом есть что-то неправильное. Человек-черепаха...

— А где предел ваших допусков, коллега? Скажите, в скафандре выходить в космос бесчеловечно?

— Это одежда, которую можно сбросить.

— Черепаховая шкура не отличается принципиально от скафандра. Только панцирь черепахи дольше снимать. Сегодня вы возмущаетесь биоформами, завтра восстанете против пересадок сердца или печени, послезавтра потребуете запретить аборт и пломбирование зубов? Все это вмешательство в дела высокого Провидения.

В дверь заглянул Иерихонский, и это было кстати, потому что Димов не убедил Павлыша, но аргументов тот найти не смог и не хотел выглядеть ретроградом.

— Вот вы где спрятались! — воскликнул Иерихонский. — А я Павлыша разыскиваю. Мы собрались пойти на катере к Косой горе. Сандра со Стасиком покажут нам голубой грот. Они туда поплыли, завтра утром будут там. Вы отпустите с нами Павлыша?

— Я над ним не властен. Пускай он познакомится со Стасом Фере. Мы тут как раз вели беседу о биоформии. Почти мирную.

— Представляю, как вы его заговорили, — сказал Иерихонский. — Павлыш уже знаком со Стасом.

— Как? — удивился Павлыш.

— Вы его видели внизу, когда мы ходили в аквариум с Сандрой.

— Нет, — сказал Павлыш, — я там не видел Фере.

— Сандра с ним уплыла, — сказал Иерихонский. — С ним и с Познаньским.

— Акулы? — спросил Павлыш.

— Да, они похожи на акул.

— Так это биоформы?

— Фере уже проработал несколько месяцев в болотах Сиены. Тогда он был сделан для работы в топях Сиены. Там жуткий мир, — сказал Димов.

— Стас говорил мне, — сказал Иерихонский, — что здесь он чувствует себя как на курорте. Ни опасностей, ни соперников. Он сильнее и быстрее всех в этом океане.

— Это же полная перестройка всего организма!

— Сейчас в мире существуют два Фере. Один здесь, в океане, другой на Земле, закодированный клетка за клеткой, молекула за молекулой в памяти Центра.

— Хорошо, — Димов поднялся с кресла, — поговорили и хватит. А то сюда постепенно соберется вся Станция. Нам бы только не работать. Надеюсь, теперь в самых общих чертах вы имеете представление о том, чем мы занимаемся. А когда уляжется первая реакция, может, поймете больше...

4. Землетрясение

Катер отвалил от стенки подземного грота, лучи светильников скользнули, отражаясь от выпуклых иллюминаторов. Тут же катер пошел в глубину, и за иллюминаторами стало темно. Ван сидел у рулей, и отсвет приборов зловеще играл на его лице. Катер поднырнул под скалу, закрывавшую выход из грота, некоторое время шел на глубине, затем начал подниматься, и за иллюминаторами вода приобрела синий, а потом зеленоватый, бутылочный свет.

Катер вырвался на поверхность, стряхнул с себя воду и помчался, срезая верхушки волн. Волны громко и хлестко стучали по днищу, будто бойкий кузнец бил по нему молотом.

Молодой, крепкий, толстый зоолог Пфлюг пересчитывал банки в походном чемодане.

— Вы не представляете, — сказал он Павлышу, — сколько там живности. Если бы Димов разрешил, я бы поселился у Косой горы.

— И питался бы моллюсками, — сказал Иерихонский.

— На том острове жить опасно, — сказал Ван. — Это сейсмичный район. Рай для геологов — там рождается континент.

— Для меня тоже рай, — сказал Пфлюг. — Мы здесь присутствуем в сказочный момент — образуются большие участки суши, и животный мир только-только начинает ее осваивать.

Справа над горизонтом показался черный столб.

— Подводный вулкан, — сказал Ван. — Там тоже будет остров.

— А почему выбрали эту планету? — спросил Павлыш.

— Она лучше многих других, — сказал Иерихонский. — Условия здесь, скажем, не экстремальные, но человеку исследовать его нелегко. Атмосфера разреженная, температуры низкие, большая часть поверхности покрыта первобытным океаном. Все здесь еще молодо, не устоялось. В общем, удобный полигон. Здесь мы испытываем новые методы, ищем новые формы, по возможности универсальные. Здесь проходят тренировки биоформы, которым предстоит работать в трудных точках. Поживете с нами, поймете, как мы довольны, что нам предоставили эту лужу...

А лужа тем временем катила навстречу пологие зеленые валы, и ее безбрежность подавляла воображение. Сознание того, что сколько ни плыви, не встретишь ничего, кроме островков и скал, торчащих из воды, что нет здесь материков и даже крупных островов, придавал океану

завершенность. На Земле океаны. Здесь Океан.

Солнце клонилось к закату, закат был мирным, смягченным слоями перистых облаков, кисеей прикрывавших солнце. Лишь далеко в стороне толпились черные тучи, еле поднимавшиеся над горизонтом. Вернее всего, там был ад, там трудились вулканы.

Остров Косая гора появился через три часа. От Станции до него было около пятисот километров. Остров представлял собой кривую гору, которая, казалось, долго и натужно вылезала из океана и ей удалось приподнять над водой одно плечо. Второе осталось под водой. Оттого голова горы была склонена набок, и от нее начинался полукилометровый обрыв в глубину. Зато другой край острова был покат и обрамлен широким пляжем, усеянным камнями и небольшими скалами.

Ван разогнал катер и поднял его в воздух. Тот перепрыгнул через широкую полосу бурунов, круживших вокруг рифов, и шлепнулся на мелководье.

Там, где кончалась полоса пляжа и начинался подъем на гору, стоял небольшой серебряный купол.

— Это наша избушка, — сказал Иерихонский.

Они надели маски. Дул сильный ветер и нес мелкие колючие снежинки. Вода у берега была покрыта тонкой коркой льда.

— Утром лед будет в руку толщиной, — сказал Ван. — Правда, соленость здесь невысока.

— Теперь ужинать и спать, — заявил Пфлюг. Он первым спрыгнул на песок с далеко нависшего над берегом острого носа катера, потом протянул руки, и Ван, нагнувшись, передал ему ящик с банками. Щеки резало холодным ветром. Все, кроме Павлыша, опустили прозрачные забрала. У ветра была сила и свежесть молодого мира.

— Обморозитесь с непривычки, — сказал Иерихонский. Его голос звучал в шлемофоне глухо, будто издалека.

Ван открыл дверь убежища. Внутри купол поддерживали массивные металлические ребра. Домик был рассчитан на любые неожиданности.

— В худшем случае, — сказал Ван, — его сбросит с берега и выкинет в море. А там мы его подберем.

Иерихонский включил отопление и пустил воздух. В домике сразу стало тепло.

Перегородкой убежище было разделено на две части. В передней, общей, стояли рабочие столы, машины, контрольная аппаратура. За перегородкой были склад и спальня.

— Сейчас приготовим ужин, — сказал Пфлюг. — Грешен, обожаю

консервы. Всю бы жизнь прожил всухомятку, но жена не разрешает.

— Кто ел моей ложкой, кто спал на моей постельке? — строго спросил Иерихонский, подходя к столу. — Кто был в гостях?

— Ты знаешь, — сказал Ван, — зачем спрашиваешь?

— Но я же просил не трогать мою машинку!

Иерихонский показал на портативный диагност, стоявший в углу. Из диагноста тянулась лента. Груда лент валялась на полу.

— Ох уж эти любители самолечения! — вздохнул Иерихонский.

— Мне дозволено погулять по окрестностям? — спросил Павлыш. — Я все знаю, я не буду далеко отходить от дома, не буду купаться в море и сражаться с драконами. Я только погляжу на закат и вернусь.

— Идите, — сказал Ван. — Только не занимайтесь самостоятельными исследованиями, хотя тут драконов раньше не было.

Павлыш шагнул в переходник.

Солнце прижалось к склону горы, закрывавшей половину неба. Снег усилился, и пришлось опустить забрало. Снежинки с размаху лупили по шлему, отчего мир стал туманным, будто Павлыш пробивался сквозь тучу белых мушек. Он повернулся к ветру плечом и спустился к воде. Лагуна, защищенная грядой рифов, была спокойна, волны медленно напозлали на берег, хрустели ледком закраин и уползали назад, оставляя водоросли, мелкие ракушки и кусочки пены. За галечным пляжем торчали черные зубы камней, каменистая осыпь, тоже казалась черной от того, что солнце било в глаза, выше по склону поднимались из черноты светлые струйки пара, и ритмично ухал грязевой паразитический кратер, выплевывая сгустки дымящийся грязи. Грязь стекала к берегу волнистыми, как табачный дым, ручейками, застывая у воды. Если на этом острове и есть какие-нибудь живые существа, они должны быть закованы в броню и приспособлены к тому, чтобы поглощать минеральные соли горячих источников. Или они спускаются к воде и собирают на берегу скудные отбросы моря.

Павлыш пошел вдоль берега. Ветер бил в спину, подталкивал. Купол домика быстро уменьшался и стал почти неразличим среди скал и камней. Павлыш шел с той же скоростью, с которой скатывалось к склону горы солнце. Он собирался дойти до косы и поглядеть, как светило уйдет за горизонт. Гора нависла сзади как большой сонный зверь. Облака исчезли, словно поспешили за солнцем туда, где тепло и светло. Лед у берега уже не поддавался ослабевшим ударам волн, не ломался и не скапливался длинной грядой осколков вдоль кромки воды, а будто маслом прикрыл лагуну, и лишь кое-где в матовом масле проглядывали открытые пятна цвета закатного неба. Павлыш решил, что пора возвращаться.

Со склона горы сорвался камень и, подпрыгивая, пронесся рядом, влетел в воду, поднял столб воды и крошек ледяного масла. Павлыш взглянул вверх по склону: не мчится ли оттуда лавина? Нет, камень сорвался потому, что с горы медленно спускался местный хозяин. Видно, решил полакомиться ракушками на берегу.

Хозяин был страшноват, но на Павлыша он не обращал внимания.

Павлыш не мог разглядеть его как следует, потому что тот передвигался по теневому склону. Больше всего он был похож на высокую черепаху с метр ростом. Ног ее не было видно.

Тут Павлыш сообразил, что черепаха движется не просто к берегу, а к убежищу, отрезая Павлышу дорогу домой. Он остановился в нерешительности. Может, это было случайным совпадением и черепаха его не видела, может, делала вид, что не замечает Павлыша.

Черепаха добралась до двухметрового обрывчика, и тут же из-под панциря змеями вылетели блестящие щупальца, охватили неровность камней, и черепаха легко прыгнула, повисла на секунду, покачиваясь на щупальцах, и мягко опустилась на площадку у грязевого кратера.

Павлыш понял, что у черепахи несколько ног — толстых, крепких, гибких.

Черепаха оказалась обманщицей. Она была совсем не неуклюжей и не медлительной. Она лишь притворялась такой. Павлыш осторожно, чтобы не привлечь внимания этой твари, пошел вдоль кромки воды, надеясь, что черепаха не успеет перерезать ему путь. Черепаха, словно разгадав намерения человека, быстро покатила вниз по склону, помогая себе щупальцами и конечностями, и тогда Павлыш, охваченный иррациональным ужасом перед первобытной жестокой силой, исходившей от чудовища, бросился бежать. Ноги разъезжались по гальке, снег полосовал забрало.

Он бежал по кромке берега, под ногами хрустел лед, ему показалось, что в черном иллюминаторе убежища мелькнуло чье-то лицо. Если его увидели, то успеют открыть дверь.

Люк был открыт. Павлыш захлопнул его за собой и прислонился к нему спиной, стараясь перевести дух. Теперь оставалось лишь нажать кнопку, впустить в переходник воздух, открыть внутренний люк, рассказать обо всем и услышать ровный голос Вана: «Я же предупреждал об осторожности».

Но Павлыш не успел протянуть руку к кнопке воздуходува, как почувствовал, что люк за спиной медленно открывается.

Самым разумным в этот момент было снова закрыть люк. Потянуть за

рычаг и закрыть. Но Павлыш потерял присутствие духа. Он увидел, что за край люка держится блестящее щупальце. И он кинулся вперед, чтобы открыть внутренний люк и спрятаться в убежище. Он знал, что внутренний люк не откроется, пока переходник не наполнится воздухом, но надеялся на то, что внутри уже знают, что происходит, и потому отключат автоматику.

Люк не поддался. В переходнике стало темнее. Черепаха заполнила собой внешний люк. Павлыш обернулся, прижался спиной к внутреннему люку и поднял руки перед грудью, хотя понимал, что щупальца черепахи куда сильнее его рук. Дело решали секунды. Поняли они, наконец, там, внутри, в чем дело?

В переходнике вспыхнул свет. Павлыш увидел, что черепаха, вцепившись щупальцем в рычаг внешнего люка, запирает его. Другое щупальце концом лежало на выключателе. Оказывается, свет включила черепаха.

— Я за вами от самого гейзера гнался, — сказала черепаха. — Вы что, не видели? Или, может, испугались?

Воздух с шуршанием заполнял переходник. Голос черепахи исходил из-под полушария на ее панцире.

— А на улице я кричать не могу, — пояснила черепаха, — у меня говорилка маломощная. А вы здесь новенький?

Внутренний люк пошел в сторону. Павлыш не удержал равновесия, и черепаха поддержала его щупальцем.

— Ну и гнали же вы, — сказал Ван, не скрывая злорадства, — ну и мчались. Местные формы жизни устрашающе действуют на отважный Дальний флот.

— Не бежал, а планомерно отступал, — сказал Пфлюг. Он был в фартуке. Над кастрюлями поднимался аппетитный дымок. На столе были расставлены тарелки. — Ты будешь ужинать с нами, Нильс?

Биоформ-черепаха ответил глухим механическим голосом:

— Не издевайся, Ганс. Ты что, не догадываешься, как мне иногда хочется нажраться? Или хотя бы сесть по-человечески за стол. Удивительное дело: организму это не требуется, а мозг все помнит, даже вкус черешни или березового сока. Ты когда-нибудь пил березовый сок?

— Разве в Норвегии есть березы? — удивился Иерихонский.

— В Норвегии много чего есть, в том числе и березы, — ответил биоформ. Он протянул Павлышу длинное щупальце, дотронулся до руки и добавил: — Считайте, что мы знакомы. Нильс Христиансон. Я не хотел вас испугать.

— У меня дрожат колени, — сказал Павлыш.

— У меня тоже бы дрожали. Я виноват, что не рассказал о Нильсе, — сказал Иерихонский. — Когда живешь здесь месяц за месяцем, настолько привыкаешь к обыденности биоформов и вообще всего, что нас окружает... Тем более, что я сильно осерчал на тебя, Нильс. Ты зачем гонял диагноста? Беспокоишься о здоровье? Что тебе стоило вызвать меня со Станции? Я бы немедленно прилетел. Кстати, Димов тоже тобой недоволен. Ты уже три дня не выходил на связь.

— Я сидел в кратере вулкана, — сказал Нильс, — только час назад вернулся. А пользовался диагностом, потому что приходилось испытывать себя при больших температурах. Я тебе все потом расскажу. А теперь вы мне скажите: что нового? Письма с Земли были?

— Письмо у меня, — сказал Пфлюг. — Кончу с обедом, дам.

— Хорошо. А я пока воспользуюсь рацией, — сказал биоформ и быстро подкатил к рации в углу. — Мне нужно поговорить с Димовым и сейсмологами. На Станции сейчас кто из сейсмологов?

— Все там, — сказал Ван. — А что? Будет землетрясение?

— Катастрофическое. Вообще-то весь этот остров может взлететь на воздух. Нет, не сегодня, напряжения еще терпимые. Мне нужно сверить кое-какие цифры с сейсмологами.

Нильс включил передатчик. Он вызвал Димова, потом сейсмологов. Он сыпал цифрами и формулами, словно они лежали у него в мозгу слоями, аккуратно связанные бечевкой, и Павлыш подумал, как быстро исчезает страх. Вот он уже сам для себя сказал: «Нильс включил передатчик». А еще пятнадцать минут назад он мчался со всех ног от этого Нильса, чтобы Нильс его не съел.

— Драч был на него похож. И Грунин тоже. Вы помните, Димов вам рассказывал? — сказал тихо Иерихонский.

— На рассвете придет флайер с сейсмологами, — сказал Нильс, отключая рацию. — Димов просил предупредить подводников.

— Ты можешь их запеленговать? — спросил Ван Иерихонского.

— Нет. Сандра никогда с собой рацию не берет. Ей она, видите ли, мешает. — Иерихонский был встревожен.

— А вы где живете, Нильс? — спросил Павлыш у биоформа.

— Мне нигде не нужно жить, — ответил тот. — Я не сплю. И почти не ем. Я хожу. Работаю. Иногда прихожу сюда, если соскучусь. Завтра, наверное, съезжу с вами на Станцию.

Они быстро поужинали, затем устроились на матах в заднем отсеке убежища. Нильс тоже остался в убежище снаружи у рации. Он читал. Уходя спать, Павлыш взглянул на него. Метровое полушарие,

исцарапанное, изъеденное жарой и кислотами, избитое камнями, подкатилось к стене, прижало к ней щупальцами раскрытую книгу и время от времени переворачивало страницы третьим щупальцем, выскакивающим молнией из панциря и исчезающим в нем.

В спальном отсеке было полутемно. Посапывал Пфлюг. Иерихонский спал спокойно, сложив руки на животе. Ван подвинулся, освобождая место Павлышу.

— Спать пора, — сказал из-за перегородки Нильс.

— Ты стал заботиться о нашем режиме? — спросил Ван.

— Нет, — сказал Нильс, — мне просто приятно, что я могу кому-то что-то сказать. И не формулы или наблюдения, что-нибудь будничное. Например: Маша, передай компот. Или: Ван, спи, завтра рано вставать.

Павлыш промаялся еще несколько минут, потом спросил у Вана:

— А Марина Ким далеко отсюда?

Ван не ответил. Наверное, заснул.

Павлыш проснулся от подземного толчка. Остальные уже встали. Пфлюг гремел банками, собирался на охоту.

— Павлыш, ты проснулся? — спросил Иерихонский.

— Иду.

Из-за перегородки тянуло пахучим кофе.

— Умойся в тазу, — сказал Иерихонский.

Таз стоял у окна, выходящего к морю. Вода в тазу была холодная. Берег странно преобразился за ночь. Он был покрыт снегом, залив замерз до самых рифов, о которые бились волны, а по пологому снегу, укрывшему ледяной панцирь залива, тянулись черные нитки трещин. Вдоль берега по снегу брел Нильс, оставляя за собой странный след, словно по целине проехала телега.

Позавтракав, Павлыш оделся и вышел наружу. Солнце выбралось из-за туч, и снег начал таять. Над черным, покрытым грязью склоном, поднимался легкий пар. Снег похрустывал под подошвами.

Пфлюг сидел на корточках, что-то выковыривая ножом из снега.

— Сегодня мы с вами сделаем по крайней мере три великих открытия, — сказал он Павлышу. Голос в шлемофоне звучал восторженно.

— Почему только три? — спросил Павлыш.

— Я сюда приезжаю восьмой раз и каждый раз нахожу по три незнакомых науке семейства. Разве это не великолепно?

Черной точкой обозначился в небе флайер. Солнце припекало, и Павлыш уменьшил температуру обогрева. Белое облако медленно ползло по небу, и флайер поднырнул под него, спускаясь к убежищу.

Прилетел Димов с сейсмологом Гогией.

— Где Нильс? — спросил он Павлыша, поздоровавшись.

— Наверное, полез в кратер.

— Плохие новости, — сказал Гогия. Он был молод, худ и легко краснел. — Нильс был прав. Напряжение в коре растет быстрее, чем мы считали. Эпицентр километрах в ста отсюда. Станцию не затронет.

Гогия показал в сторону солнца. Океан был спокоен, в заливе образовалась полынья, над ней поднимался пар.

— Я попробую связаться с Нильсом. — Гогия пошел в убежище.

Димов с Павлышем последовали за ним.

— Кто мог предположить, — сказал Иерихонский, увидев Димова, — что вы устроите землетрясение именно сегодня?

Он держал в руке чашку с кофе, от которой поднимался пар, как от гейзера.

— Передайте мне чашку, пожалуйста, — сказал Димов. — Ведь вы варили кофе для гостей, не так ли?

Димов выпил кофе залпом, несколько секунд сидел, потеряв дыхание. Наконец отдышался и сказал:

— Вот сейчас бы я погиб, и все вздохнули бы с облегчением.

— Мы бы не дали вам погибнуть, — возразил Павлыш. — Я реаниматор. В крайнем случае заморозили бы вас до Земли.

Гогия отправился на гору и обещал вернуться через час. Димов вышел на связь со Станцией, отдавая повседневные распоряжения, которые не успел отдать, потому что очень рано вылетел оттуда. Иерихонский вновь углубился в изучение лент диагноста. Ван разбирал какой-то прибор. Действия людей, оставшихся в убежище, были будничны, но с каждой минутой под куполом росло напряжение, невысказанное, но ощущавшееся даже Павлышем. Подводники должны были приплыть уже час назад, но их все еще не было...

Второй толчок землетрясения раздался примерно через час после прилета Димова. Ван, дежуривший у рации, сказал Димову:

— Нильс передает, что увеличилось выделение газов. Эскалация выше расчетной.

— Может нам эвакуировать убежище? — сказал Иерихонский. — И здесь остались бы только мы с Нильсом.

— Чепуха, — сказал Димов. — Ван, спроси сейсмологов, каковы перспективы для острова.

Земля под ногами мелко вздрагивала, будто кто просился наружу из запертого подвала.

— Если здесь будет извержение, поток должен пойти в другую сторону. Хотя, конечно, гарантировать ничего нельзя.

Вернулся Гогия с пленками, снятыми с самописцев.

— С ума сойти! — сказал он, не скрывая восторга. — Мы свидетели катаклизма настоящего масштаба. Какой сброс! Вы не представляете, что творится в океане!

Димов неодобрительно нахмурился.

— Простите, — сказал он Павлышу, — следовало бы дать вам возможность вернуться на Станцию. Здесь может быть опасно. Но мы ограничены в средствах транспорта.

Павлыш даже не успел оскорбиться. Димов и не смотрел на него.

— Ван, — продолжал Димов так же буднично, — немедленно вызывайте Вершину, пускай летят сюда.

— Зачем? — не сразу понял Ван.

— Искать. Будем их искать. Здесь глубины небольшие.

— Не выношу безделья, — сказал Иерихонский. — Я пойду на катере им навстречу.

— Катер поведет Ван, — сказал Димов. — Иерихонский пойдет с ним. Вы, Павлыш, останьтесь у рации и, если нужно, вылетите на флайере.

Павлыш подошел к рации и встал за спиной у Вана.

Ван сказал поднимаясь:

— Все позывные тут. Рация стандартна. Знакомы?

— Проходили.

Ван понизил голос и сказал на ухо Павлышу:

— Не спорьте с Димовым. Он сейчас — сплошные нервы. Катаклизм на носу. Иерихонский в истерике, а подводники ищут жемчуг в Синем гроте, не зная, что их ждет, когда они сюда явятся.

— Вы уверены, что тревога ложная?

— Иные варианты слишком опасны, — ответил лаконично Ван. Он взял свой комбинезон и маску.

За окном мелькнуло что-то белое, будто там махнули простыней.

— Эй, — сказал Ван, выглянув наружу, — на ловца и зверь бежит. Это же Алан!

— Где? — спросил Димов.

— Сам прилетел. Теперь вот доказывайте, что телепатии не существует.

Окно было прямо перед Павлышем. По черному, мокрому от растаявшего снега берегу медленно брела громадная белая птица. Такая же, как та, что Павлыш видел в день прилета.

Иерихонский уже был одет, он открывал люк. Димов тоже натянул маску.

— Павлыш, оставайтесь здесь. Не отходите от радики. Если что срочное, позовите меня. Я пошел поговорить с Аланом.

Со Станции сообщили, что флайер вылетел на поиски подводников. Спрашивали, что нового в убежище. Павлыш ответил, что пока ничего.

За окном Димов разговаривал с птицей. Птица еле доставала ему до пояса, но ее крылья, даже сложенные, тянулись метра на три, и концы их опирались на широкий хвост. У птицы была небольшая голова с коротким клювом и неподвижные голубые глаза.

Еще один толчок заставил зазвенеть неубранную посуду.

Подключился Нильс.

— Слушай, Ван, — сказал он своим тихим механическим голосом, — где расположен этот Синий грот?

— Ван ушел на катере. Наверное, туда. А я точно не знаю, где этот грот.

— А, это Павлыш? Тогда запиши точные параметры эпицентра.

За окном Димов кутался в куртку. Ему было очень холодно. Птица, покачиваясь, неловко взбежала на длинную, выдающуюся над заливом плиту, и расправила крылья. Тут же она превратилась в шестиметровый парус и не успела добежать до края плиты, как встречный ветер поднял ее на воздух, и, чтобы не потерять равновесия, Алан мощно взмахнул крыльями и начал набирать высоту.

Димов возился в переходнике, потом открыл люк, впусив клуб пара. Он старался унять дрожь.

— Думал, помру, — сказал он. — Молодец Алан.

— Почему? — спросил Павлыш.

— Ему не понравились волны в том секторе. У него своя теория — графическая. Характер и место приближающегося землетрясения он рассчитывает по рисунку волн. Ему хорошо — сверху все видно. С сейсмологами он из-за этого жутко спорит. Считает, что его теория — панацея от всех бед, а они полагают, что она сродни гаданию на кофейной гуще. Наверное, они правы, они специалисты... Меня кто-нибудь вызывал?

— Нильс просил передать вам данные по прогнозу.

— Давайте... нет, что за молодец Алан! Прилетел именно сюда. А знаете, Павлыш, я больше верю птицам, чем нашему катеру. Если бы Алан не прилетел, пришлось бы вас на флайере посылать.

— Говорит Вершина. Вершина вызывает убежище, — включился приемник.

— Кто на связи?

— Убежище слушает, — ответил Павлыш.

Димов подошел поближе.

— Говорит Сен-Венан. Мы вылетаем.

— Добро, — сказал Димов. — Не забудьте передатчик. Понимаете, — Димов обернулся к Павлышу, — наши передатчики хороши для геологов и других наземных жителей. Приторочил к груди и топай. А биоформам они неудобны. При любом подходящем случае они стараются от них избавиться. А в самом деле, на что летающему биоформу лишних триста граммов веса? Для него каждый грамм лишний.

В убежище вернулся Пфлюг. Он долго возился в переходнике, вздыхал, гремел банками, потом с трудом протиснулся в люк.

— Удивительный день, — сказал он, расставляя на столе свое хозяйство. — Три нормы, три нормы по крайней мере. Редчайшие экземпляры сами лезут на берег.

Он заметил, что Павлыш сидит за рацией, и сказал:

— Я видел, как уходил катер. Только не успел спросить. Что, подводники еще не приплыли?

— На всякий случай подготовьте медпункт, — сказал Димов.

— Наверное, лучше это сделаю я, — сказал Павлыш, — а вы пока подежурьте у рации.

— Во-первых, Пфлюг никуда не годный радист, — возразил Димов. — Во-вторых, вы, Павлыш, подозреваю, никуда не годный ветеринар. Вы забываете, что биологически наши друзья и коллеги не относятся к антропоидам.

— Да, — сказал Пфлюг, — правильно, как это ни печально. Но я уверен, что ничего плохого не случится.

Он открыл ящик в углу у перегородки, стал перебирать блестящие инструменты и лекарства, поглядывая при этом на банки со своими трофеями.

Поступили сообщения с флайера, который вылетел со Станции. Флайер прошел уже пятьдесят километров. Ничего в океане пока не замечено.

В окно Павлышу было видно, как со склона горы бежит Гогия. За ним, нагруженный контрольными приборами, следовал Нильс.

— Что там на катере? — спросил Димов.

Павлыш вызвал катер.

— Все время подаем сигналы, — сказал Ван. — Пока ответа нет. А что у вас нового?

— Ничего.

— Убежище! — наложил на эти слова ровный высокий голос одной из птиц. Павлыш еще не научился различать голоса биоформов. Видно, насадки у всех были однотипными. — Убежище! Вижу Сандру!

— Где? — спросил Павлыш.

— Юго-юго-запад от Косой горы. Тридцать миль. Вы меня слышите?

— А что она? — крикнул Иерихонский. — Что с ней?

— Она держится на воде, но меня не замечает.

— Катер, сообщите ваш квадрат, — сказал Димов. — 13-778, - сказал Ван, — северо-запад от острова.

Димов включил экран-карту.

— Семьдесят пять миль, — сказал он. — Даже если точно выйдете в квадрат, вам понадобится полчаса.

— До связи, — Ван отключился.

— Полчаса, — тихо повторил Димов. И тут же вызвал птиц: — Вы сможете оказать ей помощь?

— Нет, — ответил голос. — Я здесь одна. Мне ее не поднять. Она, по моему, без сознания.

Павлыш быстро натягивал комбинезон.

— Где маска?

— Возьми мою, — сказал Пфлюг, — вон моя лежит.

Димов увидел, что Павлыш почти одет.

— Ты знаешь этот флайер?

— Еще бы.

— Я с ним, — сказал сейсмолог Гогия. — Хорошо, что я не успел раздеться.

Димов повторил:

— Тридцать миль к юго-юго-западу. — Потом повернулся к микрофону. — Через две минуты к вам вылетает фраер. Будет минут через десять. А катер не успеет раньше, чем через полчаса.

Когда Павлыш закрыл за собой внешний люк, он успел поразиться тому, как изменилось освещение. Солнце затянуто красноватой дымкой, и черная гора подсвечена сзади, словно там таился театральный прожектор.

Сейсмолог первым легко вскочил во флайер. Павлыш поднял ногу, чтобы последовать за ним, но тут дверь в убежище открылась, вылетел Пфлюг, не успевший ни одеться, ни натянуть маску. Он открыл рот, пытаясь вдохнуть воздух, и кинул в их сторону маленький медицинский контейнер.

— Теперь держитесь, — сказал Павлыш, садясь за пульт и глядя через

боковое стекло, как Димов помогает Пфлюгу забраться обратно в убежище.

— Когда будете рассказывать внукам о сегодняшнем дне, не забудьте упомянуть, что вел машину экс-чемпион Москвы по высшему флайерному пилотажу.

— Не забуду, — ответил сейсмолог, вцепляясь в кресло.

Павлыш вышел из виража и пошел на максимальной скорости так, чтобы оставить по левую руку столб розового и бурого дыма, вставший над дальней от убежища стороной острова.

Через семь минут они увидели одинокую белую птицу, ходившую кругами метрах в двухстах над волнами.

Птица, заметив флайер, взмыла выше и замерла в воздухе, словно показывая точку, в которой находилась Сандра. Павлыш бросил флайер вниз и завис метрах в десяти над верхушками волн. Но даже с этой высоты он не сразу разглядел Сандру — ее тело терялось среди брызг, которые ветер срывал с верхушек волн.

— Видите? — спросил сейсмолог, выглядывая наружу.

Ветер сносил флайер, пришлось включить двигатель и маневрировать, чтобы не потерять Сандру из виду. Павлыш выпустил лестницу. Она мягко развернулась и ушла в воду в метре от Сандры.

— Что у тебя, Павлыш. Почему молчишь? — заговорила рация.

— Некогда. Мы ее нашли и будем поднимать.

Птица пролетела совсем рядом с кабиной. На груди у нее была видна черная овальная коробка передатчика. Птица поднялась чуть выше, и ее тень время от времени закрывала от Павлыша солнце.

Сейсмолог, захватив моток троса, спускался к воде, и Павлыш все внимание сосредоточил на том, чтобы не дать ветру снести флайер в сторону. Сандра, раскинув руки, покачивалась на волнах, словно в люльке, и казалось, что ее движения осмысленны.

Гогия вцепился одной рукой в лестницу, другой старался подвести под Сандру петлю. Это ему не удавалось. Павлыш пожалел, что не может оставить управление. Он сделал бы все проще и быстрее. Видно, Гогия никогда не занимался альпинизмом. Трос снова сорвался, сейсмологу не хватало руки, чтобы завести его за плечи Сандры. Павлышу показалось, что волны отчаяния, охватившего сейсмолога, достигают кабины флайера.

И в этот момент птица-биоформ решила на рискованный шаг. Она мягко и быстро спланировала против ветра и, улучив момент, когда Сандра скользила по внешней стороне волны и ее тело выступило наружу, схватила клювом петлю троса и мгновенно завела ее за плечи Сандры.

— Тяни! — закричал Павлыш сейсмологу.

Тот с трудом удерживал равновесие на лестнице, но сразу потянул, петля скользнула ниже и охватила Сандру за локти. Птица с трудом умудрилась ускользнуть от следующей волны. Когда она пролетала над флайером, Павлыш заметил, что передатчик она все же сбросила. Павлыш поднял вверх большой палец, и птица резко пошла в небо.

Вдвоем с Гогией они втянули Сандру в кабину. Прошло двадцать минут с отлета.

Динамик надрывался, требовал сведений, спрашивал, что происходит.

— Говорит Павлыш, — включил он передатчик. — Сандру мы подняли на флайер. Она без сознания.

— Слушай, — сказал Димов, — Сандру не трогайте. Наденьте ей кислородную маску и накройте ее чем-нибудь теплым.

Сейсмолог достал запасную маску и баллон. Глаза Сандры были закрыты, лицо казалось голубым. Сейсмолог убрал с лица Сандры мокрые волосы и стал прилаживать кислородную маску. Его руки чуть дрожали. Павлыш шел к убежищу на бреющем полете. Впереди как маяк поднимался столб дыма. Птица летела сверху, почти не отставая от флайера. Рация была включена, и Павлыш слышал, как Димов приказывает катеру оставаться в том районе и к острову не возвращаться.

Пфлюг ждал их на самом берегу залива. Закутанную Сандру осторожно вынесли из флайера и бегом перенесли к куполу. Люк был открыт, и через минуту Сандра уже лежала на столе. Димов ждал их в хирургическом халате и перчатках. Диагност был включен, и его щупы чуть дрожали, покачиваясь над столом.

— Будете мне ассистировать, — сказал Димов Павлышу.

У рации стоял Нильс.

— Все в порядке, — говорил он, — не волнуйся, Эрик. Ты же знаешь, если Димов сказал...

Сандра спала. Дыхание ее стало ровнее. Лицо покраснело, капельки пота блестели на висках.

— Что с ней случилось? — спросил Павлыш.

— Сработала предохранительная система. Если организм работает на пределе и создается опасность для жизни, она впадает в состояние, похожее на летаргический сон. Пока мы можем только предполагать, что подводники попали в землетрясение на глубине. Сандра смогла вырваться наружу, хоть и была ранена. У нее сломаны три ребра, обширное внутреннее кровоизлияние. Она плыла к базе, но ее силы иссякли. Значит, ей оставалось лишь подняться на поверхность. Утонуть Сандра не могла: когда она на жаберном дыхании, легкие служат как воздушный пузырь.

Метаболизм замедлился в несколько раз. Как только она потеряла сознание, ее вынесло на поверхность океана.

Сандра очнулась сразу, боли она не чувствовала.

— Димов, — сказала она с трудом, — ребят завалило...

— Спокойно, не волнуйся, девочка, — сказал Димов.

— Мы были в Синем гроте... начало трясти... Я была в стороне. Стас сказал, что ранен... Прости, Димов, Эрик знает?

Павлыш протянул Димову шарик-ампулу. Димов приложил ее к руке Сандры, и жидкость вошла в кожу.

— Ты можешь дать координаты?

— Да, конечно, я спешила... меня, наверное, отнесло в сторону... двадцать миль у юго-западу от острова, группа рифов, два поднимаются над поверхностью...

— Знаю, — сказал Пфлюг, — месяц назад мы с Ваном туда летали.

Сандра уснула.

— Нильс, вызови Вана. Он должен помнить об этих скалах.

Но сначала в динамике возник голос Иерихонского.

— Как Сандра?

— Сандра спит, — ответил Нильс. — Чего ты беспокоишься? Димов сказал, что все в порядке, а ты беспокоишься...

Купол содрогнулся, земля на мгновение ушла из-под ног, и диагност откатился от стола, натянув провода и щупы. Сандра застонала. Димов кинулся к столу, возвращая диагност на место и прикрывая телом Сандру, будто опасался, что сверху посыплются камни.

— Что? Что там у вас? — крикнул Иерихонский тонким голосом.

— Ничего особенного, землетрясение продолжается, — сказал Нильс. — Где Ван?

Иерихонский, передавая микрофон Вану, сказал:

— Они не представляют, каково мне здесь, когда ничего не можешь поделать.

И его голос пропал, растворился в тишине купола.

— Ван, — произнес Нильс, — ты знаешь две скалы в двадцати милях к юго-западу от убежища?

— Что-то не припомню. Мы примерно в этом квадрате. Но не помню. На карте их нет?

— Мы же месяц назад туда с тобой летали! — сказал Пфлюг.

— Прости, Ганс, — спокойно ответил Ван. — Месяц назад мы с тобой летали к северу от Станции. Ты собирал свои ракушки.

— Но приблизительно ты ту точку представляешь? — спросил Нильс.

— Двадцать миль?.. В пределах десяти миль от нас. Я подниму катер повыше, они должны быть на локаторе... Может, кто из птиц знает?

— Вызови птиц, — сказал Димов. Он освобождал Сандру от приборов.

— Зачем их вызывать, — сказал Нильс, — птицы здесь.

— Они здесь, — подтвердил Павлыш. — Один биоформ со мной прилетел. Тот, который Сандру нашел. А рацию он выкинул.

— Павлыш, вы сейчас свободны? Выйдите наружу, спросите у них про скалы.

Павлыш натянул маску.

Все три птицы сидели на большой плоской скале неподалеку от купола и тихо переговаривались, поворачивая изящные головы. Над ними поднималась черная кривая гора, окутанная дымом и окаймленная оранжевым сиянием. Давно Павлышу не приходилось видеть такого сказочного зрелища. Похоже было на скандинавскую сагу — громадные белые птицы, вулкан и голый холодный берег.

Увидев Павлыша, птицы поспешили навстречу.

— Как Сандра? — спросила одна из них.

— Сандра пришла в сознание, — сказал Павлыш, — и сообщила Димову, что подводников завалило в каком-то гроте в двадцати милях отсюда к юго-западу. Там должны быть скалы. Две из них поднимаются над водой. Но Ван таких скал не помнит.

— Там нет скал, — сказала вторая птица. — Мы этот район весь облетели. Ты не видел там скал, Сен-Венан?

— Нет, Алан, — ответила вторая птица. — Никогда не видел.

Алан обернулся ко второй птице.

— А ты?

Третья птица сказала:

— По-моему, я видела там два рифа. Они появляются только в отлив. Самые верхушки между волн.

— Спасибо, Марина, — сказал Алан.

— Марина? — повторил Павлыш. — Марина?

Но птица резко взмахнула крыльями и взмыла вверх в дымовой туче.

— Марина Ким? — спросил Павлыш у Алана.

— Да. Так что же вы теряете время?

Три белые птицы летели впереди флайера, чуть выше его. От обилия вулканического пепла воздух стал красноватым, зловещим, и крылья птиц отсвечивали пожаром.

Одна из птиц была Золушкой, которая переменяла обличье и не хотела, чтобы Павлыш об этом узнал...

— Кто пойдет с аквалангом? — спросил Нильс. Он занимал середину кабины, а остальные сидели вокруг, словно окружали громадный праздничный пирог. Нильс отмел все возражения Димова, который опасался, что ему будет трудно работать под водой:

— Вы без меня вряд ли сможете разобрать завал и пробиться вглубь. Вы будете взрывать скалы? Вы будете их разбирать голыми руками? Или будете ждать, пока с диспетчерской планетоида вам перекинут подводного робота?

— У нас есть свой. Его можно смонтировать, если нужно, за несколько часов.

— Вот именно. Несколько часов. И привести его туда на катере. И он, в результате, примется за работу, когда будет уже поздно.

— Ты прав, Нильс, — согласился Димов.

— А Марина давно на Станции? — спросил Павлыш через минуту.

— Она новенькая, — сказал Димов. — Месяц как в небе.

Внизу показался катер.

Катер рубил волны, выставив над ними голову-рубку.

Павлыш сказал Вану по рации:

— Поднимись в воздух и иди над водой на самом малом ходу.

— Зачем?

— Я сяду к тебе на палубу.

— Вряд ли это возможно.

— Другого выхода нет.

Птицы летели высоко, казались белыми точками под пурпурным потолком облаков. Потом пошли вниз и в сторону.

— Павлыш, — сообщил Алан, — две скалы над самой водой в полутора километрах от тебя. Мы идем вниз. Смотри.

— Хорошо, — ответил Павлыш. Он смотрел, как катер, расплескав пену, выходит из воды. Он стал постепенно снижаться, чтобы уравнивать свой ход со скоростью катера.

— Ровнее иди, — сказал он Вану.

— Как по ниточке, — ответил Ван.

— Держитесь!

Флайер опустился на палубу катера за рубкой. Палуба была мокрой и покатою с боков. Павлыш выпустил страховочные ноги флайера, и рубчатые присоски сжали бока катера.

— Некоторое время удержусь, — сказал Павлыш. — Откройте нижний люк.

Нильс прыгнул на палубу первым и, аккуратно переставляя

конечности, пошел к рубке. Щупальца свисали по бокам панциря — ими Нильс подстраховывался. Он не умел плавать и пошел бы на дно камнем. А глубина здесь немалая. Катер, с сидевшим на нем, словно всадник, флайером не спеша летел над волнами.

Павлыш поднял голову, разыскивая птиц. Но не увидел их.

Гогия замер у люка, не зная, что делать дальше. Пассажиры по очереди скрылись в рубке. Павлыш спросил Вана:

— Все благополучно?

— Да.

— Дай мне Димова.

— Я слушаю тебя, Слава.

— Я хотел бы пойти вниз с Нильсом. Я хороший ныряльщик, сильнее многих. Могу пригодиться.

— Нет, — сказал Димов, — оставайся где ты есть. Может получиться, что будешь нужнее как пилот, чем как ныряльщик.

Павлыш включил двигатель. Флайер, присев от напряжения, оторвал ноги от покато́й спины катера и резко взмыл вверх. Катер шлепнулся на волны и запрыгал как камень, полого брошенный с берега, затем скрылся под водой.

Поднявшись на сто метров, Павлыш разглядел белые буруны, в центре которых черными точками торчали вершины скал.

Павлыш вызвал Алана. Рация была только у него.

— Скажи спасибо Марине. Она вывела нас точно к месту.

Ему хотелось лишний раз повторить это имя. Он вдруг понял, что никакого шока, ужаса, отвращения, боли — ничего подобного не испытывает. То ли был подготовлен к такому повороту событий за последние сутки, то ли прав все же Димов: биоформ остается человеком, только экзотически одетым. Марину было жалко. Полгода назад... полгода назад она уже начала биоформирование. И почему-то ей надо было обязательно увидеть того человека на Луне, того капитана, который не захотел ее увидеть. Может быть, тот капитан предпочел отказаться от Золушки в хижине. Понятно, что она считала себя преступницей. Сбежала из института... ее вообще могли снять с эксперимента.

Павлыш услышал голос Димова:

— Они здесь, под осыпью.

— Вот видишь, — сказал Гогия, — я в этом не сомневался.

— Слушай, Павлыш, — сказал Димов, — мы сейчас на глубине сорока двух метров. Ван остается в катере. Мы с Нильсом выходим к оползню. Иерихонский будет страховать нас снаружи. На всякий случай включи

запись, регистрируй все наши движения.

— Ясно, — сказал Павлыш, — включаю запись.

— Мы выходим.

— Далеко им идти до завала? — спросил Павлыш Вана.

— Нет, я их отлично вижу.

Павлыш представил себе эту сцену. Катер завис у самого дна над камнями, среди обломков кораллов и перепутанных водорослей. Рядом с катером в нескольких шагах Иерихонский. Луч его шлемового фонаря высвечивает сутулого Димова в облегающем оранжевом скафандре и уверенно шагающую впереди черепаху.

— Мы дошли до осыпи, — сказал Димов. — Нильс ищет вход. Здесь должна быть трещина, сквозь которую выбралась Сандра.

Наступила длинная пауза.

Павлыш связался с островом. Там все было по-прежнему. Сандра спала. Пфлюг сказал, что положение в кратере стабилизировалось. Идет вязкая лава. Если скорость истекания сохранится прежней, то к утру площадь острова значительно увеличится. Лет через сколько-то можно будет сажать здесь цитрусовые.

Гогия оторвался от своих приборов, сел рядом с Павлышем.

— Все-таки я не завидую Иерихонскому, — сказал он. — Любить женщину, которая, в сущности, наполовину рыба...

— Но она всегда может вернуться в прежнее состояние.

— Трудно. Она же не совсем биоформ. Подводников готовили еще до Геворкяна. К тому же она и не захочет. Сандре нравится ее жизнь. Она помешана на океане. Когда-нибудь вам наверняка расскажут их историю. Очень романтично. Они познакомились, когда Сандра уже работала на Наири. Она прилетела как-то к нам в Тбилиси на конференцию, там встретила Иерихонского... ну и представляете... Он, когда все узнал, пытался ее отговорить. Безрезультатно. Так что же вы думаете: в результате он сам перешел работать на Проект, чтобы быть рядом.

Гогия вздохнул.

— А вы могли бы полюбить подводницу? — спросил Павлыш.

— Откуда мне знать, если у меня в Кутаиси молодая жена живет? Самая обыкновенная жена. Очень красивая. Я вам в Лаборатории фото покажу. Письмо прислала — три килограмма.

— Ну а вот... — Павлыш показал на реявших в небе птиц.

— Это совсем другое дело, — сказал Гогия. — У Алана у самого дочка в нашем институте работает. Это временно. Это как маска. Пришел домой, снял маску и живи.

— Ага, — раздался голос Димова, — есть щель!

Павлыш держал рацию на приеме, отключив передачу, чтобы его разговор с Гогией не мешал остальным.

— Да что там говорить, — продолжал Гогия, — вы у Вана были?

— Меня там поселили.

— Правильно. Большая комната. Светлая. Там на стене портрет Марины Ким висит. Не заметили?

Гогия не смотрел на Павлыша и не заметил, как тот покраснел.

— Мы с Нильсом отвалили камень, сказал Димов. — Есть ход. Очень узкий. В глубине еще завал.

— Ну и что? — спросил Павлыш у Гогии. — Вы сказали, что у Вана висит портрет Марины Ким.

— Да. Он в нее смертельно влюблен. Он знал ее еще на Земле, когда она стажировалась в институте. Меня тогда в институте не было, я только здесь к ним присоединился. А тут еще у Марины начались неприятности...

— Есть! — сказал Димов. — Пошел камень! Осторожнее!

Павлыш замер.

«Раз, — считал он про себя, — два, три, четыре, пять...»

Димов громко вздохнул.

— Ну и силища у тебя, Нильс... Он такую глыбу удержал, просто уму непостижимо.

На связь вышла Станция. Спрашивали, высылать ли второй флайер.

Павлыш велел ждать, пока смонтируют подводного робота. Может, придется его доставлять сюда.

— Правильно, — сказал Гогия. Потом продолжал свой рассказ: — Я деталей не знаю. Только все дело в ее отце. Он жуткий педант. Он запретил Марине идти к нам в институт. Сказал, что не захочет ее больше видеть... В общем, боялся за нее, пробовал воздействовать, но на Марину очень трудно воздействовать. Когда она все-таки не подчинилась, он, как человек слова, сказал, что больше ее не увидит. Правильно сказал. Отец всегда отец. Надо уважать.

— Трещина открыта — сказал Димов, — я остаюсь пока здесь. Нильс пытается до них добраться.

— Дальше, — сказал Павлыш.

— Вам, наверное, неинтересно.

— Ничего, все равно ждем.

— Ван помог Марине убежать из института на один день.

— На Луну? — вырвалось у Павлыша.

— А как вы догадались?

— Это было полгода назад?

— Да, как раз полгода. Она уже прошла курс подготовки, с нее сняли биокопии и начали обработку терапевтическими средствами, чтобы понизить сопротивляемость организма. Не могла она убежать. Не имела права. На месте Геворкяна я бы ее обязательно уволил. А она полетела на Луну. Оттуда должен был стартовать ее отец. Он капитан «Аристотеля».

— Нильс? Это ты, Нильс? — услышался голос Вана.

— Он передает, что нашел их, — сказал Димов, — нашел.

— В каком они состоянии?

— Не знаю, — сказал Димов, — ждите.

— Ну и чем все кончилось? — спросил Павлыш.

— А? Мы о Марине? Ничем. Простили. Ван всю вину взял на себя. Марина всю вину взяла на себя, Димов всю вину взял на себя, Геворкян посмотрел на них, старый человек, мягкий стал... и простил. Романтическая история. Только отец не простил. Улетел, понимаешь? Но простит. Куда денется...

— На какой они глубине? — спросил Павлыш у Вана, включив передачу.

— На двадцать метров ниже меня, — ответил Ван.

На катере заполнили водой грузовой отсек, поместили в него биоформов-акул и пошли к Станции.

Павлыш тем временем вернулся к острову, чтобы эвакуировать оттуда Сандру и Пфлюга и вывезти оборудование. Поток лавы изменил направление и угрожал заливу и убежищу. Сандра все еще не просыпалась.

Пока Пфлюг с Гогией устраивали в кабине Сандру, Павлыш возвратился в убежище. Он вытащил приборы, отключил питание рации, задраил люк. Теперь убежище будет пустовать до тех пор, пока природа не утихомирится. Гогия выскочил из флайера, взял один из ящиков, побежал обратно. Оставался еще один контейнер — такой тяжелый, что унести его можно было только вдвоем. Павлыш присел на край ящика, дожидаясь, пока кто-нибудь вернется помочь ему.

Все вокруг изменилось. Сутки назад залив был мирным, тихим уголком, даже волны не добирались до берега. Теперь низко над островом висели облака пепла, то и дело сыпал крупный мутный дождь. Вулканчик на склоне горы плевался грязью, поток лавы с вершины, дымясь, достиг уже залива и образовал язык полуострова. Струи пара вырывались сквозь трещины на склоне. Через них пробивались зловещие отблески оранжевых сполохов над вершиной горы.

Одна из птиц вернулась к острову вслед за флайером и кружила над

головой.

Павлыш помахал ей рукой. На птице не было рации, и он не мог спросить, кто это.

Грязевой вулкан вдруг выбросил высоко в небо струю жижи, словно хотел сбить птицу на лету, и та, сложив крылья, пошла в сторону.

Гогия сказал:

— Давай возьмем контейнер.

Павлыш встал, наклонился, подхватил контейнер, и они потащили его к флайеру. Земля под ногами мелко дрожала.

— У меня такое впечатление, — сказал Гогия, — что остров в любой момент может взлететь на воздух.

— Не беспокойся, — сказал Павлыш, — должны успеть.

— Алан на всякий случай нас страхует, — сказал Гогия, — тоже опасается.

— Это Алан? Ты как различаешь?

— Я так думаю, что это Алан. Он настоящий мужчина.

Конечно, это не Марина, подумал Павлыш. Ей не хочется со мной встречаться. Шлем заглушал грохот вулкана. До Павлыша доносился лишь ровный, глухой, утробный гул. Но в этот момент в недрах горы зародился такой пронзительный и зловецкий звук, что он проник внутрь шлема.

Человек, становящийся свидетелем катастрофы, внезапной и скорой, действует инстинктивно. И представление о том, в какой последовательности происходили события, складывается уже потом, когда все минует, и на собственные впечатления накладываются рассказы очевидцев. И если Павлышу показалось, что по склону горы ударил невидимый топор и она, как деревянная колода, начала разваливаться под этим ударом, то Пфлюг, видевший все из открытого люка флайера, мысленно сравнил взрыв с театральным занавесом, раздвигающимся в стороны в момент, когда оркестр гремит последним аккордом увертюры, а сквозь расширяющуюся щель проникает со сцены яркий свет.

Наверно, Павлыш стоял неподвижно более секунды. Почему-то он даже не упал, не потерял равновесия, и мозг его успел отметить, что гора распадается слишком медленно. И тут воздушная волна подхватила его и бросила к флайеру.

Сейсмолог висел в люке и что-то кричал, но Павлыш не слышал. Он смотрел на рушащуюся декорацию и видел, как гигантский вихрь подхватил птицу, белое перышко, бросил ее вверх, закружил и понес к воде...

— Скорее! — кричал Гогия. — Поднимайся!

Внутри горы была видна желтая раскаленная масса, мягкая и податливая. Она медленно вываливалась сквозь зубья скал.

Павлыш не мог оторвать взгляда от комка белых перьев, от пушинки, падающей в воду.

— Куда? — кричал Гогия. — Ты с ума сошел!

Павлыш подбежал к воде. Птица, несомая воздушной волной, падала как лист с дерева, бессильно вращаясь в воздухе.

Она должна была упасть метрах в ста от берега, но порыв встречного ветра бросил ее ближе к суше, и Павлыш, даже не подумав, глубоко ли там, побежал, увязая в грязи, скользя и стараясь удержать равновесие, а земля, вздрагивая, уходила из-под ног.

Сначала дно снижалось полого и грязная вода достигла коленей лишь шагов через двадцать.

Птица упала в воду. Одно крыло ее было прижато, другое белой простыней распласталось по воде. В птице была какая-то ватность, неодоушевленность. Дно уступом ушло вниз, и Павлыш провалился по пояс в воду. Каждый шаг доставался с трудом, вода в заливе бурлила и ходила водоворотами, хотя на поверхности вязкий слой пепла сковывал волнение, как пена в кастрюле закипающего супа.

Птицу медленно относил к центру залива, и Павлыш спешил, понимая, что плыть в своем комбинезоне он не сможет, и молил судьбу, чтобы дно больше не понижалось, чтобы хватило сил и времени добраться до белой простыни.

Он дотянулся до края крыла, и в этот момент его ноги потеряли дно. Не выпуская крыла и боясь в то же время, что перья могут не выдержать, Павлыш тянул птицу к себе, все глубже уходя в воду. Неизвестно, чем бы закончилось это акробатическое упражнение, если бы Павлыш не почувствовал вдруг, что кто-то его тянет назад. Несколько секунд он продолжал удерживать неустойчивое равновесие, потом, наконец, преодолел инерцию, и птица легко заскользила по воде к берегу.

Не отпуская крыла, Павлыш обернулся. Гогия стоял по пояс в воде, вцепившись сзади в комбинезон Павлыша. Глаза у него были бешеные, испуганные, и он несколько раз открывал рот, прежде чем смог произнести:

— Я... вы же могли... не успеть...

Они подхватили легкое, выскользающее из рук тело птицы, и понесли его к берегу. Голова птицы бессильно поникла, и свободной рукой Павлыш ее поддерживал. Глаза птицы были затянуты полупрозрачной пленкой.

— Ее оглушило, — сказал Павлыш.

Гогия не смотрел на него. Он глядел вперед, на берег.

Павлыш взглянул в ту сторону. Лава, выливавшаяся через расщелину в горе вязким языком, намеревалась отрезать им путь к берегу.

— Бери левее! — крикнул Павлыш.

Флайер находился по ту сторону лавового языка и казался мыльным пузырем на закате.

Им пришлось снова зайти вглубь почти по пояс, чтобы не попасть в закипающую воду, обогнуть стену пара, поднимающуюся на границе лавы и воды.

Павлыш с трудом потом мог вспомнить, как они добрались до флайера и занесли внутрь птицу — крыло никак не желало складываться и застревало в люке...

Павлыш поднял машину над островом и бросил ее в сторону моря.

— Ну все, — сказал он, — выбрались, теперь как-нибудь доплетемся до дому.

Гогия задраил люк. Пфлюг осматривал птицу.

Павлыш включил рацию.

— Сколько можно! — возмутился кто-то знакомым голосом. — Сколько можно молчать? Мы вызываем вас уже полчаса!

— Некогда было, — сказал Павлыш, — пришлось задержаться на острове. Димов вернулся?

— Они на подходе, — ответил тот же голос. — Нет, вы мне ответьте, кто вам дал право нарушать правила поддержания радиосвязи? Что за мальчишество? Кто управляет флайером? Это ты, Гогия? Я тебя отстраняю от полетов, и даже Димов не сможет тебя защитить. Стоит на два дня покинуть Станцию, и все летит кувыркком!

— Это вы, Спиро? — спросил Павлыш.

— Я, а кто за рулем, я спрашиваю?

— Павлыш.

— А, вот кто! Вас в Дальнем флоте не учат, что нужно поддерживать связь с центром?

— Да погодите вы, Спиро, — сказал Павлыш устало. — Я иду сейчас на малой скорости. Ждите через полчаса. Подготовьте операционную.

— Стой, не отключайся! — крикнул Спиро. — Выслать тебе на помощь второй флайер?

— Зачем? Чтобы летел рядом?

— А кто пострадавший?

Павлыш обернулся к Пфлюгу.

— Что там у Алана? Наверное, надо передать.

— Это не Алан, — сказал Пфлюг, — это Марина. У нее сломано крыло. Дай-ка мне микрофон...

Вершиной на Станции назывался большой, вырубленный над основными помещениями зал, специально оборудованный для птиц-биоформов. В зале был бокс для обследования биоформов, запасы пищи для них, здесь стояли их диктофоны и приборы, которыми они пользовались.

Павлыш с Мариной сидели в зале Вершины. Павлыш на стуле, Марина в гнезде из легкой частой сетки, которое соорудил для биоформов Ван.

Павлыш никак не мог привыкнуть к ее механическому голосу. Он понимал, что это не более как приставка — клюв Марины не был приспособлен для артикуляции. Но, слушая ее, он пытался себе представить настоящий голос Золушки, которую встретил на Луне.

Белая птица приподняла крылья, расправила их снова.

— У меня появляются странные рефлексy. Иногда мне кажется, что я всегда была птицей. Ты не представляешь, что это такое — парить над океаном, подниматься к облакам.

— Мне это снилось в детстве.

— Я хотела бы полетать над Землей. Здесь пусто.

— Не останься навсегда птицей.

— Захочу — останусь.

— Нельзя, — ответил Павлыш. — Я тебя буду ждать. Ты разрешила мне искать тебя, когда пройдут два года твоего затворничества.

— Ты нашел ту глупую записку.

— Она не глупая.

— Я чувствовала себя тогда такой одинокой, и мне так хотелось, чтобы кто-нибудь меня ждал.

— Погляди. — Павлыш достал из кармана уже потертую на сгибах записку. — Я перечитываю ее по вечерам.

— Смешно. И нашел меня здесь.

— Ничего не изменилось. Ты не лишена прелести и как птица.

— Значит, если бы я была черепахой, все было бы иначе?

— Наверняка. Я с детства не любил черепах. Они не спешат.

— Я, наверное, все-таки дура. Я была уверена, что любой человек, увидев меня в таком виде, будет... разочарован. Я хотела спрятаться.

— Значит, тебе мое мнение не было безразлично?

— Не было... я даже не могу стыдливо потупитьсья.

— Прикройсь крылом.

Марина расправила белое крыло и подняла его, закрывая голову.

— Вот и отлично, — сказал Павлыш. — Ты хотела передать со мной письмо твоему отцу?

— Да. Сейчас. Оно уже готово. Я его наговорила. Только жалко, что он не узнает моего голоса.

— Ничего страшного. Я все объясню. Я ему скажу, что передаю письмо, и тут же попрошу официально твоей руки.

— Ты с ума сошел! У меня нет рук!

— Это военная хитрость. Тогда отец поверит, что ты к нему вернешься живой и невредимой. Зачем иначе мне, блестящему космонавту из Дальнего флота, просить руки его дочери без уверенности, что эту руку я в конце концов получу.

— Вы самоуверенны, космонавт.

— Нет, так я скрываю свою робость. Мой соперник меня превосходит по всем статьям.

— Ван?

— С первого момента моего появления на Проекте он догадался, зачем я сюда пожаловал. Ты бы слышала, как он накинулся на меня за то, что я шел к Станции на ручном управлении.

— Глупый, он думал о нас. Мы спим на облаках. Ты мог меня убить.

— Тем более он превосходит меня благородством и верностью.

— Он мой друг. Он мой лучший друг. Ты совсем другое. До свидания, гусар Павлыш.

Птица смотрела через плечо Павлыша на дверь.

В дверях стоял Ван. Он, видно, стоял давно, все слышал.

— Грузовик готов, — сказал он, — мы отлетаем.

Повернулся, и его подошвы отбили затихающую вдали дробь по ступеням каменной лестницы.

— Выздоровливай, — сказал Павлыш, дотронувшись до мягкого крыла...

Когда грузовик приземлился на планетоиде, Ван сказал:

— Ты иди, там корабль ждет, а я останусь здесь. Надо приглядеть за разгрузкой.

— До свидания, Ван. Наверное, мы с тобой еще увидимся.

— Наверно. Галактика стала тесной.

Павлыш протянул руку.

— Да, — сказал Ван, — я совсем забыл.

Он нагнулся, достал из ящичка под пультом завернутый в пластик плоский квадратный пакет.

— Это тебе. На память.

— Что это?

— Посмотришь на корабле.

Когда Павлыш развернул на корабле пакет, оказалось, что это портрет Марины в тонко вырезанной из нефрита рамке.

ПЕРЕВАЛ

В доме было сыро, мошка толкалась у светильника, надо бы давно его погасить, мать, конечно, забыла, но на улице дождь, серость, полутьма. Олег валялся на койке. Ночью он сторожил, устал, гонял шакалов, они лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле была пустота и обыкновенность, хотя сам от себя ждал волнения, тревоги, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят, вернешься или не вернешься. Или сорок на шестьдесят? Должна быть закономерность. Должны быть закономерности, знать бы их, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить Старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипед еще не

изобретен, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашлялась мать. Она, оказывается, дома. А Олег думал, что ушла за грибами.

— Ты чего дома? — спросил он.

— Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

— А кто за грибами пошел?

— Марьяна с Диком.

— И все?

— Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было бы естественно, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Переспал, — сказала мать. — Если дожди не кончатся, до холодов огурцы не вызреют. Скоро все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел на потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Томаса — нос большой и острый, а сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Совсем не похоже на Томаса. В конце концов Дик в лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, он степной человек, сам всегда говорил. Может, Марьяна сама его позвала?

— Мошки много, — сказала мать. — Холодно ей в лесу.

— Нашла, кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жил Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали один выздоровеет, другой начнет — и ныли. Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить ночами. Слышно было, как они хором заныли — проголодались. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Значит, Старый пошел на кухню, и тут же загалдели малыши, ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать. — Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. Ночью плачет. Бормочет, ворочается, потом начинает плакать тихо, но можно догадаться, потому что шмыгает носом. Потом начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...». Олег, если слышит, замирает, потому что показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаться, что не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которых увидит

нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. А лицо красное, в оспинках от перекасти-поля, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выцвели. Мать сидит за столом, положив перед собой плоскими жесткими ладонями вверх мозолистые руки. Не плачь же, чего ты? Или она сейчас достанет фотографию? Правильно, подвинула к себе коробку, открывает. Достает фотографию. Хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну, как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случится. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить. Пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный, вперед выдается. Улыбается. Он всегда улыбался. Мать говорит, он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи. Не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и бледные губы. Широкие, крутые, дугами брови, под ними — ярко-голубые глаза. И белая кожа, очень белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и волосы черные, прямые, как у матери на фотографии. Отец с матерью стоят рядом, очень молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда Олега еще не было. Двадцать лет назад Олега еще не было. А пятнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — сказал Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пущу тебя, — сказала мать. — Не отпущу и все. Через мой труп.

— Мать, — сказал Олег и сел на койке. — Хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне. — Сказала мать. — Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить. Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу, — сказал Олег. — Воду кипятить?

— Да, — сказал Старый. — Спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком она чувствовала себя спокойно. Потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, он как будто родился охотником. Хотя родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу, как дома, — сказал Дик.

Он сказал громко. Он шел впереди и чуть сбоку. Куртка, мехом наружу, сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить. Марьяна никогда бы не смогла.

Лес был редкий, корявый, деревья выростали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отломают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, заскрипели. Болела ладонь. Она занозила ее, когда откапывала грибы у ущелья. Дик сразу вытащил занозу, чтобы не было отравления. Неизвестно, что за иголка. А она еще глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— Погоди, Дик, — сказала она. — Там цветок, которого я еще не видала.

— Может, обойдешься без цветов? — спросил Дик. — Домой пора. Мне что-то не нравится.

У Дика был особенный нюх на неприятности. Его надо было слушаться.

— Одну секунду, — сказала Марьяна и подбежала к стволу. Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, перемещаясь, выпуская ложноножки, чтобы не упустить ни одной капли дождя. Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее обыкновенных, тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашебуршились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые

пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он рванул Марьяну за плечи, посадил, оторвал ее судорожно сжатые болью пальцы от корней.

— Не открывай глаз, — приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие, тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура. Тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

— Больно.

Неожиданно он навалился на Марьяну и повалил на корни.

— Больно же!

— Еще один пролетел, — сказал он, поднимаясь. — Потом посмотришь. Он об мою спину рассыпался.

Еще два шарика перекасти-поля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголочек-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зазря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут из иголочек молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметинки.

— Ну ничего, — сказал Дик. — Больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное, чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгле смажет жиром. А то нарвет.

— Да, конечно, — Марьяна провела ладонью по щеке. Дик заметил, ударил по руке.

— Грибы хватала, цветок брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помогал Марьяне собирать их, раз уж она отказалась идти домой без грибов. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий, а Дик не хотел ничем занимать рук. В лесу решают секунды, и руки охотника должны быть свободны.

— Посмотри, — сказала Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая жесткая ладонь с обломанными ногтями задержалась на руке Дика. — Я очень изуродована?

— Смешно, — сказал Дик. — У всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

— Татуировка?

— Забыла? Старый учил нас по истории, что Дикие племена себя специально так украшали. Как наградами. Тебе не понять. Ты всегда в окно глядела.

— Так это дикари, — сказала Марьяна. — А мне больно.

— Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

— Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное — не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

— Я не буду, — сказала Марьяна.

— Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы буквально прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы на плечах, мешают. Плохо, что он живет один. Все живут вместе, а он один. С тех пор, как его отец умер, так и живет. Привык уже.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

— Да, — сказал он. — Звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно бежать быстро. Те, кто бегают не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их кидать. Уже скоро будет вырубка, а потом — поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она видела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил арбалет так, чтобы удобнее. Она тоже вытащила нож из-за пояса. Но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или окапывать грибы. А если тебя догоняют шакалы, то нож не поможет, лучше взять палку.

Они уже бежали по тропинке, шакалы редко подходят так близко к деревне, но Томас утром, выпуская за изгородь, сказал, что ночью шакалы подходили близко и Олег их еле отогнал.

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку, чтобы не добрались крысы. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул:

«Червяк!». И они сгрудились в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам, рыжая рут, дочка Томаса, завопила, видно, червяк угодил ей по руке жгучей присоской, ее мать высунулась из дома напротив и крикнула:

— Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно остаться! Немедленно домой!

Но ученики решили обязательно вытащить червяка наружу, и Олег знал, почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красным, то синим, это очень интересно, только интересно нам, здешним, а не матерям, которые панически боятся червяков, в общем безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, сказал:

— Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в ее конец, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбалетом в руке. И в позе Томаса было напряжение. Неладно, сказал себе Олег. Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не думает, что она совсем другая, чем он, что она еще девочка и ее надо беречь.

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плену, рыжую рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и пользы от него поэтому никакой.

— Что? — спросил он Томаса.

Тот не оборачиваясь сказал:

— По-моему, шакалы опять шлятся. Стая.

— Та же, что и ночью?

— Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьяну ждешь?

— Они с Диком за грибами пошли.

— Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. В этих словах была обида, хотя Томас не хотел обижать Олега. Просто так получалось, что Дик надежнее, Дик охотник, а ты, Олег, не очень охотник. Как будто быть охотником — высшее достижение человечества.

— Я, конечно, понимаю, — улыбнулся вдруг Томас. Он опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды. — Но это вопрос ситуации. В небольшом обществе, скажем, племени, подобном нашему, способности, к примеру математические, отстают на шаг по шкале ценностей по

сравнением с умением убить медведя. Что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, тонкие длинные губы гнулись в углах, словно не помещались на лице, лицо было очень темным, все в глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки желтые. У Томаса болела печень. И от этой болезни он стал совсем лысый. И еще у него были слабые легкие, и он часто кашлял. Но все равно Томас был вынослив и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил стрелу. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов, словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он рухнул на луг и, дернувшись, затих.

— Выстрел мастера, — сказал Олег.

— Спасибо. Надо бы его поскорей оттащить. Пока воронье не налетело.

— Я притащу, — сказал Олег.

— Нет, — сказал Томас. — Он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Если ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю идти. Сколько шакалов в стае?

— Я шесть штук ночью насчитал, — сказал Олег.

Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торчала вокруг, как иглы.

Олег повернулся было, чтобы бежать за арбалетом. И тут же его остановил свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка слышно: Все на помощь!

Бежать обратно? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.

— Что там? — Мать стояла в дверях. Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал крюк. — Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?

— Стрелы за плитой, — сказала мать. — Что случилось? Что-нибудь с Марьяной?

Старый выбежал с копьем. Он не умел стрелять из арбалета, да и как будешь с одной рукой? Олег обогнал Старого, тащил стрелу из колчана, хоть не стоило делать этого на ходу.

Вся малышняя деревни неслась к изгороди.

— Назад! — крикнул им Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегали сзади, замереть.

И тогда из серой, ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик.

Крик был далекий, короткий, он прервался, и наступила бесконечная тишина, потому что ни одна душа в поселке не смела даже дышать. Даже младенцы в колыбели замолкли. И Олег представил, нет, увидел, как там, за стеной дождя и белесых стволов, в живом, дышащем, движущемся лесу, прижимаясь спиной к теплой и жгучей коре сосны, стоит Марьяна, а Дик, упав на колени, кровь хлещет из разорванной зубами шакала руки, старается перехватить копьё...

— Старый! — крикнул Томас. — Борис! Останешься у изгороди. Олег, беги за нами.

У леса их догнала тетя Луиза с ее знаменитым тесаком, которым она в том году отогнала медведя. В другой руке она несла головешку. Тетя Луиза была большой, толстой и страшной женщиной — короткие седые космы во все стороны, балахон надулся колоколом. Даже деревья пугливо втягивали ветки и скручивали листья, потому что тетя Луиза была, как богиня мести, как злой дух, который зимой рычит в ущелье. И когда тетя Луиза споткнулась о лиану-хищницу, та, вместо того, чтобы схватить жертву щупальцами, метнулась к стволу и спряталась за него, как трусливая змея.

Томас так неожиданно остановился, что Сергеев чуть не налетел на него, и, сунув два пальца в рот, свистнул. Никто в деревне не умел так оглушительно свистеть.

Когда свист прервался, Олег понял, насколько затаился, испугался лес человеческого топота, человеческой тревоги и человеческого гнева. Только слышно было, как тяжело дышит грузная тетя Луиза.

— Сюда! — крикнула Марьяна. Голос ее прозвучал совсем близко. Она даже не крикнула, она позвала, как зовут с другого конца поселка. И потом, когда они побежали снова, Олег услышал голос Дика, вернее, рев, как звериный, и бешеное уханье шакала.

Олег метнулся в сторону, чтобы обогнать тетю Луизу, но перед ним возникла спина Сергеева, который не успел даже одеться, бежал в одной рубашке и кожаных штанах, без куртки.

Марьяна, как в видении Олега, стояла, прижавшись к мягкому белому стволу старой толстой сосны, который подался внутрь, будто старался оградить девушку. Но Дик не упал. Дик отбивался ножом от большого седого шакала, который увертывался от ударов, шипя и извиваясь. Еще один шакал корчился сбоку на земле, стрела в боку. И штук пять, не меньше, сидели в ряд в сторонке, будто зрители. У шакалов есть такая странная манера. Они не нападают скопом, а ждут. Если первый не справится с добычей, за дело принимается второй. И так пока не победят. Им друг друга не жалко. Они этого не понимают. Сергеев, когда вскрывал

одного шакала, даже мозга у него не нашел.

Шакалы-зрители как по команде повернули морды к людям, которые ворвались на поляну. И Олегу показалось вдруг, что красные точки шакальих глаз смотрят на него с осуждением. Разве можно нападать всем вместе? Это же не по правилам.

Шакал, который все норовил выхватить, захватить зубами нож, вдруг повалился набок, из основания длинной шеи торчала стрела. Оказывается, Томас успел выстрелить, пока Олег разглядывал сцену на поляне. За ту секунду, пока Олег разглядывал, соображал, что к чему. А Дик словно ждал этого, тут же повернулся к остальным шакалам и бросился на них с копьем. А рядом с ним уже были Сергеев и тетя Луиза с тесаком и головешкой. И прежде чем шакалы поняли, что им надо бежать, двое из них валялись мертвыми, а остальные свернулись кольцами, чешуйчатые плоские хвосты концами на голые затылки, и покатались в чащу. И никто за ними не побежал. А Олег шагнул к Марьяне.

— С тобой ничего?

Марьяна плакала. Прижимала к груди шевелящийся мешок с грибами и горько плакала.

— Ну скажи, скажи!

— Меня перекасти-поле изжалило, — плакала Марьяна. — Теперь я буду рябая.

— Жаль, что вы так быстро прибежали, — сказал Дик, вытирая кровь со щеки, — я только во вкус вошел.

— Не говори глупостей, — попросила тетя Луиза.

— Третий или четвертый тебя бы одолел, — изрек Сергеев.

По дороге к поселку Дика начало трясти — от шакальих зубов никому еще хорошо не бывало. Все сразу пошли в дом к Вайткусу. Сам Вайткус болел, лежал, а его жена Эгле достала из аптеки — ящичка в углу — примочки и настой против шакальего яда, потом промыла рану Дика и велела ему спать. Марьяна хотела проводить Дика, но он отказался. Он не выносил собственной слабости. Через час-два лихорадка уляжется, а когда ему было больно и плохо, он не хотел, чтобы другие видели.

Эгле поставила на стол миску с сахаром, который выпаривают из корней осоки, что на болоте. Только они с Марьяной знали, как отличить сладкую осоку от обыкновенной. И еще малыши, которые чутьем знают, какая трава сладкая, а какую нельзя трогать. Потом Эгле разлила по чашкам кипятка, и каждый сам черпал ложкой густой серой сахарный кисель. У Вайткусов просто. К Вайткусам все любят ходить.

— Ничего страшного? — спросил Томас у Эгле. Как будто не

спрашивал уже три раза.

— На нем, как на кошке, сразу заживает.

— Ты все-таки сомневаешься? — спросил Сергеев.

— Я не сомневаюсь, — сказал Томас. — Другого выхода нет. Ты предлагаешь ждать еще три года? Мы выйдем от скудости.

— Мы не выйдем, — успокоил с койки Вайткус. Борода и копна волос скрывали все лицо. Был виден только красный нос, светлые пятна глаз. Неизвестно, откуда вылезал тонкий голос. — Мы окончательно одичаем.

— Одно и то же, — сказал Томас. — Попался бы мне Даниэль Дефо. Жалкий враль.

Вайткус захохотал, словно закашлялся.

Олег уже слышал эти разговоры. Сейчас их вести — совсем уже пустое дело. Он хотел было пойти в сарай, где Старый с учениками снимал шкуры с убитых шакалов, поговорить со Старым. Просто поговорить. Но потом поглядел на миску с сахаром и решил съесть еще немного. Дома они с матерью доели свою долю еще на позапрошлой неделе. Он зачерпнул сахару так, чтобы ложка была неполной.

— Пей, Марьяшка, — сказала Эгле. — Ты устала.

— Спасибо, — поблагодарила Марьяна. — Я грибы отмачивать положу. А то заснут.

Олег разглядывал Марьяну, будто впервые увидел, даже ложку забыл поднести ко рту. У Марьяны губы как будто нарисованы, они чуть темнее к краям, удивительные губы, таких ни у кого больше нет во всей деревне. Хотя она немного похожа на Сергеева. Совсем немного. Наверное, тоже похожа на мать, только ее матери Олег не помнил. А может быть, на своего деда? Удивительная вещь — генетика. Старый в теплице — яме за сараем, хозяйстве Марьяны, ставил для учеников опыты Менделя с горохом. Ну, правда, не с горохом, а со здешней чечевицей. Все сходилось, только с коррективами. Иные наборы хромосом, разумеется, иные. У Марьяны треугольное лицо, скулы и лоб широкие, а подбородок острый, так что глазам на лице места много, и они заняли все свободное место. И очень длинная шея, сбоку на ней шрам, розовый, с детства. Марьяна к нему привыкла, а из-за перекасти-поля переживает. Не все ли равно, есть у человека точки на лице или нет? У всех есть. А на шее у Марьяны, как у других женщин или девочек в поселке, веревка с деревянной бутылочкой противоядия. Мужчины противоядие носят в кармане.

— Представь себе, что поход кончится трагически, — вслух подумал Сергеев.

— Не хотел бы, раз я в нем участвую, — сказал Томас. Вайткус опять

засмеялся, забулькало где-то в середине бороды.

— Парни, Дик с Олегом, — надежда нашего поселка, его будущее. Ты один из четырех последних мужчин.

— Приплюсуйте меня, — пробасила Луиза и начала громко дуть в чашку, чтобы остудить кипяток.

— Меня ты не убедишь, — сказал Томас. — Но если очень боишься, давай оставим Марьяну здесь.

— Я боюсь за дочь — да. Но сейчас разговор идет о более важных вещах.

— Я пойду грибы намочу, — легко поднялась Марьяна.

— Кожа да кости, — сказала тетя Луиза, глядя на нее. — Буквально кожа да кости.

Проходя мимо отца, Марьяна дотронулась кончиками пальцев до его плеча. Он поднял трехпалую ладонь, чтобы накрыть кисть Марьяны, но она уже убрала руку и быстро прошла к двери. Дверь открылась, впустив мерный шум дождя, и громко хлопнула. Олег чуть было не сорвался вслед за Марьяной, но удержался, неудобно как-то.

Из второй комнаты вышел, нетвердо ступая, один из сыновей Вайткуса. А всего у Вайткусов было шестеро детей, мировой рекорд.

— Сахару, — попросил сердито ребенок.

— Я тебе покажу — сахару! — возмутилась Эгле. — А зубы у кого болят? У меня? А босой кто ходит? Я?

Она подхватила мальчишку и унесла из комнаты.

Олег увидел, что его рука сама по себе снова зачерпнула сахару из миски. Он рассердился на себя и вылил ложку обратно. Пустую поднес ко рту и облизал.

— Давай я тебе еще кипятку налью, — предложила тетя Луиза. — Жалко мне ребят наших, всегда какие-то недокормленные.

— Сейчас еще ничего, — сказала Эгле, возвращаясь в комнату. Вслед ей неся басовитый рев Вайткуса-младшего. — Сейчас грибы пошли. И витамины есть. Хуже с жирами...

— Мы сейчас пойдем, — тетя Луиза все беспокоилась. — Ты бледная совсем.

— Ты же знаешь, почему, — постаралась улыбнуться Эгле. Но улыбка получилась гримасой, как будто ей больно.

Эгле месяц назад родила ребенка, девочку, мертвую. Старый говорил, что ей уже поздно рожать. И организм истощен. Но она — человек долга. Род должен продолжаться. Понимаешь? Олег понимал, хотя разговоры об этом неприятны, потому что об этом вроде бы не надо говорить.

— Спасибо за угощение, — поблагодарила тетя Луиза.

— А как ты умудрилась раздаться, непонятно, — сказал Томас, глядя, как громоздкое тело тети Луизы плывет к двери.

— Я не от хорошей жизни распухла, — Луиза не оборачивалась. В дверях она остановилась и сказала Олегу: — Ты от всех треволнений к Кристине забыл зайти. Они тебя ждут. Нехорошо.

Конечно. Как плохо! Он же должен был еще час назад зайти. Олег вскочил.

— Я сейчас.

— Ну ладно, я так, для дисциплины, — сказала тетя Луиза. — Я сама загляну. Своих сирот накормлю и зайду.

— Не надо.

Олег выскочил на улицу следом за тетей Луизой. И тут вспомнил, что забыл поблагодарить Эгле за кипяток с сахаром. Но возвращаться было нелегко.

Они пошли рядом, идти недалеко. Всю деревню можно обежать за две минуты. По периметру изгороди.

Дома под косыми, односкатными крышами теснились, прижимались один к другому, двумя полосками по обе стороны прямой дорожки, что резала деревню пополам, от ворот в изгороди до общего сарая и склада. Крытые плоскими розоватыми длинными листьями водяных тюльпанов крыши блестели под дождем, отражая всегда серое, всегда туманное небо. Четыре дома на одной стороне, шесть домов на другой. Правда, два дома пустых. Это после прошлогодней эпидемии.

Дом Кристины предпоследний, за ним только дом Дика. Тетя Луиза живет напротив.

— Не страшно уходить? — спросила тетя Луиза.

— Надо, — сказал Олег.

— Ответ, достойный мужа, — тетя Луиза почему-то улыбнулась.

— А Сергеев Марьяну не пустит? — спросил Олег.

— Пойдет твоя Марьяна, пойдет.

— Ничего с нами не случится. Четыре человека. Все вооруженные. Не первый раз в лесу.

— В лесу не первый раз, — согласилась Луиза. — Но в горах совсем иначе.

Они остановились между домами Кристины и Луизы. Дверь к Луизе была приоткрыта, там блестели глаза — Казик, приемщик, ждал тетю.

— В горах страшно. Я на всю жизнь запомню, как мы по горам шли. Люди буквально на глазах замерзали. Утром поднимаемся, а их

недобудишься.

— Сейчас лето, — сказал Олег. — Снега нет.

— Легенды, легенды, принимаешь желаемое за действительное. В горах всегда снег.

— Но если пройти нельзя, мы вернемся, — успокоил Олег.

— Возвращайтесь. Лучше возвращайтесь.

Луиза повернула к своей двери. Казик запищал от радости. Олег толкнул дверь к Кристине.

У Кристины душно, пахнет чем-то кислым, плесень уже закрыла стены, и хоть плесень желтая, оранжевая, яркая, в комнате от этого не светлей. И светильник не горит.

— Привет, — Олег придержал дверь, чтобы разглядеть, кто где в темной комнате. — Вы не спите?

— Ох, — вздохнула Кристина. — Пришел все-таки, я думала, что не придешь, я так и полагала, что ты забудешь. Раз вы в горы собрались, то зачем обо мне помнить?

— Ты не слушай ее, Олег, — сказала тихо, очень тихо, почти шепотом Лиз. — Она всегда ворчит. Она и на меня ворчит. С утра до вечера. Надоело.

Олег нашел стол, пошарил по нему руками, отыскал светильник, вынул из кошелька на поясе кремень и трут.

— Чего без света сидите? — спросил он.

— Там масло кончилось.

— А где банка?

— Нет у нас масла, — сказала Кристина. — Кому мы нужны, две беспомощные женщины? Кто принесет нам масла?

— Масло на полке, справа от тебя. Вы когда уходите? — спросила Лиз.

— После обеда. Как себя чувствуешь?

— Хорошо. Только слабость.

— Эгле сказала, дня через три ты уже встанешь. Хочешь, мы тебя к Луизе перенесем?

— Я не оставлю маму, — сказала Лиз.

Кристина не была ей матерью. Но они давно жили вместе. Когда они пришли в поселок, Лиз было меньше года, она была самая малюсенькая. Ее мать замерзла на перевале, а может, попала под снежную лавину, Олег точно не помнил. А отец погиб еще раньше. Кристина несла Лиз все те дни. Она тогда была сильная, смелая, у нее еще были глаза. Так и остались они вдвоем. Потом Кристина ослепла. Из-за тех же перекаати-поле, не знали еще, что делать. Вот и ослепла. Она редко выходит из дома. Только летом.

И только если нет дождя. Все уже привыкли к дождю, не замечают его. А она не привыкла. Если дождь, ни за что не выйдет. А если сухо, иногда выглянет из двери, потом сядет на ступеньку и сидит, а если кто проходит мимо, она угадывает кто и жалуется ему. Старый говорит, что Кристина немного ненормальная. Что раньше она была крупным астрономом. Очень крупным астрономом.

— Конечно, — сказала Кристина, — перенесите ее куда-нибудь. Зачем ей со мной подыхать?

Олег отыскал на полке банку с маслом, налил в светильник и зажег его. Сразу стало светло. И видна была широкая кровать, на которой под шкурами лежали рядом Кристина и Лиз. Олег всегда удивлялся, насколько они похожи, не поверишь, что не родственники. Обе белые, с желтыми волосами, с широкими плоскими лицами и мягкими губами. У Лиз зеленые глаза. У Кристины глаза закрыты. Но, говорят, тоже были зелеными.

— Масла еще на неделю хватит. Потом Старый принесет. Вы не экономьте. Чего в темноте сидеть.

— Жаль, что я заболела, — сказала Лиз. — Я хотела бы пойти с тобой.

— В следующий раз, — сказал Олег.

— Через три года?

— Через год.

— Через этот год, значит — через три года. У меня слабые легкие.

— До зимы еще долго, выздоровеешь.

Олег понимал, что говорит не то, чего ждала от него эта девушка с белым широким лицом. Когда она говорила о перевале, о походе, она имела в виду совсем другое: Чтобы Олег всегда был вместе с ней, потому что ей страшно, потому что она совсем одна, и Олег старался быть вежливым, но не всегда удавалось, потому что Лиз раздражала: Ее глаза всегда чего-то просили, она хотела остаться с Олегом вдвоем, чтобы целоваться.

Кристина поднялась с постели, подобрала палку, пошла к плите. Она все умела делать сама, но предпочитала, чтобы приходили помогать соседи.

— Олег, — Лиз поднялась на локте. Открылась большая белая грудь, и Олег отвернулся. — Олег, не уходи с ними. Ты не вернешься. Я знаю, ты не вернешься. У меня предчувствие...

— Может, воды принести? — спросил Олег.

— Есть вода, — сказала Лиз. — Ты не хочешь меня послушаться. Ну хотя бы раз в жизни!

— Я пошел.

— Иди, — сказала Лиз.

В дверях его догнали слова:

— Олечка, ты посмотри, может, там есть лекарство от кашля. Для Кристины. Ты не забудешь?

— Не забуду.

— Забудет, — сказала Кристина. — И в этом нет ничего удивительного.

Старый мылся на кухне над тазом.

— Крупных зверей вы убили, — сказал он. — Шерсть только плохая, летняя.

— Это Дик с Сергеевым.

— Ты сердит? Ты был у Кристины?

— Там все в порядке. Потом принесите им масла. И еще у них картошка кончается.

— Не беспокойся. Заходи ко мне, поговорим напоследок.

— Может, к нам?

— У меня тихо, близнецы на улице играют.

— Только недолго! — крикнула мать из-за перегородки. Старый ухмыльнулся. Олег снял полотенце, протянул ему, чтобы удобней было вытереть руку. Правую Старик потерял лет пятнадцать назад, когда они первый раз пытались пройти к перевалу.

Олег прошел в комнату Старого, сел за стол, отполированный локтями учеников, отодвинул самодельные счеты с сушеными орехами вместо костяшек. Сколько раз он сидел за этим столом? Несколько тысяч раз. И все, что знает, почти все, услышал за этим столом.

— Мне страшнее всего отпускать тебя, — сказал Старик, садясь напротив, на учительское место. — Я думал, что через несколько лет ты сменишь меня. И будешь вместо меня учить детей.

Он подобрал со стола темную деревянную табличку, стер с нее криво выведенные мелом буквы, Олег подумал, что давным-давно он тоже учился писать на такой табличке. Может быть, на этой самой.

— Я вернусь, — сказал Олег. Он подумал: А что сейчас делает Марьяна? Грибы она уже замочила, потом переложила свой гербарий, она обязательно перекладывает гербарий. Собирается? Говорит с отцом? Спит?

— Ты меня слушаешь?

— Да, конечно, учитель.

— И в то же время я сам настаивал на том, чтобы тебя взяли за перевал. Пожалуй, тебе это нужнее, чем Дику или Марьяне. Ты будешь моими глазами, моими руками.

Старый поднял свою руку и посмотрел на нее с интересом, словно никогда не видел. И задумался. Олег молчал, оглядывая комнату. Старый

иногда замолкал так, внезапно, на минуту, на две. Надо привыкнуть. У каждого свои слабости. Огонек светильника отражался на отполированном, как всегда чистом микроскопе. В нем не было главного стекла. Сергеев тысячу раз говорил Старому, что пустая трубка слишком большая роскошь, чтобы держать ее на полке, как украшение. Дай мне ее в мастерскую, Боря, говорил он, я из нее сделаю два чудесных ножа. А Старый не отдавал.

— Прости, — сказал Старик. Он прищурил добрые серые глаза, погладил аккуратно подрезанную белую бороду, за которую тетка Луиза почему-то звала его Хемингуэем. — Я размышлял. И знаешь о чем? О том же, что и раньше, о том, что в истории земли уже бывали случаи, когда по той или иной несчастливой случайности небольшой коллектив, группа людей оказывались отрезанными от общего потока цивилизации. И тут мы вступаем в область качественного анализа...

Старик опять замолк и пожевал губами. Ушел в свои мысли. Олег к этому привык. Олегу нравилось сидеть рядом со Стариком, просто молчать, просто сидеть, и ему казалось, что знаний в Старике так много, что сам воздух комнаты полон ими.

— Одному человеку для деградации достаточно нескольких лет. При условии, что он — белый лист бумаги. Известно, что дети, которые почему-то попадали в младенчестве к волкам или тиграм, а такие случаи отмечены в Индии и Африке, через несколько лет безнадежно отставали от своих сверстников. Они становились дебилами. Дебил — это...

— Я помню.

— Прости. Их не удавалось вернуть человечеству. Они даже ходили только на четвереньках.

— А если взрослый?

— Взрослого волки не возьмут.

— А на необитаемый остров?

— Варианты различны, но человек неизбежно деградирует... степень деградации... — Старик взглянул на Олега, Олег кивнул. Он знал это слово. — Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от характера человека. Но мы-то говорим о социуме, о группе. Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в какой находилась в момент отчуждения?

— Может, — сказал Олег. — Это мы.

— Не может, — ответил Старик. — Но для младенца достаточно пяти лет, для группы, даже если она не вымрет, потребуется два-три поколения. Для племени — несколько поколений... для народа, — может быть, века. Но процесс необратим. Он проверен историей. Возьмем австралийских

аборигенов...

Вошла мать Олега. Она была причесана, надела выстиранную юбку.

— Я посижу с вами, — сказала она.

— Посиди, Ирочка, — сказал Старик. — Мы беседуем о социальном регрессе.

— Я уж слыхала. Ты рассуждаешь, через сколько времени мы начнем ходить на четвереньках? Так я тебе отвечу — раньше мы все передохнем. И слава богу. Надоело.

— А ему не надоело, — сказал Старик. — И моим близнецам не надоело.

— Из-за него и живу, — сказала мать. — А вы его посылаете на верную смерть.

— Если встать на твою точку зрения, Ира, — ответил Старый, — то здесь смертью грозит каждый день. Здесь лес — смерть, зима — смерть. Наводнение — смерть, ураган — смерть, укусы шмеля — смерть. И откуда смерть выползет, какое она примет обличье, мы не знаем.

— Смерть выползает, когда хочет, и забирает, кого пожелает, — сказала мать. — Одного за другим.

— Нас больше, чем пять лет назад. Главная проблема — не физическое выживание, а моральное.

— Нас меньше! Нас с тобой меньше! Ты понимаешь, нас совсем не осталось! Что эти щенки могут без нас?

— Можем, — сказал Олег. — Ты в лес одна пошла бы?

— Лучше повеситься. Я порой на улицу боюсь выходить.

— А я хоть сейчас пойду. И вернусь. С добычей.

— То-то сегодня Дика с Марьяшкой еле спасли.

— Это случайность. Ты же знаешь, что шакалы стаями не ходят.

— Ничего не знаю! Пошли все-таки стаей или нет? Пошли?

— Пошли.

— Значит, ходят...

Олег не стал больше возражать. Мать тоже замолчала. Старый вздохнул, дождался паузы и продолжал свой монолог:

— Я почему-то сегодня вспомнил одну историю. Тысячу лет не вспоминал, а сегодня вспомнил. Случилось это в 1530 году. Вскоре после открытия Америки. Немецкое китобойное судно шторм занес к заснеженным гористым берегам неизвестной земли. Это была Гренландия. Корабль бросил якорь, и моряки спустились на берег. Они увидели полуразрушенную церковь, потом остатки каменных хижин. В одной из хижин лежал труп рыжеволосого мужчины в одежде, кое-как сшитой из

тюленьих шкур, рядом — сточенный ржавый железный нож. И запустение, холод, снег...

— Не пугай, Боря, — сказала мать. Пальцы ее нервно выстукивали по столу. — Исторические сказки...

— Погоди. Это не сказка. Это строго документировано. Ты помнишь, Олег, кто такие викинги?

— Вы рассказывали о викингах.

— Викинги бороздили моря, завоевывали целые страны, они заселили Исландию, высаживались в Америке, которую называли Винланд, даже основали свое царство в Сицилии. И у них была крупная колония в Гренландии. Несколько поселков, стояли каменные дома, церкви и так далее. Но вот корабли викингов перестали выходить в море. Прервалась связь и с колонией в Гренландии. А тем временем климат там становился все более суровым, скот вымирал, посевы замерзали, и гренландские поселения приходили в упадок. В первую очередь потому, что потеряли связь с остальным миром. В середине XV века в последней церкви в Гренландии была сыграна последняя свадьба. Потомки викингов дичали, их было слишком мало, чтобы противостоять стихии, и слишком мало, чтобы добиться прогресса, слишком мало, чтобы хоть сохранить старое. Нет, ты представляешь себе трагедию — последняя свадьба в целой стране? — Старый обращался к матери.

— Твои аналогии меня не убеждают, — сказала мать. — Много ли было викингов, мало ли — ничто их бы не спасло.

— А ведь альтернатива была. Приди тот немецкий корабль несколькими десятилетиями раньше — и все сложилось бы иначе. Те гренландцы могли уплыть на континент и вернуться в человеческую семью. Или по-другому наладились бы заново связи с другими странами, появились бы торговцы, новые поселенцы, новые орудия труда, пришли бы новые знания. И все было бы иначе...

— К нам никто не приплывет, — сказала мать. — Хватит, Боря, а?

— Наше спасение — не вживание в природу, — сказал Старик уверенно. Нам нужны инъекции человеческой культуры, нам нужна помощь. Помощь остального человечества. В любой форме. И потому я настаиваю, чтобы твой сын шел за перевал. Мы еще помним. И наш долг — не обрывать нить.

— Пустой разговор, — устало ответила мать, — водички согреть?

— Согрей, — сказал Старый. — Побалуемся кипятком. Нам грозит забывание. Уже сейчас носителей хотя бы крох человеческой мудрости остается все меньше. Одни гибнут, умирают, другие слишком поглощены

борьбой за выживание... И вот появляется новое поколение. Вы с Марьяной еще не так резко выражены, вы — переходный этап. Вы — как бы звено, соединяющее нас с нашим будущим. Каким оно будет, ты представляешь себе?

— Мы не боимся леса, — сказал Олег. — Мы знаем грибы и деревья, мы можем охотиться в степи...

— Я боюсь будущего, в котором господствует новый тип человека Дик-охотник. Он для меня — символ отступления, символ поражения человека в борьбе с природой.

— Ричард — хороший мальчик. Только диковатый, — сказала мать из кухни. — Ему нелегко приходится одному.

— Я не о характере, — откликнулся дед. — Я о социальном явлении. Когда ты, Ирина, научишься абстрагироваться от повседневных мелочей?

— Буду я абстрагироваться или нет, но если бы той зимой Дик не убил медведя, мы все перемерли бы с голоду, — сказала мать.

— Дик уже ощущает себя аборигеном этих мест, хозяином леса. Он бросил ходить ко мне пять лет назад. Я не уверен, помнит ли он азбуку.

— Зачем? — спросила мать. — Книг все равно нету. И письма писать некуда. И некому.

— Дик много песен знает, — сказал Олег. — И сам сочиняет.

Олегу стало немного стыдно, что ему приятно ощущать недоброжелательство Старика к Дику, и потому он стал Дика защищать.

— Не в песнях дело. Песня — заря цивилизации. А для малышей Дик кумир. Дик-охотник! А для вас, бабы, он пример. «Посмотри на Дика. Вот хороший мальчик!» А для девчонок он — рыцарь. Ты не обращала внимания, какими глазами на него глядит Марьяшка?

— Пускай глядит. Замуж выйдет. Для поселка хорошо.

— Мама! — не выдержал Олег.

— А что?

Мать, как всегда, ничего не замечала вокруг, жила в каком-то своем мире, пережевывала древности.

— И тебя радует мир Диков, дичат, дикарей? — Старик был зол. Он даже грохнул кулаком по столу. — Мир благополучных быстроногих дикарей?

— А что ты предлагаешь взамен?

— Вот его, — Старик положил тяжелую ладонь на затылок Олегу. — Мир Олега — это мой мир, это твой мир, от которого ты пытаешься отмахнуться, хотя тебе-то никакого другого не дано.

— Боюсь, ты не прав, Боря, — мать пошла на кухню, сняла с огня

миску с кипятком и принесла в комнату. — У нас сахар кончился.

— У меня тоже, — сказал Старик. — Сейчас корни худые, несладкие. Эгле говорит, что придется месяц потерпеть. Поедим с хлебом. Ты же интеллигентная женщина, ты должна понимать, что мы как общество обречены на вырождение, если будем делать ставку на Дика, если на смену нам придут дикари-охотники.

— Не согласна с тобой, Боря, — сказала мать. — Нам бы выжить. Я сейчас не о себе конкретно говорю, а о поселке. О детишках. Когда я гляжу на Дика или на Марьяшку, у меня появляется надежда. Ты их называешь Дикими, а я думаю, что они смогли приспособиться. И если они сейчас погибнут, мы все погибнем. Слишком велик риск.

— А я, значит, не приспособился? — спросил Олег.

— Ты меньше других приспособился.

— Ты просто боишься за меня, — сказал Олег. — И не хочешь, чтобы я шел в горы. А я из арбалета стреляю лучше Дика.

— Я боюсь за тебя, конечно, боюсь. Ты у меня один. Ты все, что у меня осталось. А ты с каждым днем все больше от меня отрываешься, уходишь куда-то, чужим становишься.

Старик мерно шагал по комнате, так бывало, если он недоволен учениками, если они ленятся. Нагнулся, поднял с табуретки глобус. Он его сделал из гриба-гиганта, который вырос той зимой у сарая. Они тогда вместе с Олегом терли краски, цветную глину, которую Марьяна с Лиз отыскали у ручья, ту самую, из которой теперь делают мыло. Ее высушили, получилось два цвета — белый и серый. А сам гриб был сиреневым. И Старый по памяти нарисовал все материки и океаны. Глобус получился бледным, а за два года еще больше побледнел и стерся, стал, как круглое облако.

Старик положил глобус на ладонь.

— Атлант, — сказала мать.

Олег увидел на столе маленькое пятнышко розовой плесени. Это не желтая, это ядовитая плесень. Он осторожно стер пятнышко рукавом. Глупо, когда родная мать предпочитает тебе другого. В общем это предательство. Самое настоящее предательство.

— Мы с тобой умрем, — сказал Старик.

— И отлично. Пожили достаточно, — сказала мать.

— Тем не менее не спешим умирать, цепляемся за эту жизнь.

— Мы трусливы, — согласилась мать.

— Мы с тобой умрем, — продолжал Старик, — но поселок должен жить. Иначе пропадает смысл нашего с тобой существования.

— Шансов выжить больше у поселка охотников, — сказала мать.

— Больше шансов выжить у поселка таких, как Олег, — сказал Старик. Если править нашим племенем будут Дик и ему подобные, то через сто лет никто не вспомнит, кто мы такие, откуда пришли, зачем живем. Восторжествует право сильного, законы первобытного племени.

— И будут они плодиться и размножаться, — сказала мать. — И станет их много. И изобретут они колесо, а еще через тысячу лет паровую машину, мать засмеялась, как будто заплакала. Шмыгнула носом.

— Ты шутишь? — спросил Олег.

— Ирина совершенно серьезна, — ответил Старик. — Борьба за существование в элементарной форме приведет к безнадежному регрессу. Выжить такой ценой, ценой вживания в природу, ценой принятия ее законов значит, сдаться.

— Но все-таки выжить, — сказала мать.

— Она так не думает, — сказал Олег.

— Конечно, она так не думает, — согласился Старый. — Я знаком с Ириной уже двадцать лет. И знаю, что она так не думает.

— Я вообще предпочитаю не думать, — сказала мать.

— Врешь, — сказал Старик. — Мы все думаем о будущем, боимся и надеемся. Иначе перестаем быть людьми. Именно груз знаний, которыми не отягощает себя Дик, заменяя их простыми законами леса, может нас спасти. И пока есть альтернатива, мы можем надеяться.

— Ради этой альтернативы ты гонишь Олежку в горы?

— Ради сохранения знаний, ради нас с тобой. Ради борьбы с бессмыслицей, неужели не ясно?

— Ты всегда был эгоистом, — сказала мать.

— Твой материнский слепой эгоизм не в счет?

— Зачем тебе Олег? Он не перенесет путешествия. Он же слабый.

Этого говорить матери не следовало. Она сразу поняла, сама, и взглянула на Олега, умоляя его глазами, чтобы не обижался, чтобы понял.

— Я не обижаюсь, мам. Все понятно. Только я хочу идти. Может, хочу больше, чем все остальные. Дик бы даже с удовольствием остался. Я знаю. Сейчас олени кочевать начнут. Самая охота в степи. Он бы остался.

— Он нужен в походе, — сказал Старик. — Как бы я ни возмущался перспективами его власти, сегодня его умение, его сила могут нас спасти.

— Спаси! — Мать оторвала взгляд от Олега. — Ты талдычишь о спасении. А сам в него веришь? Три раза люди ходили в горы. Сколько вернулось? С чем?

— Тогда мы были еще неопытны. Мы не знали здешних законов. Мы

шли зимой, в морозы, когда в горах был снег. Главное, что шли только мы, чужие в этих местах, старики по здешним меркам. Сегодня — счастливое сочетание обстоятельств: Лето такое теплое, какого не было за все эти годы. И подросли дети, в десять раз более выносливые и приспособленные, чем мы. Сегодня, или никогда...

— Если бы те не погибли, мы бы жили лучше. Было бы больше кормильцев.

— Конечно. Но все равно оказались бы во власти закона деградации. Или мы часть человечества и бережем его знания, стремимся к ним. Или мы дикари без перспектив.

— Ты идеалист, Боря. Кусок хлеба сегодня нужнее абстрактных ананасов.

— Но ведь ты помнишь вкус ананаса? — Старый повернулся к Олегу и добавил: — Ананас — это тропический плод со специфическим вкусом.

— Я понял, — сказал Олег. — Смешное слово. Мать, согрей суп. Скоро нам идти.

— Бумага, — повторил Старый. — Хоть десять листов.

— Будет тебе бумага, — сказал Томас.

Те, кому уходить, собрались у ворот в изгороди. Остальные пришли их проводить. Все делали вид, что поход самый обыкновенный, как за корнями к болоту, а прощались как будто навсегда. Такое было у Олега ощущение.

Те, кто уходили, были одеты тепло — собирали по всему поселку. Тетя Луиза сама отбирала, ушивала, подгоняла. Наверное, Олег никогда не был так тепло одет. Только Дик ничего лишнего не взял. Он сам себе все шьет. Дождь почти перестал, в лужах вокруг столбов плескались, пищали плавунцы. К хорошей погоде.

Томас посмотрел на плавунцов и сказал:

— Дождь перестанет. Надо бы столбы укрепить.

— Не думай об этом, — сказала тетя Луиза. — Без тебя справимся.

— А ты мне что принесешь, папа? — спросила рыжая Рут, дочка Томаса.

— Не надо, — возразила его жена. — Не надо даже думать об этом. Главное, чтобы папа вернулся. Закутай горло. Ты опять кашляешь.

— От ущелья держи правее, — посоветовал Вайткус Томасу. — Помнишь?

— Помню, — улыбнулся Томас. — Как сейчас помню. Ты бы лег. Тебе рано вставать.

Мать держала Олега за руку, и он не смел вырвать руку, хотя ему

казалось, что Дик посмеивается, глядя на него.

Мать хотела пойти с ними до кладбища, но Сергеев ее не пустил. Он никого не пустил, кроме Луизы со Старым.

Олег несколько раз оборачивался. Мать стояла неподвижно, приподняв руку, словно хотела помахать вслед и забыла. Она старалась не плакать.

Над изгородью были видны головы взрослых. Мать, Эгле, Сергеев, Вайткус... А сквозь колючки, пониже, темнели фигуры ребятишек. Маленькая шеренга людей, а дальше покатые, блестящие под дождем розовые крыши маленькой кучки домиков.

С холма Олег обернулся в последний раз. Все так и стояли у изгороди, только кто-то из малышей отбежал в сторону и возился у лужи. Отсюда, сверху, была видна улица — дорожка между хижинами. И дверь дома Кристины. Какая-то женщина стояла в дверях. Но с холма не разберешь, Кристина или Лиз. А потом вершина холма скрыла поселок из виду.

Кладбище тоже было окружено изгородью. Дик, прежде чем отодвинуть дверь, заглянул внутрь, не устроился ли там на отдых какой-нибудь зверь. Вполне могло быть. Олег подумал, что сам, наверное, забыл бы это сделать.

Странно, подумал он, что могил, придавленных плитами мягкого сланца, отломанного от близких скал, куда больше, чем людей в поселке. Хотя поселку всего шестнадцать лет. Отца здесь нет, он остался за перевалом.

Дик остановился перед двумя одинаковыми плитами, обтесанными куда аккуратнее прочих. Это его отец и мать. Поднялся ветер, холодный и занудный. Старик медленно шел от могилы к могиле. Он всех их знал. Сколько нас было шестнадцать лет назад? Кажется, тридцать шесть человек взрослых и четверо детей. А осталось? Девять взрослых и трое из тех детей, что пришли. Дик, Лиз и он, Олег. Марьяна родилась уже здесь. И еще двенадцать детей, родившихся в поселке, живы. Значит, шестнадцать лет назад сюда пришли сорок человек, а сейчас — двадцать с хвостиком. Простая арифметика. Нет, не простая. Могил куда больше, это все малыши, которые умерли или погибли. Здешние, деревенские. И, наверное, можно составить график, думал Олег. Кто выживает, почему умирают люди...

Над ухом, словно подслушав его мысли, тетя Луиза сказала:

— Большинство умерло в первые пять лет.

— Конечно, — согласился Старый. — Мы платили за опыт.

— Чудо, что все в первый год не умерли, — сказал Томас. — Ты помнишь?

— Помню, — ответил Старый.

Они остановились перед плитами в центре кладбища. Плиты были неотесанные, грубые, кривые, они почти ушли в землю, и цепкие рыжие лапки мха заплели их, превратив в округлые холмики.

Олегу захотелось вернуться, чтобы еще раз увидеть поселок. Он знал: Мать стоит у изгороди и надеется, что он это сделает. Олег даже пошел к двери в изгороди, но тут Томас сказал:

— Пора идти. Через пять часов начнет темнеть, а надо дойти до скал.

— Ой! — воскликнула Марьяна. Она быстро перебирала пальцами по мешку, висевшему через плечо.

— Забыла чего? — спросил Дик.

— Нет. Хотя забыла... Я на отца погляжу...

— Пошли, Марьяшка, — сказал Томас. — Чем скорее мы пойдем, тем скорее вернемся.

Марьяна отстала от остальных, Олег подошел к ней и сказал:

— Я тоже хотел вернуться. Ну хотя бы с холма поглядеть.

— Да?

Они шли рядом и молчали.

Шагах в тридцати за изгородью, где начинался стелющийся, коварный, липкий кустарник, остановились.

Луиза всех поцеловала. Старый попрощался за руку. Последним с Олегом.

— Я очень на тебя надеюсь, — сказал он. — Больше, чем на Томаса. Томас заботится о благе поселка, о сегодняшнем дне. Ты должен думать о будущем. Ты меня понимаешь?

— Хорошо. А вы за мамой посмотрите. Чтобы не скучала. Я принесу микроскоп.

— Спасибо. Возвращайтесь скорее.

Дик первым вошел в кустарник, легко и быстро отбрасывая концом копыа липкие щупальца.

— Держитесь ближе за мной, — сказал он. — Пока они не опомнились.

Олег не оборачивался. Некогда было оборачиваться. Обернешься — ветка прилипнет к чоботу, потом не оторвешь, а оторвешь — три недели вонять будет. Отвратительный кустарник.

К сумеркам добрались до скал. Как Томас и рассчитывал.

Лес не доходил до скал, их акульки зубы торчали из голой, покрытой пятнами лишайника долины, клочья низких облаков пролетали так низко, что острия скал вспарывали им животы и исчезали в сером мареве. Томас сказал, что пещера, в которой он ночевал в прошлый раз, сухая и добраться

до нее легко. За пять часов быстрой ходьбы по мелкому болоту все, кроме Дика, устали. А Дик, если и устал, об этом никому не говорил. Только скалил зубы.

— Тогда было холодней, — сказал Томас. — Мы тогда решили, что в холод легче перейти болота. А перевал был закрыт. Я помню, мы шли тут, и под ногами звенело, заморозки.

Между путниками и скалами лежало белесое круглое пятно метров двадцати в диаметре.

— Тут и звенело? — спросил Дик, который шел первым. Он резко остановился на краю пятна, поверхность которого чуть поблескивала, как кора сосны.

— Да, — Томас остановился рядом с Диком. Олег отстал. Он час назад взял у Марьяны мешок, чтобы не надорвалась. Марьяна не хотела отдавать. Дик только оскалился, а Томас сказал:

— Правильно. Завтра я тебе помогу. Потом Дик.

— Зачем помогать? — сказал Дик. — Вынем ночью лишнее, разберем по мешкам — и всем незаметно, и Марьяшке легче. Надо было раньше подумать. Два месяца собирались, а не подумали.

Интересно, а кому надо было думать? «Ты такой же мыслитель, как и все», — заметил про себя Олег. А тащить пришлось немало. Хоть Дик и говорил, что можно не беспокоиться о еде, он прокормит, он охотник. Все-таки взяли и вяленого мяса, и корней, и сушеных грибов, а главная тяжесть — сухие дрова, без них воды не вскипятишь, зверей не отгонишь.

— Знаете, на что это похоже? — сказала Марьяна, догнав мужчин. — На верхушку гриба. Громаднейшего гриба.

— Может быть, — сказал Дик. — Лучше мы обойдем его.

— Зачем? — спросил Олег. — По осыпи придется карабкаться.

— Я попробую, ладно? — сказала Марьяна, опустилась на колени, вытащила ножик.

— Ты что хочешь делать? — спросил Томас.

— Кусочек отрежу. И понюхаю. Если это съедобный гриб, представляешь, как здорово? Весь поселок кормить можно.

— Не стоит резать, — сказал Дик. — Не нравится мне твой гриб. И не гриб это вовсе.

Но Марьяна уже вогнала нож в край пятна. Но отрезать не успела — еле успела подхватить нож. Белое пятно вдруг вспучилось, задергалось, ринувшись валом в сторону Марьяны. Дик резко рванул девушку на себя, и они покатались по камням. Томас отпрыгнул следом и поднял арбалет. Дик, сидя на камнях, расхохотался.

— Чтобы его убить, надо стрелу с дом. Или больше!

— Я же говорила, что гриб. — Сказала Марьяна. — Ты зря испугался, Дик. Он пахнет, как гриб.

Судороги волнами прокатывались по белому пятну, зарождаясь в центре и разбегаясь к краям, будто круги по воде от камня. А центр гриба все поднимался и поднимался, словно кто-то хотел вырваться наружу, тюкался головой. Потом от центра побежали в стороны темные трещинки, они расширялись, и получились огромные лепестки, остриями к центру. Лепестки стали подниматься вверх и заворачиваться назад, пока не получился цветок.

— Это красиво, — сказала Марьяна. — Это просто красиво, правда?

— А ты хотел по нему гулять, — сказал Дик Олегу голосом старшего. Хотя они ровесники. Обоим было по два года, когда их несли через перевал.

Томас закинул арбалет на спину, подобрал с камней Марьянин ножик.

— Естествоиспытателям тоже полезно иногда думать. А потом испытывать.

— Он ничего не может с нами сделать, — проговорила Марьяна. — Он показывает, какой он красивый!

— Если только в нем нет паразитов, — сказал Дик. — Ну, пошли? А то стемнеет, пещеры не найдем. Все планы насмарку. Специально же вышли так, чтобы переночевать в знакомом месте.

Они обошли пятно по каменной осыпи. Сверху Олег попытался заглянуть в сердцевину цветка, но там было темно. И пусто.

— Как мы его назовем? — спросила Марьяна.

— Мухомор, — ответил Томас.

— А мухомор — это гриб?

— Мухомор — наверняка гриб, — сказал Томас. — Ядовитый и большой. С красной шляпкой, а по красной шляпке белые пятна.

— Не очень похоже, — сказал Дик.

— Но красиво звучит, — возразила Марьяна.

Давно уж так пошло, что названия неизвестным вещам давал Томас. Давал знакомые, не очень точные, но зачем придумывать новые? Был бы схожий признак. Грибы растут в земле, и их можно сушить. Значит, круглые оранжевые или синие шары, что закапываются в землю, шары, которые можно сушить и есть, варить и жарить, если как следует вымочишь, назовем грибами. Шакалы ходят стаями, питаются падалью, трусливы и жадны. И неважно, что шакалы — пресмыкающиеся. У медведя шерсть длинная, мохнатая, а сам большой... Хотя шерсть его — побеги перекати-

поля, схожие с зеленоватыми волосами.

Олег запыхался, пока они пробирались по осыпи. Камни катились из-под ног. Марьянин мешок оттягивал руку, свой давил на плечи, Олег считал шаги. Где же эта чертова пещера? Воздух начал синеть, и без того день был пасмурным, а теперь уже в десятке шагов предметы расплывались, от земли поднимался серый туман, пора прятаться, ночью даже Дик не рискнет пойти в лес или в степь. В темноте появляются ночные твари. Те, кто выходит ночью за изгородь, не возвращаются. А здесь, вдали от деревни... Олег обернулся. Ему показалось, что за ним кто-то идет. Нет, только туман. Он не заметил, что прибавил шагу, — тут же обернулся Томас, негромко прикрикнул:

— На меня не налетай, сшибешь. Держи дистанцию.

И все-таки Олег никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то идет сзади.

Спина Томаса исчезла — Томас обогнал Марьяну. Теперь впереди идет Марьяшка. У нее узкая спина, даже в теплой куртке узкая. Марьяна спотыкается. Она в сумерках плохо видит. Эгле сказала — куриная слепота, но нестандартная, а эндемичная. «Эндемичная... То есть свойственная данной местности», — прозвучал в ушах голос Старого. Как будто тот был рядом.

— Хочешь, тебя за руку возьму? — спросил Олег.

Они вдвоем шли через бесконечный туман, утопая в нем по колени.

— Нет, — сказала Марьяна. — Спасибо.

— Стойте, — голос Дика донесся глухо, издалека. — Скалы.

Хорошо, что пещеру никто не занял. В ней мог бы прятаться медведь или кто похуже, из тех сумеречных и ночных тварей, которые призраками ходят вокруг изгороди и даже иногда шатают ее, тянутся к человеческому жилью и боятся его. Как-то года три назад Марьяна притащила из леса козленка, маленького, еще по пояс. У козла был занудный голос, хуже чем у близнецов, зеленая трава волосами свисала до земли, он топал покрытыми панцирем ногами и вопил.

— Блеет, — сказал тогда с удовлетворением Вайткус. — Обожаю голоса домашних животных.

— Значит, будет козлом, — сказал Томас, который и тогда давал имена неизвестным вещам и тварям.

Козел дожил в поселке до зимы, когда ночь тянется почти без перерыва. Он привык к людям, почти не кусался, торчал все время у мастерской Сергеева, там было тепло. В мастерской Сергеев делал мебель и вырезал посуду. Олег любил ему помогать, он любил делать руками вещи.

А потом ночью пришли ночные твари. И увели козла с собой. Марьяна нашла несколько клочков зеленой шерсти за кладбищем. Но это уже было весной. Она могла ошибиться.

Вайткус тогда сказал:

— Развитие животноводства отложим на будущее.

— Тем более, — заметила Эгле, — что от него, как от козла молока.

У пещеры был один недостаток — широкий вход. Поперек входа натянули палатку из рыбьих шкур, зажгли костер — ночные твари не любят огня. В пещере было почти тепло, и Олег с наслаждением растянулся на гладком каменном полу. Марьяна — рядом.

— Как я устала, — сказала она. — И страшно было.

— Мне тоже, — ответил Олег тихо. — Мне казалось, что кто-то идет сзади.

— Хорошо, что я не знала.

Дик раскалывал чурбачки. Они взяли с собой самые хорошие дрова. Те, что медленно горят. Томас раскрыл мешок с сушеными грибами, достал котелок на треноге и распорки, чтобы держать его над огнем.

— Олег, подай воду, — попросил он.

Вода была у Олега в мешке, в сосуде из тыквы. Томасу всего-то надо было сделать два шага и взять воду самому. Олег понял, что Томас говорит в воспитательных целях. Не хочет приказывать Олегу, чтобы тот встал и занялся каким-нибудь делом, не хочет укорять. Хотя что за работа — палатку вместе повесили, костер горит. В следующий раз меньше устану, займусь хозяйством, ведь я Марьянин мешок волочил...

Но Олег ничего, конечно, не сказал вслух. И не успел подняться, как Дик протянул длинную руку, подхватил мешок Олега и подвинул его Томасу.

— Пускай отдыхает, — сказал он без всякого чувства, равнодушно. — Он уморился. Два мешка тащил.

— Пускай полежит, — согласился Томас.

Олег сел.

— А что надо делать? — спросил он. — Когда нужно, я всегда делаю.

— погоди, Томас, — сказала Марьяна. — Я сама кипяток заправлю. Ты не знаешь, сколько грибов класть.

— У меня было чувство, — сказал Дик, — что за нами кто-то шел.

— И у тебя? — спросил Олег.

И тут они услышали чьи-то тяжелые шаги у двери. Дик метнулся к арбалету. Томас наклонился к костру, готовый схватить полено. Шаги смолкли. Было очень тихо. Слышно было, как редкие капли дождя

срываются с козырька над входом в пещеру.

— Мы вовремя успели, — сказала Марьяна.

— Тише.

Но за блестящим пологом из рыбьих шкур, на котором метались отсветы пламени, было тихо.

Дик, держа копье наготове, подошел к пологу, осторожно отогнул угол, выглянул.

Олег смотрел на его широкую напряженную спину и ждал. Надо бы тоже взять копье... Но ведь здесь костер... Это дело Дика. Несправедливость этой мысли была очевидна Олегу, но думать иначе он не мог, потому что его дело было в другом. Он должен был увидеть то, что не интересно видеть остальным. Старик надеется на него. Хуже, когда не знаешь, оправдаешь ли ты надежды, тем более, что они с годами становятся для Старика все абстрактнее и достижение их все иллюзорней.

Марьяна возилась у костра, разбирая грибы и сушеные соленые ягоды, она их всегда варила отдельно, а потом смешивала. Она стояла на коленях, рукава куртки закатаны, тонкие руки все в ссадинах и шрамах. Олег подумал, что руки Марьяны красивые, а шрамы — это пустяки, у всех шрамы.

Томас тоже смотрел на быстрые руки Марьяны, смотрел, как девушка углубилась в священнодействие, которое для него, пришельца в этих краях, не имело смысла, видел шрамы на ее руках, цену, что лес взял за учение, и думал о пропасти, вырытой деревней между ним и этими подростками, дикарями, которые сейчас отлично заснут на каменном полу, не накрывшись и не чувствуя влажного, промозглого холода, а запах этих растительных каракатиц, прозванных грибами, им не противен, они с этим запахом свыклись... Впрочем, здесь дети пахнут иначе, чем дома. Даже свои дети. И рут в свои восемь лет, попади в лес, может и не пропадет, по крайней мере не умрет с голоду — лес, хоть и опасное, коварное место, но свое. И если он, Томас Хинд, в этом лесу — человек, то они — оленята, зайцы или даже волчата — не самые сильные, но хитрее многих, не пропадут. Марьяна оскалилась по-звериному, надкусила сомнительный гриб, пискнула, отбросила его в угол. Гриб как гриб, все они — отравы. Снова кто-то тяжело прошел, чуть не коснувшись полупрозрачной занавески. Чертовы призраки тьмы. Ходят слоны, не удивлюсь, если ядовитые... Ребята устали, хотя черт их знает, устали ли. У Дика такой вид, будто сейчас готов гоняться за шакалом по чаще. Олег, конечно, послабее. Парень неплохой, неглупый, только зря Борис внушает ему свои идеалистические теории. Поселку предстоит выжить. сегодня, завтра. Я не

знаю, когда мы начнем строить города и запускать спутники. Через тысячу лет? Но даже для этого нужно выжить сегодня.

Занавес колыхнулся, ночной гость, видно, решил сорвать его. Томас поднял головешку и опередил Дика, выглянув в сумерки, в туман. Темная тень отплыла вдаль, растворилась в сером тумане, словно шутник утянул к себе воздушный шар.

— Не знаю, — сказал Томас. — Я такого раньше не видел.

— Придется дежурить у костра, — сказал Дик.

— Я совсем не хочу спать, — сказал Олег.

— Сейчас бы хороший пистолет, — произнес Томас. — Хороший, постоянного действия.

— Через пять минут будет суп, — сообщила Марьяна. — Вкусный суп. Тетя Луиза нам все белые грибы отобрала.

Далеко-далеко что-то чавкнуло, ухнуло. Потом раздался легкий топот многочисленных ног и блеяние. В несколько голосов. Отчаянное блеяние.

Марьяна вскочила на ноги.

— Козлы!

— Твоего уже съели, — сказал Дик. — Кто же их гонит?

— Ядовитый слон, — неожиданно для самого себя сказал Томас.

— Кто? — удивилась Марьяна.

Дик засмеялся.

— Так и будем звать, — сказал он.

Блеяние перешло в высокий крик, как кричит ребенок. Потом все стихло. И снова топот.

— Я думаю, их выпускает белый гриб, — сказал Олег.

— Кого? — спросил Дик.

— Ядовитых слонов.

— Это злые духи, приведения. Кристина рассказывала, — сказала Марьяна.

— Злых духов нет, — заявил Олег.

— А ты в лес подальше заберись, — сказал Дик.

— Помолчите. — Приказал Томас.

Совсем близко промчались козлы. Следом, мягко и редко ступая, двигался преследователь. Люди отступили за костер, оставив его между собой и занавеской. Приготовили оружие. Незнакомые звери страшны, потому что не знаешь их повадок.

Занавеска рванулась в сторону, распоролась наискосок, и в пещеру ворвалось зеленое волосатое существо ростом с человека, но округлое, на четырех ногах, с костистым гребнем вдоль спины, торчащим из шерсти, как

цепь крутых холмов из леса.

Зверь быстро и мелко дрожал. Его маленькие красные глаза смотрели бессмысленно и обреченно.

Дик прицелился из арбалета, стараясь бить наверняка.

— Стой! — закричала Марьяна. — Это же козел.

— Правильно, — прошептал Дик, не двигаясь с места и даже не шевеля губами. — Это мясо.

Но Марьяна уже шла к козлу, обходя костер.

— погоди, — попробовал остановить ее Томас. Марьяна стряхнула его руку.

— Это мой козел, — сказала она.

— Твой давно уже помер, — сказал Дик, но его рука с арбалетом опустилась. Мясо у них еще было. А убивать просто так Дик не любил. Охотники убивают столько, сколько можно унести.

Козел начал медленно пятиться. И замер. Видно, то, что подстерегало снаружи, было страшнее Марьяны. Марьяна наклонилась, быстро подхватила из мешка вкусный сушеный гриб и протянула козлу. Тот вздохнул, понюхал, распахнул бегемотью пасть, послушно схрупал подарок.

Первым дежурил Олег. Козел не уходил. Он отступил к стене, будто старался влиться в нее, смотрел одним глазом на Олега и иногда шумно вздыхал. Потом начинал чесаться о стену.

— Блох напустишь, — сказал Олег. — Стой смирно, а то выгоню.

Внимательный, немигающий взгляд козла создавал впечатление, что тот слушает и понимает. Но в самом деле козел прислушивался к тому, что происходило снаружи.

Глядя на догорающий костер, Олег незаметно задремал. Ему казалось, что он не спит, а видит, как взлетают над головешками синие искры и танцуют парами, сплетаются в хоровод. Козел ахнул и заблеял, застучал копытами, Олег вскинулся, но только через секунду-две понял, что козла на старом месте нет, он отпрыгнул вглубь пещеры, а сквозь дыру в занавесе лезет какая-то серая пупырчатая масса, лезет медленно, тестом вваливаясь в пещеру, может, и не серая, а розовая, и в массе было какое-то тупое любопытство, неспешность, упорство, а козел отчаянно блеял, умолял его спасти, видно, решил, что тесто пришло специально за ним. Олег почему-то успел подумать, что для ночного призрака эта масса слишком некрасива, он шарил рукой по камням и никак не мог найти арбалет, а отвести взгляда от надвигающейся близкой массы, которая испускала удушающий кислотный запах, он не мог. И потому увидел, как в боку твари вдруг

возникла оперенная стрела арбалета и ушла до половины в тесто, провалилась в него, и тут же легко и быстро тесто подобралось и съежилось, и исчезло, и края разрыва сошлись, и занавеска лениво заколыхалась.

Олег наконец-то смог опустить взгляд, арбалет лежал в двух сантиметрах от растопыренных пальцев. Дик сидел на полу, подтянутый, крепкий, свежий, будто и не ложился спать. Он опустил арбалет и сказал:

— Может, и не стоило мне стрелять. Подождали бы.

Чего же стрелял? — спросила Марьяна не вставая, протянула руку, гладила тонкие панцирные ноги козла, который всхлипывал по-детски, жалуясь Марьяне на свой страх.

— Олег окаменел, а эта штука уже к нему подбиралась, — сказал Дик, без желания упрекнуть или обидеть Олега, сказал, как думал. Он всегда говорил, как думал. — Не было времени головешку выбирать.

— Задремал? — спросил Томас Олега.

Томас лежал, положив под голову мешок с сушеным мясом и закутавшись в одеяло. Ему было холодно, он никак не мог привыкнуть к холоду. Ему будет труднее всех, когда станет холодно в самом деле, подумал Олег. И сказал:

— Задремал. Сам не заметил. Меня козел разбудил.

— Молодец, козлик, — сказала Марьяна.

— Хорошо, что разбудил, — проговорил Дик, укладываясь на бок. Его ладонь лежала на рукояти арбалета, выточенной точно и красиво, сам делал. — Сожрал бы он нас...

И он заснул, не кончив фразы.

Томасу не хотелось спать. Он встал, сменил Олега, тот чуть поспорил, но согласился, у него глаза слипались. И сразу растянулся на полу. Томас накинул на плечи одеяло, хорошо бы подкинуть дров, но дрова надо беречь, их не так много, а будет холодно. Он вспомнил, как было холодно, когда они в прошлый раз шли к перевалу. Как смертельно и безнадежно холодно. Это было четыре года назад. И это было восемь лет назад. И еще это было через год после того, как они основали поселок. Дальше всего они прошли во второй раз. Правда, и вернулись из того похода только двое. Он и Вайткус.

Томас поглядел на ребят. Почему они не чувствуют, что на камнях спать жестко и холодно? Какие внутренние органические изменения произошли в их метаболизме за эти годы? Это естественные дикари, глядящие на него, старика, с вежливым снисхождением аборигенов. Сколько бы ни твердил, как бы ни пугал их Борис, все равно с каждым

годом, с каждым шагом все дальше уходят они от человеческого мира и все лучше вживаются в этот мир одиночества и серых облаков. А Борис и прав, и неправ. Он прав, что переход в дикарство неизбежен. Томас видит это и в собственной дочери, и в других малышах. Но, очевидно, это и есть единственный выход, единственная возможность спастись. А перевал — тот символ, в который уже никто не верит, но от которого трудно отказаться.

Козел переступил, постучал копытом о камень. Дик открыл глаза, прислушался, снова заснул. Марьяна во сне подкатилась к Олегу под бок и положила голову ему на плечо. Так уютнее. Далеко в лесу что-то ухнуло, и прокатился медленный, затихающий рокот. Томас выбрал одно полешко потоньше и положил в костер.

Когда рассвело и в разрыв в занавеске полился голубой туман, когда вдали, в лесу, затрещали, приветствуя новый день, попрыгунчики, завопил, проснувшись, деловитый чурбан, Дик, который дежурил у погасшего костра и стругал древки для арбалетных стрел, аккуратно сложил их в мешок и спокойно заснул. Поэтому никто не видел, как козел ушел из пещеры. Марьяна, проснувшись, расстроилась, выскочила наружу, обежала скалы вокруг, нигде никаких следов козла.

— Я его ненавижу, — сказала она, вернувшись.

— За то, что он не сказал тебе спасибо? — спросил Олег.

— Ему лучше с нами, безопаснее.

— Зря я его на рассвете не пристрелил, — сказал Дик. — Я думал это сделать, но потом решил, что лучше днем.

— Это нечестно, — сказала Марьяна. — Он же нас ночью спас.

— Одно к другому не имеет отношения, — ответил Дик. — Разве непонятно? К тому же козел думал только о собственной шкуре.

Олег взял кожаное ведро, пошел поискать воды.

— Копье не забудь, — сказала Марьяна.

— И не отходи далеко, — сказал Томас.

— Не маленький, — отмахнулся Олег, но копье взял.

Туман еще не растаял, прятался в низинах, облака опустились к самой земле, и кое-где между ними и подушками тумана возникали перемычки, будто облака пролетая тянули руки к туману, зовя с собой. Но туман хотел спать и не любил летать по небу. Олег подумал, что согласился бы полететь с облаками вместо тумана на юг, к большим лесам, к морю, куда ходили в прошлом году Сергеев с Вайткусом и Диком. С ними еще ходил Познанский, но он не вернулся. Они не смогли пройти далеко и моря так и не увидели, потому что леса там велики, полны хищных лиан, зверья и

ядовитых гадов и чем теплее, тем больше там существ, опасных для человека. Но если лететь с облаками, то можно промчаться над вершинами деревьев и над морем, как облачные птицы, которые иногда тенями возникают в облаках в хорошую погоду, но никогда не садятся на землю. Люди умеют летать, разумеется, умеют куда быстрее, чем облака. Но в поселке все приходится начать сначала. И это нелегко, потому что нет инструментов и времени. Олег хотел сделать воздушный шар, но для воздушного шара нужно очень много рыбьих шкур и нитей, и иголок, а никто, кроме малышей и Старика, не хотел ему помогать.

— Это неплохая абстрактная идея, — сказал тогда Сергеев. — Лет через сто мы с тобой обязательно этим займемся.

А Старый ответил:

— Лет через сто мы все об этой идее благополучно забудем. Придумаем себе богов, которые живут на облаках и не велят нам, смертным, к ним приближаться.

Но с воздушным шаром ничего не вышло.

Олег поежился. С запада, куда лежал их путь, вдруг примчался ледяной, пронизывающий ветер, обжег лицо и руки. Напомнил о том, что их ждет. Но не этого вдруг испугался Олег, а того, что они не смогут одолеть перевал, как не удалось это сделать в прошлых походах. Дик только порадуется — он сможет вернуться в свою любимую степь. Марьяна утешится, найдя новые травы и грибы. Томас привык к несчастьям и не верит в удачу. Плохо, очень плохо будет только Олегу. И Старому.

Весь день они шли по открытой местности, лишь иногда встречая заросли невысокого кустарника. В этих местах было пустынно, но идти легко, и они даже не очень устали. Томас говорил, что время угадали верно. Лето в этом году теплое, в прошлый раз уже здесь лежал снег. Дику было скучно, он, как попрыгунчик, убегал в сторону, появлялся через полчаса, без добычи, разочарованный.

Козлу повезло, что он вернулся как раз в одну из отлучек Дика. Иначе, решил Олег, Дик бы его обязательно подстрелил. Это был тот же самый козел. Он выскочил из зарослей с таким шумом, будто это была целая семья медведей, — люди встретили его, оцетинившись арбалетами. Но узнали еще издали. Волосатая громадина, выше Олега в гребне, он шумно обрадовался, что встретил приятелей. Козел пробежал мимо, подкидывая тяжелый зад, гремя пластинами на спине и оглушительно бляя.

Больше козел от них не отходил. Он и Дику обрадовался, почуяв его приближение за километр, а потом влез в середину отряда, не желая идти сбоку или последним, и путался под ногами. Олегу все казалось, что тот

сейчас наступит ему на ногу острым копытом, но зверь оказался деликатнее, чем при первом знакомстве, в последний момент он умудрялся подбирать копыта.

Чутье и слух у него были замечательные. Он чувствовал присутствие любых живых существ за много метров, и к вечеру Марьяна уже уверяла, что понимает смысл его звуков — когда козел утверждает, что впереди полянка с вкусными грибами, а когда надо смотреть под ноги — там ползают хищные лианы.

Остановились на ночлег задолго до темноты, на краю плато. Дальше начинался подъем, и Томас сказал, что надо будет с утра отыскать устье ручья и подниматься по его долине, которая потом сузится, станет ущельем, и вот по этому ущелью придется идти не меньше двух дней.

Никакой пещеры или другого укрытия здесь не было, спали в палатке, что козлу не нравилось, и хоть, видно, опасности той ночью не было, козел все равно требовал, чтобы его пустили в тепло, и в конце концов навалился на палатку, придавил больно ноги, его все ругали, но терпели, потому что можно было не выставлять охраны — ясно уже было, если придет какой-нибудь нежелательный гость, козел подымет такой шум, что всех разбудит.

К утру Олег страшно замерз. Проснуться не было сил, во сне казалось, что его окунают в ледяное болото и выбраться он не может. Его начало колотить. Потом вдруг стало теплее, и Олег заснул спокойней. Проснулся от того, что козел решил забраться повыше на палатку и больно придавил ногу. Олег подтянул ногу, открыл глаза и увидел, что Томас ночью поменялся с ним местами, лег к краю. Томас был бел от холода, он лежал стиснув зубы, закрыв глаза и делал вид, что спит. Олегу стало стыдно. Еще в деревне договорились, что когда станет совсем холодно, Томаса надо беречь. У него слабые легкие, он плохо переносит мороз, ребятам проще, они здоровые и привыкшие.

— Томас, — тихо позвал Олег. — Я согрелся. Давайте снова меняться.

— Нет, не надо, — прошептал Томас, но губы плохо слушались его.

Олег больше не стал спорить, перелез через старшего. Рыбья кожа палатки пропускала мороз, в эту ночь под одеялами спали все, даже Дик, который утверждает, что может спать на снегу, на снегу мягче.

— Спасибо, — сказал Томас. Его била дрожь.

Проснулась Марьяна. Она сразу все поняла.

— Я согрею воды, — сказала она.

Она начала шуршать, развязывая мешки.

Козел понял, что люди проснулись, вскочил, затоптал вокруг, призывно заблеял, видно соскучился за ночь. Дик бросил свое одеяло

Томасу и быстро вылез наружу.

— Главное — двигаться! — крикнул он снаружи. — Поглядите, как здорово!

Олег заставил себя вылезти вслед за Диком.

Долина, до края которой они дошли вечером, была покрыта снегом. Снег выпал за ночь. Он был бел и чист, куда светлее облаков, которые по контрасту казались совсем фиолетовыми. Козел стоял неподалеку и выгрызал из шерсти льдинки. Белое полотно долины упиралось в крутой откос плоскогорья. Кусты, росшие на склоне, медленно шевелили ветвями, поднимая вокруг себя облачка снега.

Дик был недоволен тем, что дрова уходят быстрее, чем рассчитывали, но сказал об этом только Олегу и тихо, когда они отошли подальше от грязного холмика палатки.

— Не надо было Томаса брать, — сказал он. — Будет болеть.

— Без него нам трудно пройти перевал, — ответил Олег.

— С ним еще труднее, — сказал Дик, пуская стрелу арбалета в темную нишу в скале, в которой Олег ничего не увидел. Но в нише за клубился снег, оттуда вылетел кролик и большими прыжками, закинув хоботок на спину, помчался прочь. В следах его темнели капли крови.

— Я пойду подберу его, — сказал Дик. Он оставался при своем мнении.

С Диком трудно спорить, потому что когда он уверен, он спора не продолжает, а просто уходит. А самые нужные слова появляются потом, и получается, что Дик в каждом споре берет верх, даже если не прав.

Как же мы дойдем без Томаса? — мысленно продолжал разговор с Диком Олег. — Ведь главное — даже не дорога, главное — как найти и как себя вести дальше. Ведь мы там будем щенятами, не знающими, что значит та или иная вещь, мы же дикари, которые никогда не видели велосипеда, и поэтому мы не знаем, велосипед это или паровоз. Дику кажется, он знает все, что может понадобиться человеку в поселке или в лесу. Может, он немного боится оказаться в ином мире, где он не сильнее всех, не ловчее всех, не быстрее всех?

Марьяна разожгла костер. Козел уже привык к огню и решил, что огонь ему ничем не угрожает. Поэтому тут же полез в костер, и Марьяна крикнула Олегу, чтобы он оттащил это проклятое животное. Оттащить взрослого козла дело почти невыполнимое, но Олег старался. Он исколотил козла древком копья, хотя тот, наверное, решил, что его гладят, и восторженно взвизгивал.

Томас быстро ходил по снегу, чтобы согреться, он кутался в одеяло и

горбился, и Олегу показался очень старым человеком, хотя он знал, что Томасу сорок лет. Эгле как-то говорила, что процессы старения в поселке почему-то проходят активнее, а тетя Луиза сказала тогда, что на такой диете давно пора всем загнуться. У всех бесконечные колиты, гастриты, аллергия, у старшего поколения почки никуда не годятся. Правда, дети были сравнительно здоровы. И поселку повезло, что большинство местных микробов к человеческому метаболизму не приспособилось. Еще не приспособилось, сказала тогда тетя Луиза.

— Жалко, здесь нет болота, — сказала Марьяшка. — Я бы вам нарвала травы, я знаю, какой.

— А почему не нарвала заранее? — спросил Олег. Марьяна лучше всех в деревне разбиралась в травах, она их буквально кожей чувствовала.

— Странный ты, — удивилась Марьяна. — Эту траву надо сразу есть, пока свежая, как ее сохранишь?

Ей всегда казалось странным, что другие не видят того, что видит она.

Олег оглянулся. Если здесь и были болота, то за ночь замерзли. Да и были вряд ли — местность выше, чем у поселка, суше и каменистей.

— Олечка, — позвал его Томас. — Пойди ко мне.

Томас опустил на палатку и поморщился.

— Опять спина болит, — сказал он. — Прострел.

— Я вам потом потру, — сказала Марьяна.

— Спасибо, не помогает, — улыбнулся Томас. Он был похож на птицу ворону, какую рисовал на уроках биологии Старый. Темная птица с крупным заостренным носом. — Слушай, ты помнишь, где я карту прячу? Мало ли что может со мной случиться.

— Ничего не случится, — сказал Олег. — Мы же вместе идем.

— И все-таки рисковать мы не будем. Ты сможешь разобраться карте?

Карта была нарисована на кусочке бумаги. На самой большой ценности в поселке. Олег всегда испытывал к бумаге странное, особенное чувство. Бумага, даже чистый листок, была колдовским образом связана со знанием, для того, чтобы выразить знание, она и была создана. Она была как бы проявлением божества.

Томас, заходясь временами в кашле, заставил Олега показывать по карте путь к перевалу. Маршрут был знаком, они уже мысленно проходили его все вместе, с Вайткусом и Старым, только, правда, когда об этом говорили в деревне, ощутить действительную суть пути, расстояние, холод было невозможно — в доме тепло, уютно горели светильники, за стеной шелестел дождик...

Дик принес кролика. Козел почему-то испугался безжизненной тушки,

подпрыгивая, умчался к откосу и остановился там, сокрушенно тряся головой.

— Чует, дурак, что его ждет, — сказал Дик. Он бросил кролика на камни. — Давайте сейчас его съедим, веселее идти будет. И Томасу полезно. Правда, еще полезней горячей крови напиться, я всегда на охоте так делаю. Но ты ведь, Томас, не будешь?

Томас отрицательно покачал головой.

— Что делаете? Карту смотрите? — спросил Дик.

— Томас заставляет меня повторять — на случай, если с ним что-то случится.

— Чепуха, — сказал Дик, садясь на корточки и начиная ловко разделять тушку, — ты еще можешь идти. А плохо будет — вернемся.

Олег понял, что Дик не хочет обидеть Томаса. Дик с самого начала говорил, что Томас может не дойти.

— Ничего, — сказал Томас, который ничем не показал, как ему неприятен равнодушный тон Дика. — Лучше подстраховаться.

Когда они пили чай — кипяток с корешками, козел решился, подошел ближе, но не с той стороны, где Дик кинул шкуру кролика, а с другой, как бы отгородившись от шкурки костром и палаткой. Он тяжело вздыхал, и Марьяна кинула ему несколько сушеных грибов.

— Вот это лишнее, — сказал Дик. — Грибы нужны нам самим. Может так случиться, что мы больше ничего не найдем. А как обратно идти?

— Там, за перевалом, есть пища, — сказал Томас.

— Мы не знаем, есть или уже нет, возразил Дик. — Глупо погибать от голода. А в морозы лучше много есть.

— В крайнем случае съедим козла, — сказал Олег.

— Почему в крайнем? — спросил Дик. — Мы его обязательно съедим. И скоро. А то еще сбежит.

— И не думай, — сказала Марьяна. — Не надо.

— Почему? — удивился Дик.

— Потому что козел хороший. Он вернется с нами в деревню. И будет жить. Нам пора иметь своих животных.

— Я тебе таких козлов тысячу притащу, — сказал Дик.

— Неправда, ты только хвастаешь. Не приведешь. Их не так много в лесу. И если он не захочет, ты его никак не притащишь.

— Дотащить трудно. Но мы пойдем с тобой, ты умеешь со зверями разговаривать, — сказал Дик и стал резать кролика на равные доли, чтоб всем поровну.

— Я не дам убивать, — сказала Марьяна. — У нее будут маленькие.

- У кого? — спросил Олег.
- У козла, — сказала Марьяна. — У козлихи.
- Так это коза? — спросил Томас.
- Да, козлиха, коза. Я знаю.
- Похоже, что самка, — сказал Дик. — Я просто не поглядел.
- Смешно, — сказал Олег.
- Ничего смешного, — ответила Марьяна.
- Робинзон Крузо тоже разводил коз. И пил их молоко.
- Ну, из этого ничего не выйдет, — заявил Дик. — Я пробовал.

Отрава.

— Марьяна права, пускай коза живет, — сказал Томас. — Эксперимент может получиться перспективным. Всегда надо думать о том, что будет завтра.

— И еще надо думать, чтобы не умереть сегодня, — возразил Дик.

— Козу будем подкармливать, — сказала Марьяна.

— И не вздумай, — сказал Дик.

— Я свое буду отдавать. — Марьяна упрямо глядела на Дика, острый подбородок вперед. Дик склонил голову, разглядывая девушку, как незнакомую зверюшку.

Томас поднялся первым и пошел складывать палатку. Его трясло.

— Может, вернешься? — спросил его Дик.

— Поздно, — ответил Томас. — Я пойду.

— Подумай, — сказала Марьяна, рассерженная на Дика, как ты можешь так говорить! Одному до поселка не дойти.

— Олег с ним может вернуться. — Это Дик сказал так, чтобы оставить за собой последнее слово. Но оказалось, что последнее слово все-таки осталось за Марьяной.

— Олегу нужнее за перевал, чем тебе, — сказала она.

— Ты тоже? — сказал Дик и лицо его было неподвижно, лишь шрам над глазом пульсировал.

— Пора идти, — заговорил Томас. — Если сегодня будем идти хорошо, может, выйдем на плоскогорье. В прошлый раз мы увязли в этом ущелье. Снег был по пояс. И метель.

Томас пошел впереди, по широкому ложу ручья, который при больших дождях, наверное, превращался в бурный поток, а сейчас лишь чуть-чуть журчал по обтесанным камням, обламывая наросты за ночь у берега льдинки.

Коза сначала бросилась вперед, словно показывала дорогу, а потом раздумала, остановилась, Дик погрозил ей пальцем, но тут коза вздохнула,

решила проявить лояльность, побрела за людьми. Хотя порой останавливалась и занудно вопила, уговаривая вернуться.

Чуть потеплело, снег под ногами начал таять, было скользко, за день пришлось раз десять перейти ручей, который вился по долинке, кидаясь от откоса к откосу, и ноги у всех заоченели.

Долинка, по которой стекал ручей, постепенно сужалась, каменные темные стены становились круче и сходились все ближе, пряча ручей в вечную тень. Шум его стал мрачным, отражался от стен, как в бочке. Было неуютно и страшно — никто из них, кроме Томаса, не был раньше в горах, тут даже Дик потерял всегдашнюю уверенность в себе, не убегал вперед, все время поглядывал вверх, словно боялся, что на голову упадет камень, и часто спрашивал Томаса:

— Ну скоро? Скоро выйдем?

— Зависит от того, как будем идти, — отвечал Томас.

Томас, как и все, согрелся, даже вспотел, почти не кашлял и шел быстрее, чем вчера. Только иногда хватался за бок.

— Вы узнаете места? — спросила Марьяна. Она шла сзади, подгоняя козу, которой все это путешествие окончательно надоело и которая часто останавливалась, оглядывалась, будто умоляя Марьяну отпустить ее обратно, в лес, на простор.

— Как тебе сказать, — ответил Томас. — В прошлый раз мы сюда уже не добрались. Ущелье было на два-три метра завалено снегом. А когда шли с перевала, пятнадцать лет назад, здесь тоже был снег, дни стояли короткие, и мы почти не смотрели по сторонам. Мы тогда обрели надежду, впервые обрели надежду. Но очень устали. Путь отсюда до поселка занял почти неделю.

Дик, шедший впереди, вдруг замер. Поднял руку.

Все остановились. Даже коза остановилась, будто поняла приказ.

Дик с арбалетом наготове медленно пошел вперед. Нагнулся.

— Смотрите! — крикнул он. — Они в самом деле здесь шли.

За большим камнем, тускло поблескивая и отражаясь в бочажке ручья, лежала чудесная вещь.

Вещь была сделана из белого металла и похожа на сплюснутый шар с белым наростом сверху. К вещи был прикреплен ремень, так что ее можно было носить через плечо.

Дик поднял вещь и сказал:

— На нее, наверно, упал камень.

— Нет, не камень. Так надо, — сказал Томас, подходя к Дику и забирая у него вещь. — Тут был наш последний привал перед долиной. Последний

привал. И кто-то... Да, конечно, Вайткус! Это фляга Вайткуса. Вот он обрадуется, когда мы ему ее принесем.

— Это называется фляга? — спросила Марьяна. — Зачем она?

— Чтобы носить с собой воду.

Томас поболтал вещь в воздухе и все услышали, как внутри плещется вода.

— Удобная, — сказал Дик.

— Ее специально делали плоской, — сказал Томас, осторожно отвинчивая крышку. — Чтобы удобнее носить на боку.

— Красивая, — сказала Марьяна.

— Я буду ходить с ней на охоту, — сказал Дик. — Вайткусу она не нужна. Он все равно болеет.

Томас поднес флягу к носу и понюхал.

— Черт возьми! — сказал он. — С ума можно сойти!

— Что случилось? — спросил Олег. Ему очень хотелось поддержать флягу она была символом тех прекрасных вещей, того умения, что осталось за перевалом.

— Ребята, да это же коньяк! Вы понимаете, это коньяк!

Коза отошла в сторону и удивленно заблеяла, подзывая к себе.

Олег подошел к ней. В углублении, за каменной россыпью, лежали грудой маленькие металлические кастрюльки — такого сокровища видеть ему не приходилось.

— Томас! — позвал он. — Посмотри, что вы еще забыли!

— Не забыли, — сказал Томас. — Понимаешь, мы тогда поверили, что выйдем к лесу, и в последний раз поели. Это консервные банки, понимаешь? Это ненужные консервные банки.

— Ненужные?

— Тогда они казались нам ненужными. — Томас снова поднес к носу флягу и принюхался. — Я сойду с ума. Это мне снится.

— Значит, правда, — сказал Дик, — что вы здесь шли. Я иногда думал, что вы не шли. Что поселок был всегда.

— Знаешь, я сам так иногда думал, — улыбнулся Томас.

Он отпил из фляги немного, один глоток, и зажмурился.

— Буду жить, — сказал он. Закашлялся, но не перестал улыбаться.

Марьяна собирала консервные банки и складывала их в мешок. Коза часто вздыхала, охала, ей банки не нравились. Они были чужими.

— Да не надо их тащить, — засмеялся Томас. — Не надо! Это же пустые банки. Если нужно, ты возьмешь себе тысячу. Понимаешь?

— Не знаю, — трезво сказала Марьяна. — А если не найдем ничего,

они нам тоже пригодятся. Не с пустыми руками вернемся. Из этих банок отец много всего сделает.

— Тогда заберешь на обратном пути, — сказал Олег. Ему хотелось попробовать коньяк, который так обрадовал Томаса.

— А если их возьмут? — спросила Марьяна.

— Кто возьмет? — спросил Томас. — За шестнадцать лет никто не взял. Козлам банки не нужны.

Но Марьяна собрала все банки, даже дырявые.

Дик сказал:

— Дай попробовать, Томас. Из фляги.

— Тебе не понравится, — сказал Томас. — Детям и дикарям коньяк противопоказан.

Но он протянул флягу Дику. Всегда надо просить, подумал Олег. Я всегда только думаю о чем-нибудь, а Дик это уже берет.

— Только осторожно, — сказал Томас. — Один маленький глоток.

— Не бойся, — сказал Дик. — Если тебе можно, мне тем более. Я сильнее тебя.

Томас ничего не ответил. Олегу показалось, что он улыбается.

Дик запрокинул флягу и сделал большой глоток. Видно, этот коньяк был очень горьким, потому что он выронил флягу и жутко закашлялся, схватившись за горло. Томас еле успел подхватить флягу.

— Я же говорил, — сказал он укоризненно, но без всякого сочувствия.

Марьяна бросилась к покрасневшему несчастному Дику.

— Все горит! — смог наконец выговорить Дик.

— Вы зачем, зачем? — сердилась Марьяна на Томаса. Она бросилась к своему мешку, стала копать в нем, Олег знал — искала снадобье от ожога.

— Сейчас пройдет, — сказал Томас. — Ты же дикарь, Дик. Ты должен был незнакомую жидкость принимать как яд — сначала языком...

Дик отмахнулся.

— Я поверил, — сказал он. — Понимаешь, поверил! Ты же пил!

Дик был унижен. Унижений он не выносил.

— Вот, — сказала Марьяна, — пожуй травку. Это помогает.

— Не надо, — сказал Дик.

— У него уже все прошло, — сказал Томас. — Ему теперь уже приятно.

— Нет, — сказал Дик. Но солгал. Олег видел, что Дик лжет.

— Есть еще желание обжечься? — спросил Томас. — Как, мои смелые единоплеменники? Кстати, американские индейцы называли эту штуку

огненной водой.

— А потом спивались и отдавали за бесценок землю белым колонистам, вспоминал Олег урок истории. — Значит, это то самое?

— Вот именно. Только те напитки были пониже качеством. — Томас повесил флягу через плечо. Дик поглядел на нее с тоской. Он бы с удовольствием вылил оттуда проклятый коньяк и налил воды.

Они расселись по камням передохнуть. Марьяна раздала всем по горсти сушеных грибов и по ломтику вяленого мяса. Козе тоже дала грибов, Дик поглядел неодобрительно, но ничего не сказал. Коза деликатно хрупала грибами, поглядывала на Марьяну, дадут ли еще. Козе в этих местах трудно добывать пищу, коза была голодна.

— И вся ваша еда была в таких банках? — спросил Олег.

— Не только, — сказал Томас. — Еда была в ящиках, коробках, контейнерах, бутылках, тюбиках, пузырьках, мешках и много в чем еще. Еды было, скажу вам, друзья, много. И еще там были сигареты, которые мне часто снятся.

И вдруг Олег понял, что находка фляги и консервных банок подействовала не только на него или Дика. Больше всех изменился Томас. Словно до этого момента он и сам не очень верил в то, что когда-то был за перевалом, когда-то имел отношение к иному миру, где едят из блестящих банок и во флягах бывает коньяк. И этот чужой, но желанный для Олега, чужой и, в общем, ненужный для Дика мир сразу отдалил Томаса. Ведь, в самом деле, Томас был одним из тех немногих, доживающих свой век людей, для которых лес и эти снежные горы символизировали тупик и безвыходность, хотя для Олега и тем более Дика были единственным привычным местом во вселенной.

— Пошли, — сказал Томас, поднимаясь. — Теперь я почти поверил, что мы дойдем. Правда, самая трудная часть пути впереди.

Они пошли дальше, Марьяна держалась ближе к Дику, она беспокоилась, не плохо ли ему. У Марьяны есть это качество — всех жалеть. Иногда Олега оно трогало, а сейчас злило. Ведь видно же, что Дик в полном порядке, только глаза блестят и говорит он громче, чем обычно. И вдруг начинает смеяться.

— Это дверь, — сказал Томас, который шел рядом с Олегом. — Дверь, за которой начинаются мои воспоминания. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил Олег.

— И я совсем забыл об этом последнем привале. Твоя мать несла тебя на руках. Она выбилась из сил, но никому тебя не отдавала. И ты молчал. Дик орал, понимаешь, как положено голодному и несчастному младенцу. А

ты молчал. Эгле все крутилась возле твоей матери, они же были практически девчонками, лет по двадцать пять, не больше, и раньше дружили. Эгле все хотела проверить, живой ли ты, а мать не давала. У нее ничего не оставалось в жизни — только ты. И она держалась за тебя.

Томас вдруг закашлялся, его согнуло пополам. Он уперся ладонью в каменную стену, и Олег заметил, какие желтые и тонкие у Томаса пальцы. Дик с Марьяной ушли вперед и скрылись за поворотом.

— Давайте, я понесу мешок, — сказал Олег.

— Нет, сейчас пройдет. Сейчас пройдет... — Томас виновато улыбнулся. — Казалось бы, я должен руководить вами, подавать пример подросткам. А тащусь еле-еле... Знаешь, мне показалось, что если я глотну коньяку, все пройдет. Это наивно...

— А вы выпейте еще, — сказал Олег.

— Не надо. Я отвык. К тому же у меня температура. Добраться бы до перевала. Мне бы в больницу — покой и процедуры, а не восхождение и подвиги. Но очень хочется дойти.

Часа через два ущелье кончилось. Ручей маленьким водопадом слетал с невысокого, метра в два, обрыва. Но взобраться на него оказалось непростым делом. Томас так ослаб, что его пришлось буквально втаскивать наверх. Козу поднимали на веревке, и перепуганное животное чудом никого не покалечило, отбиваясь тонкими твердыми бронированными ногами.

Это было странное ощущение: Несколько часов они поднимались узким полутемным ущельем, слыша только журчание воды, и вдруг оказались во власти простора, какого Олегу никогда не приходилось видеть, какой никогда не представишь.

Покрытое снегом, с редкими каменными проплешинами, плоскогорье простиралось на несколько километров, упираясь в стену гор. А позади, скатываясь бесконечным крутым откосом, оно вливалось в широкую долину, сначала голую, каменистую, затем на ней возникали точки кустов и деревьев, а далеко-далеко, к горизонту, эти точки сливались, густея, в бесконечный лес. Там, в трех днях пути, был и поселок. Правда, его отсюда не разглядишь.

— Вот тут, — сказал, все еще стараясь отдышаться, Томас, — тут мы поняли, что спасены. Мы шли от гор, какое там шли — ползли, волоча больных, замерзая, ни во что уже не веря — и внезапно вышли к краю этого плоскогорья. Оно, как видите, чуть поднимается в нашу сторону и потому, пока мы не добрались вот сюда, мы не знали, что у нас возникнет надежда. Шел снег, метель... Кто же был первым? Кажется, Борис. Ну да, Борис. Он ушел вперед и вдруг остановился. Я помню, как он вдруг замер,

но я тогда так устал, что не понял, почему он стоит. И когда я подошел к нему, он ничего не сказал. Он плакал, и все лицо его обледенело. Видимость в тот день была плохая, но иногда снежная пелена рассеивалась на минуту, и мы поняли, что там, внизу, — долина, а в долине есть деревья. Значит, есть жизнь...

Дул ветер, к счастью несильный, коза начала скакать, резвиться, радуясь простору, подбрасывая мохнатый зад, оставляя глубокие треугольные следы на снежной простыне. Остановилась возле бурой проплешины, стала разрывать смерзшуюся землю роговой нашлепкой на носу, вздыхая, ахая и бляя, — видно, в земле было что-то невероятно вкусное.

— Здесь нет дичи, — сказал Дик с осуждением, он обращался к Томасу, будто тот был в этом виноват.

— Дня через три, если все будет нормально, дойдем, — сказал Томас. Или через четыре.

— А говорят, что вы шли две недели.

— Мы шли тринадцать дней. Стояла осень, температура ночью падала до сорока градусов, было много больных и раненых, а сейчас мы налегке. Удивительно, как будто вчера было — мы стоим с Борисом и смотрим вниз. И понимаем, что есть надежда.

До темноты удалось перейти плоскогорье и достичь гор.

Ночью похолодало, был мороз, Дик с Олегом положили Марьяну и Томаса посередине. Томас так вымотался за день, что даже не спорил. Он был горячим, но никак не мог согреться, и когда он начинал заходиться в сухом кашле, Олег обнимал его, стараясь согреть, а Марьяна давала ему напиток микстуры от кашля, которую сама приготовила. Марьяна не спала, и, чтобы скоротать ночь, они шептались с Олегом, а Дик, которому хотелось спать, демонстративно фыркал. Потом сказал:

— Завтра дневки не будет, ясно?

— Ну и что? — спросил Олег.

— Заставлю идти. Как бы вам не хотелось дрыхнуть.

— Не бойся, — сказал Олег. — Из-за нас задержки не будет.

— Из-за кого бы то ни было.

Олег не стал спорить. Он понимал, что Дик имеет в виду Томаса. Он думал, что Томас спит, не слышит. Но Томас услышал и сказал:

— По-моему, у меня пневмония, простите, что так неудачно получилось, друзья.

Они разбили палатку в большой нише, тут было теплее, чем на открытом месте, и коза топталась рядом вздыхая, потом начала шуршать,

ковыряться в земле.

— Чего она ищет? — прошептала Марьяна.

— Улиток, — сказал Олег. — Я видел, как она нашла улитку.

— Я думала, им тут холодно.

— Мы же живем, значит, и другие могут.

— Ни черта здесь нет, — сказал Дик. — Спице Закашлялся Томас.

Марьяна опять дала ему напиться. Слышно было, как его зубы стучат о край кружки.

— Надо тебе вернуться, — сказал Дик.

— Поздно, — сказал Томас. — До поселка мне не дойти.

— Дурак ты, Дик, — сказала Марьяна. — Законы забыл.

— Я ничего не забыл, — громко заговорил Дик. — Я знаю, что мы должны заботиться о больных. Я знаю, что такое долг, не хуже тебя знаю. Но мне все твердили одно и то же: Если мы сейчас не дойдем до перевала, если мы не принесем железо и инструменты, поселок может погибнуть. Это не я придумал. Я не верю, что поселок погибнет. Мы отлично живем и без железа и всяких штук. Я из своего арбалета могу свалить медведя за сто шагов.

— Еще бы, — сказал Олег, — у тебя же железные наконечники на стрелах. Если бы Сергеев их не ковал, как бы ты свалил медведя?

— Я могу сделать наконечник из камня. Тут дело не в материале, а в умении. Теперь нас погнали сюда, в горы...

— Тебя никто не гнал. Ты сам пошел, — сказал Олег.

— Сам. Я ничего не боюсь. Но вы все знаете — еще через несколько дней зарядит снег. И если мы будем тянуться еле-еле, мы не перейдем перевал. И можем не вернуться обратно. И это глупо.

— А что ты предлагаешь? — спросил Олег. Ни Томас, ни Марьяна в их спор не вмешивались, но внимательно слушали его. Олегу казалось, даже коза затихла, слушая.

— Я предлагаю оставить здесь Марьяшку с Томасом. Дать им одеяла и пищу. Все оставить. А сами с тобой налегке добежим до перевала.

Олег не ответил. Он понимал, что Томаса оставить нельзя. Нельзя лишать Томаса цели. Это его убьет. Но вдруг Дик подумает, что он боится идти дальше вдвоем?

— Ты испугался? — спросил Дик.

— Я не о себе, — сказал наконец Олег. — Если Томас будет болен, он не сможет защитить Марьяну. А Марьяна — его. А если звери? Если здесь хищники? Как она справится?

— Марьяшка, справишься? — Дик не спросил, а будто приказал, будто

имел право приказывать.

— Я дойду, — сказал Томас. — Я дойду, не бойтесь, друзья, мне надо дойти... Я иду туда уже шестнадцать лет, ну, поймите, я же иду...

И голос Томаса был горяч, быстр, словно полон слез.

— Тогда спи, — сказал Дик, переждав долгую паузу, в которой никто ничего не сказал, никто не согласился с ним, но и никто не убедил Дика.

А утром спор прекратился сам собой. По очень простой причине — когда Олег, встав первым — голова болела, ноги как деревянные, спина промерзла до позвоночника — выбрался из ниши и зажмурился от яркого света и побежал за скалу, чтобы справить нужду, он увидел на белой целине плоскогорья ветер за ночь замел следы людей — цепочку углублений, в которых даже не сразу угадал следы, будто кто-то вдавливал в снег большие бочки.

Олег разбудил Дика, и вместе они осторожно пошли дальше по следам, в ту сторону, куда указывали углубления когтей. Следы кончались у крутого откоса — этот зверь мог подниматься и по скалам.

— Какой он? — спросил Олег шепотом.

— Ляжет на дом — раздавит, — сказал Дик. — Вот бы такого подстрелить!

— Надежды мало, — сказал Олег. — Даже с твоим арбалетом. Ты ему шкуру не пробьешь.

— Постараюсь, — сказал Дик. — Пошли назад?

— Не хотел бы я оставить Марьяшку с Томасом здесь, — сказал Олег.

— Я не настаиваю, — сказал Дик. — Хотя, может, это травоядное.

— Даже если бродячее растение, как подорожник, — сказал Олег, нельзя рисковать.

— Вы где были? — спросила Марьяна, которая разжигала костер. — У Томаса температура упала. Хорошо, правда?

— Хорошо, — сказал Олег. Они рассказали про следы, потому что Марьяна их все равно бы увидела. Но она не испугалась. Мало ли какие звери водятся вокруг. Если их понять, оказывается, что далеко не все злые и опасные. звери заняты своими делами.

— Садитесь, — сказала Марьяна. — Позавтракаем.

Томас вылез из-под палатки. Он был бледен и слаб. В руке держал флягу. Садясь рядом с Олегом, отвинтил ее и отхлебнул.

— Надо согреться, — сказал он хрипло. — Когда-то врачи прописывали слабым и больным кагор.

Марьяна достала свой мешок. Из него выкатился гриб.

Мешок был разорван, изжеван. И пуст.

— А где грибы? — спросила Марьяна у Томаса. Как будто он должен был знать, где грибы.

— Чего? — Дик вскочил. — Ты не спрятала на ночь мешок под палатку?

— Я так устала, — сказала Марьяна. — Я думала, что положила. А он остался снаружи.

— Где эта скотина? — сказал Дик тихо. — Он нам за это заплатит.

— Ты с ума сошел! — закричала Марьяна. — Может, это вовсе не коза?

— А кто? Ты? Томас? Я? Мы что теперь жрать будем? Как мы дойдем?

— У нас еще есть мясо, — сказала Марьяна.

— Покажи. Может, и его нет?

— Зачем коза будет есть мясо? — сказала Марьяна.

Дик был прав. Мясо исчезло тоже. Осталось десятка два ломтиков. И все.

— Я не шучу, — Дик подобрал со снега арбалет. Коза, будто сообразила, что ей грозит, вдруг резко отскочила за скалу.

— погоди, — сказал Олег. — погоди, если нужно, успеешь. всегда успеешь. ведь Марьяна хочет разводить их. понимаешь, как это важно для поселка, — значит, у нас всегда будет мясо.

— Для поселка важно, чтобы мы не подошли, — ответил Дик. — Мы надежда поселка. без нас коза в поселок не придет. ей тоже жрать нечего. Вот она и убежит.

— Нет, Дик, пожалуйста, — попросила Марьяна, — ведь у козы будут маленькие, понимаешь?

— Тогда пошли назад, — сказал Дик. — Кончился наш поход. Нет в нем смысла.

— Подожди, — сказал Томас. — Пока еще решаю я. Если ты хочешь, я разрешаю тебе вернуться назад. Ты доберешься, я не сомневаюсь. Я пойду дальше. И те, кто захочет.

— Я пойду дальше, — сказал Олег. — Мы не можем ждать еще три года. И неизвестно еще, что будет тогда.

— Я тоже пойду дальше, — сказала Марьяна. — И Дик пойдет. Он не злой, вы не думайте. Он хочет, чтобы всем лучше...

— Не надо объяснять, — сказал Дик. — Я все равно убью эту скотину.

— На сегодня пища есть, — сказал Томас. — Конечно, было бы неплохо вернуться вместе с козой. Мы, может, даже ее навьючим. Мы все равно идем вдвое быстрее, чем тогда.

Томас еще отхлебнул коньяка и поболтал флягой. По звуку было ясно,

что огненной воды осталось совсем мало.

— Еще один день, — сказал Дик, — и возвращаться уже будет поздно. А тебя, Томас, это касается больше, чем остальных. Ты понимаешь?

Марьяна засуетилась возле костра, спеша вскипятить воду. У нее еще остались сладкие корешки, горсти две. В общем, решил Олег, ничего страшного. Не в первый раз голодать.

Уже часа через два ходьбы Олег подумал, что прав все-таки был Дик. Они шли без тропинки, по снежной целине, непрерывно поднимаясь, к тому же приходилось обходить скалы, пробираться по расщелинам, пересекать ледники, воздух был резким, острым, и дыхание сбивалось. Олег привык недоедать, привык к тому, что никогда не наешься досыта, но все-таки голодать приходилось редко — в поселке обычно были кое-какие запасы. А тут стало ясно, что впереди — дни без еды, совсем без еды. Олег поймал себя на том, что смотрит на козу с вожделением, надеется, что она упадет в расщелину, неожиданно умрет и тогда не надо будет отказываться от своих слов. Ну, найдем другую, твердил он беззвучно, найдем другую.

И как бы подслушав его мысли, Томас вдруг сказал:

— Наше счастье, что мясо идет само. Нам бы сейчас его не дотащить.

— Стойте.

Это был голос Дика. Дик подошел к козе, неся в руке крепкую, плетеную из водорослей веревку, накинул ее козе на шею. Коза покорно и тупо ждала, пока ее привяжут. Потом Дик протянул свободный конец веревки Марьяне и сказал:

— Веди. Я не хочу рисковать.

Олегу было тяжело. Он вытащил из мешка Томаса его дрова, и собственный мешок оттягивал плечи и сбивал дыхание.

Днем они сделали привал. Долгий, потому что все выбились из сил, а Томас, когда шел, покачивался так, что его хотелось поддержать. Лицо его побагровело, глаза были полузакрыты, но он упрямо шел и шел вперед к своему перевалу, к перевалу, который значил для него больше, чем для остальных.

Часа через два после привала Томас забеспокоился.

— Погодите, — сказал он. — Как бы не сбиться. Здесь должен быть лагерь. Я помню эту скалу.

Томас сел на плоский камень, развернул трясущимися пальцами карту и стал водить по ней пальцем. Дик у этого ничего не говорило, он пошел вперед, надеясь подстрелить добычу. Олег присел на корточки рядом с Томасом.

Карта была нарисована чернилами еще в то время, когда были чернила

густая паста, которой заполнялись ручки. Ручки Олег видел. Только они не писали.

Карту сделали еще тогда, когда построили первые дома поселка и решили, что при первой возможности вернуться к перевалу. Все вместе рисовали эту карту.

— Мы здесь, — сказал Томас. — Уже больше половины дороги. Я и не рассчитывал, что можно так быстро идти.

— Погода хорошая, — ответил Олег.

— Судя по всему, мы здесь ночевали, — заметил Томас, — должны быть следы, а их нету.

— Сколько лет прошло, — сказал Олег.

— Вот так... — бормотал Томас, — группа скал... Три скалы, нет, четыре. Ах да, чуть не забыл... — Он обернулся к Олегу, — возьми это. Обязательно возьми. Без этого в корабле — ни ногой. Помнишь?

— Это... Счетчик радиации, да?

— Да, счетчик радиации. Ты же знаешь, почему мы не могли оставаться, там была такая радиация. А мороз — это впридачу.

— Может, поспите немного? — спросил Олег. — Вам трудно. А потом пойдем...

— Нет, останавливаться нельзя — это смерть. Я за вас отвечаю... Где же лагерь?.. Надо глубже выкопать... Мы их похоронили, но сил не было глубоко копать, понимаешь, обязательно надо глубже...

Олег подхватил Томаса, который стал валиться с камня.

Вернулся Дик, осуждающе поглядел, как Олег кутает Томаса в одеяла, а Марьяшка хлопчет, быстро раздувая костер, чтобы согреть микстуру. Марьяшка испугалась, уж очень сильно был болен Томас. Дик молчал, но Олегу казалось, что он повторяет: «Я же предупреждал».

Олег сам отвинтил крышку фляги, понюхал коньяк — запах был острым, скорее приятным, но пить не хотелось, это было не для питья. Поднес осторожно к спекшимся губам Томаса, который шептал что-то неразборчиво, тот глотнул и сказал почему-то «скооль».

Дальше пойти смогли только к сумеркам. Томас пришел в себя, его закутали в одеяла, мешок нес Олег, арбалет взял Дик. Из-за этой остановки шли, вернее, карабкались по откосу, усыпанному громадными неустойчивыми камнями, часа два, не больше, потом стало плохо видно, и пришлось искать ночлег.

Похолодало, небо здесь было совсем другого цвета — не только серое, как в лесу, оно приобрело к вечеру краски тревожные, красноватые, фиолетовые, и это пугало, потому что в небе не было надежности.

Очень хотелось есть, Олег готов был жевать камни. И еще наглая коза, как только сняли и сложили на снег мешки, подбежала к ним, попыталась разбросать их клювом, будто люди только тем и занимались, что прятали от нее еду.

— Иди отсюда! — прикрикнул на нее Олег. Кинул в нее камнем. Коза отскочила с блеянием.

— Не надо, — сказала Марьяшка. На ней лица не было, так устала. Даже почернела за день, даже стала меньше, тоньше.

— Она же не понимает. Она же думает, что ей дадут есть. Ей больше надо, чем людям.

В тот вечер Дик ударил Марьяну.

Они жевали последние кусочки мяса, сухие ломтики. Запивали их кипятком, это был обман, а не еда, потому что человеку надо съесть хотя бы горсть ломтиков, чтобы почувствовать сытость. А Марьяна потихоньку отдала свой ломтик этой несчастной козе, думала, что никто не заметит, но заметили все, кроме Томаса, который был в полузабытьи. Олег промолчал, он решил потом сказать Марьяне, что это глупо. Он понимал Марьяну, но и понимал, как это глупо — кормить козу, когда сами скоро помрем от голода.

Но Дик молчать не стал. Он протянул руку над костром, длинную руку с большими, крепкими пальцами, и коротко, наотмашь ударил Марьяну по щеке. Марьяшка вскрикнула:

— За что?

Олег кинулся на Дика, Дик легко отшвырнул его.

— Идиоты, — сказал он зло, — скопище идиотов. Вы сами себя решили голодом уморить? Вы никогда не дойдете до перевала!

— Это мой кусок мяса, — сказала Марьяшка, глаза ее были сухими и злыми, — я не хочу есть.

— Ты хочешь, — сказал Дик. — А мяса осталось только по два ломтика на завтра. Только по два ломтика. А идти в гору. Зачем только я пошел с вами!

Вдруг он схватил нож и, не оборачиваясь, сильно метнул его в козу. Вырвав клочок зеленоватой шерсти, нож ударился о скалу, звякнул. Дик вскочил, коза бросилась прочь, испугалась.

— Идиоты! — закричал Дик. — Почему все вокруг ничего не понимают! Почему не понимают, что мы уже никогда не вернемся!

Он не глядел на плачущую Марьяшку, на Олега, который ничего лучшего не придумал, как начать совать Марьяне свой последний ломтик, будто она была маленькой девочкой. Та отталкивала его руку, а Дик быстро развернул свое одеяло, во весь рост растянулся на нем и закрыл глаза.

Заснул или сделал вид, что спит.

Томас кашлял вяло, словно у него не оставалось сил кашлять.

Олег поднялся и закутал его в палатку. Потом они с Марьяшкой легли с обеих сторон Томаса, чтобы согреть его. Пошел снег. Снег был нехолодный, он покрыл их толстым слоем, коза пришла уже в темноте и тоже легла рядом с ними, понимала, что всем вместе теплее.

Олег и эту ночь почти не спал, или ему казалось, что не спит. Кто-то громадный прошел неподалеку, застилая голубой свет утра, потом сразу стало холоднее — поднялась коза и пошла искать себе пропитание, а потом Олега укусила блоха. Откуда она взялась — непонятно. Может, пряталась в одежде или в козлиной шерсти.

У снежной блохи особенный укус — ни с чем не спутаешь. Пока еще не придумали, как от блох укрываться и как этот укус лечить. Такой укус безнадежен как смерть. Можно плакать, кричать, звать на помощь, и никто не поможет. Все происходит по часам. Сначала укус-укол, холодный, словно под кожу загнали льдинку, и ледяное жжение, острое, такое, что человек сразу просыпается, сразу замирает в ужасе и бессилии. И потом ничего — целый час ничего. А потом человек теряет разум — это происходит одинаково со всеми, с умным, глупым, маленьким, стариком. На полчаса, на час человек оказывается во власти кошмаров. Старый говорил, что, будь у него микроскоп, он бы легко с этой болезнью расправился — нашел бы возбудителя, отыскал бы его врага или яд для него и сделал бы лекарство... Человек начинает буйствовать, он становится Диким, он никого не узнает, он может убить самого близкого и потом не будет помнить как все это произошло. Когда в поселке был первый случай этой болезни, никто не знал, что произошло. И еще было несколько страшных случаев, пока не поняли, что с блошиной лихорадкой, с этим припадком не надо бороться — надо связать больного, спрятать его подальше и просто ждать, пока буйство минует и он придет в сознание. Вот и все. Когда-нибудь, когда научатся лихорадку лечить, это будет иначе. А сейчас выход один... И если в деревне случается, что кого-то укусит снежная блоха, махонькое, ничтожное создание, он сам спешит к людям и просит: Свяжите меня! И в этом есть что-то ужасное. Человек еще здоров, он рассуждает, он все понимает и понимает, как обреченный на смерть, что пройдет еще несколько минут, и он исчезнет, а вместо него возникнет злое бессмысленное существо. И каждый видел, как это случается с другими. И каждому стыдно думать, что это случится с ним. И каждому страшно пережить те кошмары, те сны, которые мучат человека во время припадка. И поэтому, когда Олег почувствовал холодный укус блохи, он проснулся и

сразу поднял остальных.

— Дик, — сказал он виновато, — прости, у тебя веревка далеко?

— Что? — Дик вскочил, начал шарить руками в темноте. Рассвет только зачинался. Томас прохрипел во сне, но не проснулся.

— Ой, горе какое, — запричитала Марьяна. — Тебя блоха укусила?

— Только что.

Дик зевнул.

— Мог не спешить. У тебя час времени, как минимум час.

— Бывает и раньше, — сказал Олег. — Так неудачно получилось.

— Да, еще этого не хватало, — согласился Дик. — Вылезай на мороз.

— Я тебя потом накрою одеялом, — сказала Марьяна. — И посижу с тобой.

— Эх, — сказал Дик, разыскивая веревку. — Опять вовремя не выйдем.

— Ну, это же пройдет, — сказал Олег.

— После припадка часа два лежать, не меньше, по себе знаю, — сказал Дик. Он не сердился на Олега, он был зол на судьбу, на сплошные неудачи этого похода.

Ощущение холода в бедре, там, куда укусила блоха, не пропадало, Олег все время представлял, как отравленная крошечной капелькой яда кровь течет, пульсируя, к мозгу, чтобы напасть на него и лишить Олега разума.

Дик не спеша проверил веревку. Марьяна стала разжигать костер.

Рассвет был синим, совсем другим, чем в долине, где день всегда сер.

— Ну что ж, — сказал Дик, — подставляйся.

— Только чтобы он себе что-нибудь не сломал, — сказала Марьяна. Бедный Олежка.

— Не в первый раз мотаю, — сказал Дик, — жуткое дело, эти блохи. Ты расслабься, Олег, так легче. И думай о другом.

Сначала он связал руки Олега за спиной, потом обмотал грудь и ноги. Вербки туго впивались в тело, но Олег терпел, он знал, что в припадке у человека, как у сумасшедшего, появляются новые силы, он становится сильным, как медведь. Так что если пожалеешь сейчас, потом всем будет хуже.

Застонал Томас. Его взлохмаченная пегая голова высунулась из-под палатки. Томас хмурился, не в силах сообразить, где он. Глаза его налились кровью, лицо было красное, распаренное. Наконец он разглядел Дика, который связывал Олега. Олег смущенно улыбался — неприятно доставлять людям такое беспокойство, неприятно понимать, что скоро твое

«я» исчезнет. Старый как-то рассказывал, что в средние века эпилептичек и других ненормальных женщин называли ведьмами и даже сжигали на кострах, если ими вот так овладевали бесы.

— Блоха, — сказал Томас, — всюду блохи... Всюду твари...

— Вы еще поспите, — сказал Олег. — Я нескоро в себя приду, вы же знаете. Отдыхайте!

— Холодно, — сказал Томас, — нельзя спать, мне скоро выходить на вахту, и опять барахлит компьютер, — наверное, в него залезла блоха.

— И зачем мы только пошли, — сказал Дик. — Нельзя было такую компанию в горы пускать.

— Других не было, — сказала Марьяна. — Больше некому идти. Ты же понимаешь.

Холод постепенно распространялся по всему телу, но это был не обычный холод, а свербящий, тянущий жилы, как будто множество маленьких льдинок суетилось, толкалось в груди, в ногах... Голова Томаса начала увеличиваться...

— Ну вот, — сказал Дик. — Вроде замотал я тебя сносно. Не тянет?

— Тянет, — Олег постарался улыбнуться, но скулы уже свело судорогой.

— Слушай... — Дик обернулся. — А где коза?

— Коза? Ночью я ее слышала.

— Где коза, я спрашиваю! — Голос Дика поднялся, стал мальчишеским, высоким от злости. — Ты ее привязала?

— Я ее привязывала, — сказала Марьяна. — Но она, наверное, развязалась.

— Где коза, я спрашиваю! — Видно, раздражение, копившееся в Дике, должно было найти выход — вот и подвернулась коза как символ всех неудач.

— Не сердись, Дикушка, — сказала Марьяна. Она старалась укутать Олега одеялами. — Коза, наверно, ищет, чего поесть, ей же надо есть...

— Здесь ей нечего искать. Почему ты ее не привязала?

Дик вытащил из-под полога свой арбалет, сунул за пояс нож.

— Ты куда? — спросила Марьяна, хотя отлично знала, куда.

Дик внимательно осматривал снег вокруг, стараясь увидеть следы животного.

— Она вернется, — сказала Марьяна.

— Она вернется, — повторил Дик. — Только в виде мертвой туши. Хватит. Я не хочу помирать с голоду из-за твоей глупости.

Дик рос и рос, скоро он достанет головой до неба, но он может

расшибиться об облака, ведь облака стеклянные, твердые... Олег сильно зажмурился и снова открыл глаза, чтобы изгнать видение. Томас сидел на одеяле и раскачивался, словно беззвучно пел песню.

— Марьяшка, согрей воду. — Олегу показалось, что голос его звучит твердо и громко, в самом деле он шептал почти беззвучно. — Для Томаса. Ему плохо.

Марьяна поняла.

— Сейчас, Олечка, конечно.

Но она не отрывала глаз от Дика.

— Я так и думал, — сказал Дик. — Она пошла обратно. Вниз. За ночь она могла пройти километров двадцать.

— Дик, останься здесь, — сказал вдруг Томас внятно и громко. Марьяшка сама найдет козу. Ты же ее убьешь.

— Можешь не сомневаться, — сказал Дик. — Можешь не сомневаться. Хватит глупостей.

— Я пойду, я найду ее, — Марьяна забыла о кипятке. — Тебе, Дик, нельзя сейчас уходить. Томас болен, а за Олегом надо следить.

— Ничего с ними не случится. — Дик запустил пальцы в густую темную гриву волос, пальцы запутались в волосах, он рванул их, мотнул головой. Справишься, Марьяна.

И он не оборачиваясь быстро и легко пошел по следам козы вниз, откуда они пришли вчера.

— Я хотел, чтобы ты пошла, — сказал Томас, — ты бы привела ее. А он ее убьет.

Олег, хоть мир вокруг него все время менял форму и пропорции, становился все более зыбким и ненадежным, еще сохранял способность думать. Олег сказал:

— Дика можно понять... Нам в самом деле не везет.

— Осталось идти совсем немного, — сказал Томас. — Я знаю. Мы идем быстро. Мы будем там завтра или послезавтра. До завтра мы дотянем и без мяса. Ведь дотянем? А за перевалом пицца. Я вам обещаю, друзья. Дик, я обещаю!

Дик поднял руку, чтобы показать, что слышит, — звуки далеко разносились над снежным склоном, но шагов не замедлил.

— Козу поймать нужно, — обернулся Томас к Марьяне. — Она нам нужна. Но не надо убивать. В этом нет смысла... что-то меня жжет. Как жарко... Почему так болит печень? Это нечестно. Мы уже рядом.

— Он убьет ее... — сказала Марьяна. — Он ее обязательно убьет... Ди-и-ик!

Марьяна обернулась к Олегу и Томасу.

— Ну что делать, ну, скажите, вы же умные, вы же все знаете! Ну как его остановить?

— Мне его не догнать, — сказал Томас. — К сожалению, я для него уже не авторитет.

— Сейчас... — сказал Олег. — Ты только распутай меня. Может, я успею до припадка, может, я успею?

Марьяна только отмахнулась. Она сделала два шага за Диком, вернулась, посмотрела на Томаса, на Олега.

— И вас нельзя оставить.

— Беги! — вдруг закричал Томас. — Беги скорей!

— Можно?

— Беги, — сказал Олег.

— Но как же я вас оставлю... А вдруг какой-нибудь зверь.

— Беги же! — повторил Олег. — И возвращайся.

И Марьяна легко, словно не касалась снега, понеслась вниз по склону, туда, где уже исчез Дик.

— Жалко девочку, — сказал Томас. — Она привязалась к этому зверю.

— Жалко, — сказал Олег. — Как странно, что у вас нет формы. Вы бываете толстый и потом совсем тонкий, как спичка.

— Да, — согласился Томас. — Почему-то сначала этот яд действует на зрение. Я помню, меня раза три она кусала. Но не бойся, побочных эффектов практически не бывает. Не бойся.

— Я понимаю, но все равно страшно потерять себя, понимаете? Вот сейчас это я, а скоро меня не будет.

Олега тянуло вниз, в синюю воду, и очень трудно было удержаться на поверхности воды, потому что ноги были спутаны водорослями, и надо их освободить, надо вырвать их, а то утонешь...

Одеяло, которым Марьянка накрыла Олега, слетело. Олег не удержался у стены и упал на снег. Глаза его были закрыты, губы шевелились, лицо потемнело от напряжения, от желания разорвать путы. Томас постарался подняться, чтобы помочь Олегу, накрыть его или хотя бы положить голову себе на колени. Это полезно делать в таких случаях — держать голову. Олег выгнул спину и буквально взлетел в воздух, оттолкнулся кулаками от земли и покатился вниз по откосу. Он перевернулся несколько раз, ударился о торчащую из снега глыбу и замер. Его куртка разорвалась, снег таял на голой груди.

Так нельзя, думал Томас. Надо обязательно до него добраться. Чертова коза, чертов Дик с его комплексом сильной личности. А ведь Дик уверен,

что прав, и уверен, что им владеет лишь забота обо всех. И с его дикарской точки зрения он прав, с его дикарским неумением смотреть в будущее... Не слишком ли скоро человек коллективный, гомо цивилизованный становится дикарем? Может, мы были не правы, позволяя нашим детям вырасти в волчат, чтобы им легче было выжить в лесу? Но у нас не было выбора. За пятнадцать лет мы, взрослые, так и не смогли дойти до перевала. И надежда на это не возникла бы, если бы не выросли Дик и Олег. Сколько у меня сейчас, наверное, за сорок? Очень больно дышать — двусторонняя пневмония, для такого диагноза не надо быть врачом. Если я не доберусь до корабля, моя песенка спета. Никакое мясо козы мне не поможет. И идти надо самому ребятам не дотащить меня до перевала... Что же Олежка? Блоха — это крайняя степень невезения, словно рок, притаившийся в скалах или в лесу, не хочет отпускать нас к человечеству, словно лес хочет превратить нас в своих детей, в шакалов на двух ногах — он согласен терпеть наш поселок, но только как свое собственное продолжение. А не как отрицание. Там, за глыбой, темнеет обрыв, вроде бы невысокий обрыв, но если Олег сейчас упадет вниз, он же связан, он разобьется. Где веревка, где вторая веревка, надо примотать его к тому камню...

Томас полз вниз, хорошо, что вниз, вниз ползти легче, и только жжет снег — почему-то снег умудряется проникать всюду и очень жжет грудь, а когда кашляешь, кашляешь тихонько, чтобы не разорвать легкие, а кашель накапливается и рвется из груди, и его ничем не удержишь.

Томас полз вниз, волоча за собой веревку, которая казалась ему невероятно тяжелой, свинцовой, веревка разматывалась и волочилась, как змея. Олег забился по-птичьи, стараясь разорвать путы, затылок его колотился о камень, и Томасу физически передавалась боль, владевшая Олегом, владевшая им в кошмаре, но тем не менее реальная, трансформировавшаяся в видение — Олегу в этот момент казалось, что на него упала крыша дома, — до Олега оставалось метров десять, не больше, Томас понимал, что тот его не слышит, не может услышать, но твердил: «Потерпи, я иду», а сам старался поднять голову, чтобы увидеть, не возвращаются ли Марьяна с Диком, но они как назло не возвращались.

Главное — успеть, успеть, прежде чем Олег скатится к обрыву, тогда будет поздно — и поздно будет идти к перевалу, поздно завершать поход, который растянулся на шестнадцать лет. Эти малыши-глупыши не знают, что там, за перевалом, я первым делом отыщу пачку сигарет, пускай они дивятся, бегают, охают, а я усядусь в кресло, в мягкое кресло, и затанусь впервые за эти годы. Марьяшка испугается, почему из меня идет дым, а у меня закружится от первой затяжки голова... Почему у меня сейчас

кружится голова? Я же не курю?

Когда Томас дотянулся до Олега, он на несколько секунд потерял сознание — все силы ушли на то, чтобы поползти. Тело, движимое только этим отчаянным желанием, отказалось более подчиняться, как бы выполнив все, на что было способно.

Томаса привел в себя порыв ледяного ветра, принесший заряд снега, а может, невнятный шепот Олега и его хриплое дыхание. Томасу больше всего на свете хотелось закрыть глаза, потому что вот так лежать, ничего не делать, ни о чем не думать — это и было теплой, уютной сказкой, исполнением желаний.

Олег сдвинулся еще на метр, он бился, стараясь освободиться от веревок, отталкивался связанными ногами от глыбы. Томас подтянул к себе веревку, стараясь сообразить, как ему примотать Олега надежнее к скале, и никак не мог понять, как это делается, а потом оказалось, что рука его пуста — веревку он выпустил, ее конец, свернутый кольцом, остался в нескольких метрах сзади, и вернуться к нему не было сил. Томас подтянулся, чтобы уцепиться за ноги Олега, но тот сильно дернулся и отбросил Томаса, тело которого не почувствовало боли.

Томас понял, что так ему Олега не удержать, и что Олег будет вырваться и дальше, и что Олег, даже связанный, куда сильнее Томаса, и потому Томас возобновил свое медленное путешествие к обрыву, чтобы оказаться между ним и Олегом, превратиться в барьер, в препятствие, в неподвижную колоду. Томасу казалось, что он ползет несколько часов, и он умолял, уговаривал Олега потерпеть, полежать спокойно, и все же, когда ему удалось наконец поползти до узкой полки, отделявшей Олега от обрыва, Олег сполз уже так низко, что Томасу буквально пришлось протискиваться между телом Олега и острыми камнями на краю.

И, наверное, Томасу удалось бы откатить, оттащить Олега обратно, наверх, хотя бы на несколько метров, к безопасности, если бы сам он мог удержаться за зыбкий край сознания и не решил бы передохнуть несколько секунд, прежде чем приниматься за сизифов труд...

Марьяна прибежала к лагерю, запыхавшись. Ей казалось, что она отсутствовала несколько минут, на самом деле ее не было больше часа. Она бежала прямо к палатке, и потому не сразу поняла, что произошло. Она увидела только, что лагерь пуст, и сначала даже откинула край палатки, решив, что Томас с Олегом прячутся там от снега, хотя палатка лежала плоско на земле и спрятаться под ней никто бы не мог.

Марьяна в растерянности оглянулась и увидела след в снегу, который уходил вниз к скале, след такой, будто кто-то тащил по снегу тяжелый груз,

и ей сразу почудилась страшная картина, как то животное, которому принадлежали круглые, как от бочки, следы, тащит обоих мужчин, и виновата в этом только она, потому что побежала спасать козу и забыла о людях, о больных людях в снежной пустыне, чего делать нельзя, нельзя. И все получилось ужасно и глупо, потому что она не догнала Дика и не нашла козу, а оставшись одна среди скал, испугалась, что не найдет пути к лагерю, испугалась, за Томаса с Олегом, которые беспомощны, побежала обратно и вот опоздала.

Марьяна семенила вниз по склону, всхлипывая и повторяя:

— Мапочка, мапочка...

Почему-то на снегу лежала веревка. Олегу удалось распутаться?

Она обогнула серую глыбу и увидела, что на краю обрыва лежит связанный Олег, а Томаса нигде нет.

— Олег! Олежа! — закричала она. — Ты живой?

Олег не ответил. Он спал. Люди всегда засыпают, когда пройдет припадок. Он был один, но след от его тела продолжался вниз, к обрыву, и когда Марьяна заглянула вниз, она увидела, что там, недалеко, метрах в пяти, лежит Томас, очень спокойно и как-то даже удобно, и поэтому Марьяшка не сразу догадалась, что Томас уже мертв. Спустилась вниз, спеша и обламывая ногти о ледяные камни, и долго трясла его, старалась разбудить и только тогда поняла, что Томас умер, разбился. А Олег, который пришел в себя, услышал плач Марьяны и спросил слабым голосом:

— Ты что, Марьяшка, что случилось? — Он совершенно не помнил, как столкнул Томаса вниз, хотя потом, по следам, они смогли понять, как и почему все произошло, и догадались, как умер Томас.

Дик вернулся в лагерь еще через два часа. Он не догнал козу и потерял ее следы на большой каменной осыпи. На обратном пути он встретил следы неизвестного животного и пошел по ним, думая подстрелить дичь и решив, что если придет в лагерь с добычей, то можно будет сказать, что он нарочно оставил козу в покое, пожалел Марьяну. И он искренне верил уже, что пожалел Марьяну, потому что не выносил неудач.

И когда он узнал, что случилось в лагере без него, он оказался трезвее и спокойнее остальных и сказал Олегу:

— Не говори глупостей, ты не мальчишка, никого ты не убивал и ни в чем ты не виноват. Ты же не знал, что столкнул Томаса. Ты должен быть благодарен ему, что он тебя старался удержать. Может, он ничего и не успел сделать, вернее всего, он ничего не успел сделать, но все равно он хотел тебя спасти. Может, даже так лучше, потому что Томас был совсем болен,

он мог умереть в любую минуту, а он хотел идти к перевалу, и потому нам пришлось бы тащить его — и все погибли бы, и никто бы не дошел до перевала и не вернулся обратно.

— Ты хочешь успокоить Олега, — отвечала Марьяна, раскачиваясь от боли — она отморозила руки и ободрала их в кровь, когда старалась оживить Томаса и когда они с шатавшимся от слабости Олегом тащили тело Томаса к палатке. — Ты хочешь успокоить Олега, а виноваты мы с тобой. Мы их бросили. Если бы мы не побежали за козой, Томас был бы жив.

— Правильно, — сказал Дик, — тебе не надо было бежать за мной. Это глупость, женская глупость.

— Неужели ты не винишь себя? — спросила Марьяна.

Томас лежал между ними, закрытый с головой одеялом, и как будто присутствовал при этом разговоре.

Я не знаю, — сказал Дик. — Я пошел за козой, потому что нам нужно мясо. Нужно, чтобы дойти. Нужно всем. Мне меньше других, потому что я сильнее всех.

— Я не хочу с ним больше говорить, — сказала Марьяна. — Он холодный, как этот снег.

— Я хочу быть справедливым, — сказал Дик. — От того, что мы будем метаться и стонать, никому не лучше. Мы теряем время. День уже перевалил за середину.

— Олег еще слабый, чтобы идти, — сказала Марьяна.

— Нет, ничего, — сказал Олег. — Я пойду. Только надо взять у Томаса карту и счетчик радиации. Он говорил мне, что если что-нибудь случится, надо взять эти вещи.

— Не надо, — сказал Дик.

— Почему?

— Потому, что мы идем обратно, — сказал Дик спокойно.

— Ты так решил? — спросил Олег.

— Это единственный путь, чтобы спастись, — сказал Дик. — Послезавтра мы будем в лесу. Там я найду добычу. Я вас приведу в поселок, я обещаю.

— Нет, — сказал Олег. — Мы пойдем дальше.

— Глупо, — сказал Дик. — Теперь у нас нет шансов перейти перевал.

— У нас карта.

— А почему ты веришь ей? Карта старая. Все могло измениться. И никто не знает, сколько еще идти без еды по голому снегу.

— Томас сказал, что мы шли быстро, что остался один день.

— Томас ошибался. Он сам хотел туда, и он нас обманывал.

— Томас нас не обманывал. Он сказал, что там есть пища и мы будем спасены.

— Ему хотелось в это верить, он был болен, он плохо соображал. А я соображаю хорошо. Я понимаю, что мы останемся живы, только если вернемся обратно.

— Я пойду к перевалу, — сказал Олег. Он сказал это, глядя на тело, покрытое одеялом, он обращался к Томасу, он обещал ему идти дальше.

— Я тоже пойду, — сказала Марьяна, — как ты не понимаешь?

— Марьяшка, — сказал Дик, постукивая большим кулаком по камню, отбивая такт словам. — Я еще могу понять Олега. Ему заморочил голову Старый. Он всегда твердил ему, что он умнее, лучше нас с тобой, что он особенный. Он не мог быть лучше нас в поселке или в лесу, он всегда уступал мне. И даже тебе в лесу он уступает. Это ему нужна сказка о перевале и речи о дикарях, которыми мы не имеем права стать. А я не дикарь. Я не глупее его. Пускай тогда Олег идет, если он уверен. А тебя я не пущу, тебя я уведу вниз.

— Глупости, глупости, глупости! — закричала Марьяна. — Нас послал поселок. Нас все ждут и все надеются.

— Мы принесем больше пользы живыми, — сказал Дик.

— Пошли, — сказал Олег и протянул руку к одеялу, чтобы взять у Томаса карту и счетчик. И он медленно сказал: — прости, Томас, что ты не дошел и я беру у тебя такие ценные вещи. — Он откинул край одеяла, Томас лежал, закрыв глаза, лицо его побелело, и губы стали тонкими. И Олег не смог заставить себя дотронуться до холодного тела Томаса.

— Погоди, я сама, — сказала Марьяшка, — погоди.

Дик поднялся, подошел к скале, поднял со снега флягу, поболтал ею там плеснул коньяк. Дик отвинтил крышку и вылил коньяк на снег. Острый незнакомый запах повис в воздухе. Дик завинтил крышку и повесил флягу через плечо. Никто ничего не сказал. Марьяна передала Олегу сложенную карту, счетчик радиации и нож Томаса.

— Нам его не закопать, — сказал Дик. — Надо отнести его под обрыв и засыпать камнями.

— Нет! — сказал Олег.

Дик удивленно поднял брови.

— А что ты предлагаешь?

И глупо было отвечать, что нельзя на Томаса класть камни. Ведь Томас мертв, и ему все равно.

Все сделал Дик. Олег и Марьяна только помогали ему. Больше они ни

о чем не говорили. Олег и Марьяна молча собрались, взяли совсем легкие мешки — даже дров осталось на один-два костра, разделили на три части последние ломтики вяленого мяса, и Марьяна отнесла Дику его порцию. Тот положил ломтики в карман и ничего не сказал. Потом Олег и Марьяна поднялись и пошли не оглядываясь наверх, к перевалу.

Дик догнал их метров через сто. Догнал, потом обогнал и пошел впереди. Олег шел с трудом — еще не прошли последствия припадка. Марьяна хромала — ушибла ногу, когда лазила с обрыва, и потому Дик не спешил, чтобы остальные не отставали. Они прошли всего километров десять, может, меньше, и пришлось остановиться на ночлег.

Олег свалился на снег и сразу заснул. Его не смогли разбудить, чтобы напился кипятку со сладкими корешками. И он не увидел того, что увидели Дик и Марьяшка, когда совсем стемнело. Облака вдруг разошлись, и на небе появились звезды — звезды, которых никто из них никогда не видел. Потом небо затянуло вновь, Марьянка тоже заснула, а Дик еще долго сидел у погасшего, теплого костра, положив в него ноги, смотрел на небо и ждал может, облака разойдутся вновь? Он слышал о звездах, старшие всегда говорили о звездах, но никогда раньше не догадывался, какое величие и простор открываются человеку, который видит звезды. Дик понимал, что им никогда не вернуться в поселок, но был гордым человеком.

Они поднялись рано, выпили много кипятку, растопив снег, и доели сладкие корешки, от которых голод лишь усилился. Тащились в тот день медленнее, чем обычно, еле тащились, даже Дик выбился из сил.

Беда была в том, что они не знали, правильно ли идут. Люди шли здесь в прошлый раз зимой, когда много снега, когда сильные морозы и мгла, и потому сейчас все вокруг выглядело иначе, чем на карте.

Наступило отчаяние, потому что перевал был абстракцией, в которую невозможно поверить, как невозможно представить себе звездное небо, если его не видел и знаешь лишь по рассказам. Олег жалел, что заснул и пропустил звезды, но, может быть, это повторится следующей ночью. Ведь облака на небе стали тоньше, сквозь них иногда проглядывала голубизна, и вокруг было куда светлее, чем внизу, в лесу.

Днем, когда все выбились из сил, Дик приказал остановиться и начал растирать снегом Марьяшке отмороженные щеки. Тогда Олег увидел в стороне на снегу синее пятно. Он сказал о нем остальным не сразу, потому что до него надо идти — еще сто шагов. А сделать их не было сил.

Когда наконец Дик сказал, что пора идти, Олег показал на синее пятно. Они подошли к нему. С каждым шагом быстрее — самое трудное встать и сделать первые шаги, особенно, если знаешь, что нечего есть и даже

кончились дрова.

Это была синяя короткая куртка из прочного и тонкого материала. Дик окопал снег вокруг, чтобы вытащить куртку из снега, а Олегом вдруг овладело странное болезненное нетерпение.

— Не надо, — сказал он хрипло, — зачем? Мы скоро придем, ты понимаешь, мы правильно идем!

— Она крепкая, — сказал Дик. — Она нам нужна. Марьяшка совсем замерзла.

— Мне не нужно, — сказала Марьяна. — Лучше пойдем дальше.

— Идите, я вас догоню, — сказал Дик упрямо. — Идите.

Они пошли дальше, а Дик догнал их через пятнадцать минут, неся куртку в руке, но Марьяна надевать ее не стала, сказала, что куртка мокрая и холодная. Но главное было, что куртка чужая и ее кто-то носил. И если снял и бросил, то, может быть, человек этот погиб, потому что тогда погибло много людей. Всем известно, что с перевала вышло семьдесят шесть человек, а до леса дошло чуть больше тридцати. И тех, кто не дошел, Марьяна боялась увидеть.

Они не добрались в тот день до перевала, хотя Олегу все казалось, что перевал будет вот-вот — сейчас обойдем этот язык ледника, и будет перевал, сейчас минуем осыпь, и будет перевал... И подъем становится все круче, а воздуха все меньше.

Они ночевали, вернее, пережидали, пока кончится темнота, сжавшись в клубок, закутавшись всеми одеялами и накрывшись палаткой. Все равно спать было почти невозможно от холода, они только проваливались в забытие и снова просыпались, чтобы поменяться местами. От Марьяны, которая лежала в середине, почти не было тепла, она стала какой-то бестелесной и острой птичьей кости. Они поднялись с рассветом, над ними было синее звездное небо, но они не смотрели на небо.

Потом постепенно рассвело, облака были прозрачные, как легкий туман, и сквозь них светило солнце, холодное, яркое, которого они тоже никогда не видели, но они не смотрели на солнце. Они брели, обходя трещины во льду, осыпи и карнизы. Дик упрямо шагал впереди, выбирая дорогу, падая и срываясь чаще других, но ни разу не уступив первенства. И он первым вышел на перевал, не сообразив, что вышел на перевал, потому что склон, по которому они карабкались, незаметно для глаза выровнялся и превратился в плоскогорье, а потом они увидели впереди зубцы хребтов. Хребет за хребтом, цепи снежных гор, сверкающие под солнцем, а еще через час внизу открылась долина, посреди которой, громадный даже отсюда, с километровой высоты, лежал диск темного металлического

цвета. Диск лежал, накренившись и вдавившись в снег, точно посреди этой котловины. До этой котловины капитан смог дотянуть корабль, когда после взрыва в двигательном отсеке отказали приборы. Он посадил корабль в этой котловине, в метель, ночь и туман злой здешней весны.

Они стояли в ряд. Три изможденных дикаря — арбалеты на плечах, мешки из звериных шкур за спинами, оборванные, обожженные морозом и снегом, черные от голода и усталости, — три микроскопические фигурки в громадном и пустом, безмолвном чужом мире, смотрели на мертвый корабль, который шестнадцать лет назад рухнул на эту планету. И никогда уже не поднимется вновь.

Потом начали спускаться вниз по крутому склону, цепляясь за камни, стараясь не бежать по неверным осыпям, все скорее, скорее, хоть ноги отказывались слушаться.

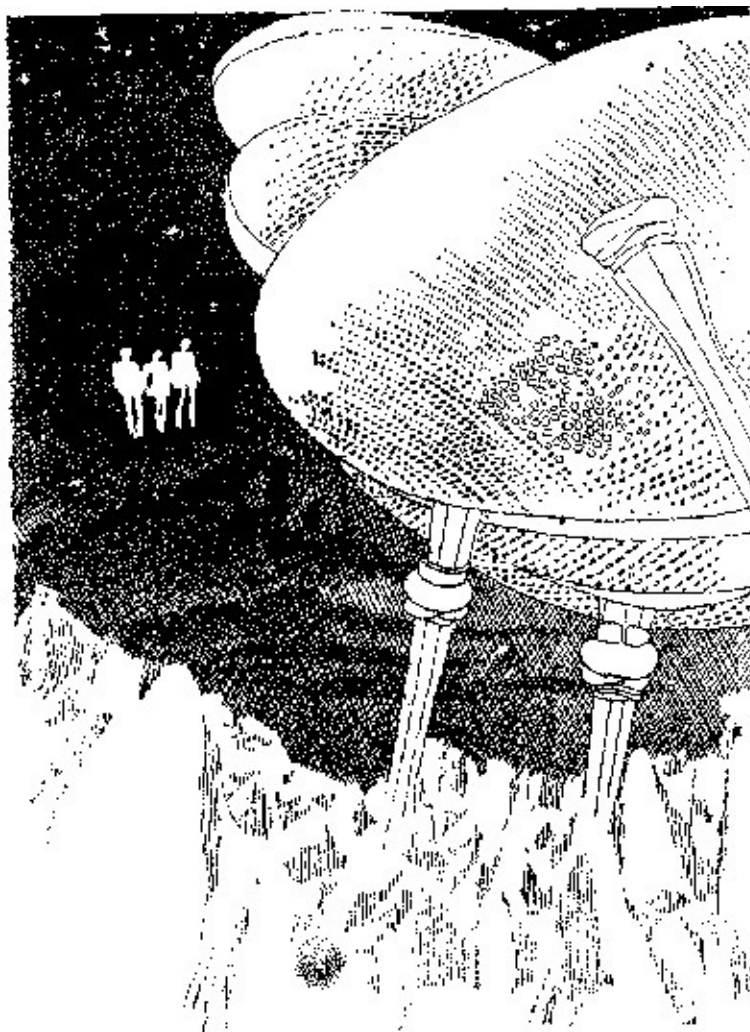
И через час уже были на дне котловины.

Шестнадцать лет назад Олегу был год с небольшим, Дику — чуть меньше двух, Марьяны еще не было на свете. И они не помнили, как опустился здесь, в горах, исследовательский корабль «полюс». Их первые воспоминания были связаны с поселком, с лесом, повадки шустрых рыжих грибов и хищных лиан они узнали раньше, чем слышали от старших о том, что есть звезды и другой мир. И лес был куда понятнее, чем рассказы о ракетах или домах, в которых может жить по тысяче человек. Законы леса, законы поселка, возникшие от необходимости сохранить кучку людей, не приспособленных к этой жизни, простые законы выживания все время старались вытолкнуть из памяти землю и вместо памяти возродить лишь абстрактную надежду на то, что когда-то их найдут и когда-то все это кончится. Но сколько надо терпеть и ждать? десять лет? Десять лет уже прошло. Сто лет? Сто лет — значит, спасут, найдут не тебя, а твоего правнука, если у тебя будет правнук и если он, да и весь поселок смогут просуществовать столько лет. Надежда, жившая в старших, для второго поколения не существовала — она бы только мешала жить в лесу, но не передать им надежду было невозможно, потому что даже смерть человеку не так страшна, если он знает о продолжении своего рода. Смерть становится окончательной в тот момент, когда с ней пропадаешь не только ты, но и все, что привязывало тебя к жизни.

Потому и старшие, и учитель — все, каждый как мог, старались воспитать в детях ощущение принадлежности к земле, мысль о том, что рано или поздно отторженность прервется. И — оставался корабль за перевалом. Он существовал, его можно было достичь, если не в этот тысячедневный год, то в следующий, когда подрастут дети и смогут прийти

до перевала. Смогут, если захотят, потому что внутренне они оторвались от земли, потому что корабль для них чужд, а лес — свой. Это дарило им возможность выжить, которой были лишены старшие, но это и угрожало, в конечном счете, смертью поселку людской колонии. И так шестнадцать земных лет — пять с лишним местных.

Дик, Олег и Марьяна спускались в котловину, к кораблю.

Он оставался хоть и рос и был веществен и громаден — легендой, и никто из них не удивился бы, если при прикосновении к кораблю тот рассыпался бы в прах. Они возвращались к дому своих отцов, который пугал тем, что перешел в эту холодную котловину из снов и легенд, тех, что рассказывали при тусклом светильнике в хижине, когда за щелью окна, затянутого рыбьей кожей, рычит снежная метель или сыплет отдающий гнилью бесконечный дождь.

Существование корабля возродило сны и легенды, придав им новый смысл и привязав абстрактные картинки, рожденные воображением и потому неточные, к реальности этого тела. Этому противоречия старшие никогда не понимали, ведь для них за повестью о том, как грянула катастрофа, как пришел холод и тьма, за рассказом о пустых коридорах, в которых постепенно гаснет свет и куда прорываются снаружи сухие снежинки, — за всем этим скрывались зримые образы коридоров и ламп, молчание вспомогательных двигателей и щелканье счетчиков радиации. Для слушателей — Олега и его сверстников в рассказе понятны были лишь снежинки, а коридоры ассоциировались с чащей леса или темной пещерой. Ведь воображение питается лишь тем, что видно и слышано.

Теперь стало понятно, как уходили отсюда люди — тащили детей и раненых, хватали в спешке те вещи, которые должны понадобиться на первое время. В тот момент никто не думал, что им придется жить и умереть в этом холодном мире — гигантские масштабы и невероятная мощь космической цивилизации даже здесь вселяли ложную уверенность, что все случившееся, как бы трагично не было, лишь временный срыв, случайность, которая будет исправлена, как исправляются неприятные случайности всегда. Или почти всегда.

Вот тот люк.

Уходя, как рассказывал Старый, они закрыли его, а аварийную лестницу, по которой спускались на снег, отнесли в сторону, под нависшую скалу. Это место было отмечено на карте, но искать лестницу не пришлось — снег стаял, и она лежала неподалеку, голубая краска кое-где облезла, а когда Дик поднял лестницу, то отпечаток ее остался черным рисунком на снегу — снег под ней протаял до камней.

Дик пощелкал ногтем по стоякам.

— Легкая, — сказал он, — надо взять.

Никто не ответил ему. Марьяна с Олегом стояли поодаль и, запрокинув головы, разглядывали округлое брюхо корабля. Корабль казался совершенно целым, хоть сейчас лети дальше. И Олег даже представил себе, как он отрывается от котловины, поднимается, все быстрее, к синему небу и становится черным кружочком, точкой в синеве...

Усталости не было. Тело было легким и послушным, и нетерпение как можно скорее заглянуть внутрь чудовища смешивалось со страхом навсегда исчезнуть в замкнутой сфере корабля.

Олег перевел взгляд на аварийный люк. Сколько раз Старый повторял Олегу: «Аварийный люк не заперт, понимаешь, мы его только прикрыли. Ты поднимаешься к нему по лесенке, она легкая, и первым делом

замеряешь уровень радиации. Ее быть не должно, шестнадцать лет прошло, но обязательно замерь. Тогда радиация была одной из причин, почему нам пришлось так спешно уходить, мороз и радиация. Сорок градусов мороза, системы отопления не функционируют, радиационный фон — оставаться было нельзя. Хотя и идти тоже было нельзя — мы не знали, что сможем дойти до долины, где лес и где теплее». Дик бродил вокруг корабля, переворачивая наконечником копья пустые ящики и банки — там было много вещей, которые вытащили из корабля, но пришлось оставить.

— Ну что, — спросил Олег, — пойдём туда?

— Пойдем, — сказал Дик, поднял лестницу, приставил к люку.

Потом сам поднялся по ней, сунул в щель нож Томаса, нажал, нож сломался.

— Может, он защелкнулся? — спросила Марьяна снизу.

— Совсем ножей не осталось, — сказал Дик.

— Старый сказал, что люк открыт, — заметил Олег.

— Старый все забыл, — сказал Дик. — Разве можно верить старикам?

— Томас бы знал, что делать, — сказала Марьяна.

— Глупо, — сказал Дик. — Глупо замерзнуть здесь, под самым боком у этой махины.

Дик толкнул люк, ничего не получилось, ударил по нему кулаком, и Олегу показалось, что должен раздаться глубокий и долгий звон, но никакого звука не было. Олег, шевеля губами, хотя хорошо читал, отлично умел читать, прочел врезанные в корпус золотые буквы «полюс».

— Правильно, — сказал он. — «Полюс».

— Ты думал, что мы другой нашли? — сказал Дик и спрыгнул с лестницы вниз, в снег. Надо подумать. Так ее не вскрыть.

Марьяна дрожала.

— Странно, — сказала она. — Не было холодно. А теперь стало холодно.

— Есть охота, — сказал Дик. — Там, наверно, еды до черта. В железных банках. Она не портится. Томас говорил.

Олег полез по лестнице наверх, к люку, достал, опершись одной рукой о ледяной металл корабля, счетчик радиации и приставил его к узкой щели. Стрелка чуть дрогнула, но до красной отметки не дошла, далеко не дошла. В котловине было очень тихо, он слышал не только разговор внизу, даже дыхание Марьяны.

— Жалко, что Томас не дошел, — сказала Марьяна. — Так жалко, ты не представляешь.

— Конечно, жалко, — сказа Дик. — Только он бы все равно не дошел.

И мы бы из — за него не дошли.

— Не надо так говорить, — сказала Марьяна. — Он услышит и обидится.

— Он мертвый, — сказал Дик. — Мертвые не слышат.

— Я не знаю, — сказала Марьяна. — Может, и слышат.

Олег нажал на дверь люка, и дверь не поддавалась. Как ее потянуть на себя?

— Не получается? — спросила Марьяна. Облака затянули солнце, и сразу стало темнее, привычнее.

— погоди, — сказал Олег. — Почему мы тянем крышку на себя, почему толкаем, как дома? А если дверь в корабле открывалась иначе?

— Спускайся, чего уж там, — сказал Дик. — Я камень принесу.

— Камнем не одолеешь, — сказал Олег. Как может открываться дверь? Внутрь? Внутрь мы ее толкали. Дверца была немного утоплена в стене корабля, она уходила под обшивку. А что если попробовать толкнуть ее вбок? Так не бывает, но если корабль летит, лучше, чтобы дверь сама случайно не открылась. Олег сказал Дику:

— Дай нож.

Тот кинул Олегу нож, сунул руки подмышки и принялся притоптывать. Замерз. Даже он замерз. Пошел сухой снег. Они были одни во всем мире, они умирали от голода и холода, а корабль не хотел пускать их внутрь.

Олег вставил кончик ножа в щель и постарался толкнуть крышку в сторону. Та вдруг громко щелкнула и легко, словно ожидала этого, отошла вбок и исчезла в стене. Все правильно. Олег даже не стал оборачиваться и не стал кричать, чтобы все видели, какой он умный. Он решил задачу. Он любил решать задачи. Пускай задача была несложная, но другие ее решить не смогли. Олег заткнул нож за пояс и снова вынул счетчик радиации.

— Ой! — услышал он голос Марьяны. — Олег открыл!

— Это хорошо. Иди тогда, — сказал Дик. — Иди, чего стоишь?

Счетчик показал, что опасности нет. Все правильно.

— Там темно, — сказал Олег. — Дайте факел.

Даже когда было очень холодно, в последнюю ночь, они не стали сжигать факелы. К тому же факелы давали мало тепла, зато долго горели.

— Там тепло? — спросила Марьяна.

— Нет, — сказал Олег. Он принялся. В корабле сохранился чужой, опасный запах. Ступить внутрь было страшно. Но Олег вдруг понял, что теперь он главнее Дика, что Дику страшнее. Дик щелкал кремнем, разжигая факел. Факел занялся маленьким, почти невидимым в свете дня огнем. Дик поднялся до половины лестницы и передал факел Олегу. Но дальше не

пошел. Олег принял факел и протянул руку внутрь. Впереди была темнота, под ногами начинался ровный, шероховатый пол. Олег сказал громко, чтобы заглушить страх:

— Ну, я пошел. Берите факелы. И за мной! Я буду ждать внутри.

Пол под ногами чуть пружинил, как будто кора живых деревьев. Но Олег знал, что пол неживой и что таких деревьев на земле не бывает. Ему почудилось, что впереди кто-то подстерегает его, и он замер. Но потом понял, что так возвращается к нему отраженное чем-то эхо собственного дыхания. Олег сделал еще один шаг вперед, и огонь факела, ставший ярче, осветил стену, круглящуюся кверху. Блестящую и светлую стену. Он дотронулся до стены. Стена была холодной, как камень.

Вот я и дома, подумал Олег. У меня есть дом — поселок. А есть еще один дом, называющийся «космический исследовательский корабль «Полнос», который мне тысячу раз снился, и снился совсем не таким, как оказался в самом деле. А я тут был. Я даже тут родился. Где-то в темной глубине корабля есть комната, в которой я родился.

— Ты где? — спросил Дик. Олег обернулся. Силуэт Дика почти заполнил собой проем люка.

— Иди сюда, не бойся, — сказал Олег. — Здесь никого нет.

— Был бы — давно бы замерз, — сказал Дик громко, голос его улетел по коридору. Олег протянул ему свой факел, чтобы Дик мог зажечь свой, потом подождал, пока Дик, уступив место Марьяне, зажжет ее факел.

С тремя факелами сразу стало светлее. Только очень холодно. Куда холоднее, чем снаружи, потому что там был живой воздух, а здесь воздух мертвый. Коридор вскоре закончился дверью, но Олег уже знал, как ее открыть, и Дик с Марьяной увидели, как он это делает, и поняли, что в действиях Олега появилась уверенность, может, еще не настоящая уверенность, но большее единство с кораблем, чем у них, которым корабль казался страшной пещерой, и если бы не голод, не страх перед ледяной пустыней, они бы остались снаружи. Дойди с ними до корабля Томас, все было бы иначе. Олег не мог взять на себя роль проводника и толкователя тайн, но лучше Олег, чем никого.

За дверью был круглый зал, такого они никогда не видели. В нем мог разместиться весь поселок. Несмотря на свет трех факелов, его потолок пропадал в темноте.

— Ангар, — сказал Олег, заученно повторяя слова Старого. — Здесь посадочные катера и другие средства. Но узел питания был выведен из строя при посадке. Это сыграло роковую роль.

— И вынудило команду и пассажиров идти по горам пешком, —

продолжила Марьяна.

Старый на уроках заставлял их заучивать наизусть историю поселка, начало этой истории, чтобы не забывалась. «Без истории люди перестают быть людьми. Это касается отдельных особей и целых коллективов».

— С огромными жертвами... — произнес Дик, но не договорил, замолчал. Здесь нельзя было говорить громко.

Перед ними, преградив путь, лежал цилиндр длиной метров десять.

— Правильно, — сказал Олег, — это тот катер, который они вытягивали из ангара на руках, но не успели, надо было уходить.

— Как холодно, — сказала Марьяна.

— Он в себе держит холод с зимы, — сказал Дик. — Куда дальше? Дик признал главенство Олега.

— Здесь должна быть открытая дверь, — сказал Олег, — которая ведет в двигательный отсек. Только нам туда нельзя. Мы должны найти лестницу наверх.

— Как ты хорошо все выучил, — сказала Марьяна.

— Видишь, пригодилось, — сказал Олег.

Они снова пошли вдоль стены.

— Здесь должно быть много вещей, — сказал Дик. — Но как мы их понесем обратно?

— А вдруг те, кто здесь умер, ходят? — спросила Марьяна.

— Да кончай ты! Сейчас стукну, — сказал Дик.

— Разумеется, — Олег остановился.

— Что? Что ты увидел?

— Я догадался. Если загнуть концы у лестницы, ее можно нагрузить вещами и тащить за собой. Ну, как на санях, которые сделал Сергеев.

— А я думала, ты увидел мертвеца, — сказала Марьяна.

— Я об этом уже подумал, — сказал Дик, — но еще рано гнуть лестницу.

— Первая дверь, — сказал Олег. — Туда нам не надо.

— Я загляну, — сказал Дик.

— Там наверняка радиация, — сказал Олег. — Старый предупреждал.

— Ничего она со мной не сделает. Я сильный, — сказал Дик.

— Радиация невидима, ты же знаешь. Ты же учился. — Олег пошел дальше, неся факел близко к стене. Стена была неровной. В ней были ниши, открытые панели, с кнопками и холодно блестящими экранами. А вот Томас был инженером. Томас понимал, что значат эти кнопки и какую силу они в себе несут.

— Столько всего настроили, сказал Дик, все еще не примирившийся с

кораблем, — а разбились.

— Зато они прилетели через небо, — сказала Марьяна.

— Вот эта дверь, — сказал Олег. — Отсюда мы попадем в жилые помещения и в навигационный отсек.

Как это всегда звучало: «Навигационный отсек», «Пульт управления»! Как заклинания.

И вот он сейчас увидит навигационный отсек.

— А ты помнишь номер своей комнаты? — спросила Марьяна.

— Каюты, — поправил ее Олег. — Конечно, помню. Сорок четыре.

— Отец просил меня зайти и посмотреть, как все там. У нас десятая. А ты ведь родился на корабле?

Олег на ответил. Вопрос и не требовал ответа. Но странно было, что Марьяна думает так же, как и он, — странно, когда люди, которых ты считаешь не очень умными, вдруг думают о том же, о чем и ты.

Олег отвел в сторону дверь. И отпрянул.

Он забыл, что этого можно было ждать. Старый предупреждал, что в корабле может функционировать аварийное освещение, автономное, по принципу флюоресценции, то есть самосвечения. Есть такие краски, которые светятся многие годы. Такими красками покрашены некоторые коридоры и навигационный отсек Свет шел отовсюду и ниоткуда. И было светло. Достаточно, чтобы факелы как будто потухли, их свет был не нужен и невидим.

— Ой, — прошептала Марьяна. — А может, тут кто-то живет?

— Мертвецы, — попытался засмеяться Дик.

— Хорошо, что есть свет, — сказал Олег. — Но мы, наверно, найдем теплые вещи. И будем спать в комнате.

— Нет, — сказал Дик, который немного отстал и еще не вошел в светлый коридор. — Я не буду спать здесь.

— Почему?

— Я буду спать там, на снегу. Там теплее.

Олег понимал, что Дику страшно спать в корабле, но ему, Олегу, хотелось остаться здесь. Он не боялся корабля. Может, испугался сначала, когда было темно, но не сейчас. Это его дом.

— Я тоже не хочу здесь спать, — сказала Марьяна. — Здесь есть тени тех, кто жил. Я боюсь.

Справа стена коридора отошла вглубь, она была забрана прозрачным, как тонкий слой воды, материалом, и Марьяна вспомнила, что он называется стеклом. А за стеклом зеленые растения. С зелеными маленькими листьями, таких зеленых листьев в лесу не бывает.

— Они не схватят? — спросил Олег.

— Нет, — сказала Марьяна, — они замерзли. А к тому же на земле растения не двигаются, разве ты забыл, как нам рассказывала тетя Луиза?

— Это не так важно, — сказал Дик. — Пошли. Не вечно же гулять просто так. А вдруг тут нет еды? Я скоро умру от голода.

Странно, подумал Олег, мне совсем не хочется есть. Я так давно не ел, а есть не хочется. Это нервы.

Через десять шагов они увидели еще одну нишу, но в ней стекло было разбито. Марьяна протянула руку, чтобы дотронуться до растения.

— Нельзя, — сказал Дик.

— Я знаю лучше, я их чувствую. А это мертвые.

Она дотронулась до ветки, и листья рассыпались в пыль.

— Жалко, — сказала Марьяна. — Жалко, что нет семян, мы бы посадили их у поселка.

— Самое главное справа, — сказал Олег. — Направо будут склады. Давайте посмотрим, что там есть.

Они повернули направо. Посреди коридора лежал разорванный полупрозрачный мешок, и из него выкатилось несколько мягких белых банок видно, когда люди бежали с корабля, мешок разорвался, и не было времени чинить его.

Это было странное, чудесное пиршество. Они вскрывали банки, Дик ножом, а Олег догадался, что это можно делать без ножа, если нажать на края банки. Они пробовали содержимое банок и тюбиков. И почти всегда это было вкусно и незнакомо. И банок было не жалко, потому что там были целые комнаты, полные ящиков и контейнеров, там лежали миллионы банок и всяких других продуктов. Они пили сгущенное молоко, но не было рядом Томаса, который сказал бы, что это молоко, они глотали шпроты, но не знали, что это — шпроты, они выдавливали из тюбиков варенье, которое казалось им слишком сладким, они жевали муку, не зная, что это мука. Марьяна расстраивалась, что они так напакостили и на полу грязно, но, правда, расстраиваться она начала, когда уже наелась, и дальше они ели и открывали только из любопытства и не трогали одинаковых.

Потом их потянуло в сон — глаза слипались, словно вся усталость последних дней навалилась на плечи. Но все же Олегу не удалось уговорить спутников остаться на корабле и спать в нем. Они ушли вдвоем, и Олег, как только их шаги стихли в коридоре, вдруг испугался и еле сдержался, чтобы не побежать за ними. Может, побежал бы, если бы не хотел так смертельно спать. Он лег на пол, раздвинув пустые банки, и проспал много часов, но время здесь, на корабле, не двигалось, его ничем

нельзя было поймать. Олег спал без снов, без мыслей, глубоко и спокойно, куда спокойнее, чем Марьяна с Диком, потому что Дик даже в такой усталости несколько раз за вечер и за ночь просыпался и прислушивался — нет ли опасности. И тогда чутко просыпалась Марьяна, прятая голову на его груди. Они накрылись всеми одеялами и палаткой и им было не холодно, потому что вечером пошел густой снег и завалил палатку, превратил в сугроб, и сквозь сон Дик, слышавший, как шелестят снежинки, как ветер стучит в стену нависшего над ним корабля, думал: Как хорошо, что идет снег, и те звери, которые могут здесь водиться, их не заметят.

Олег проснулся раньше тех, кто спал снаружи, потому что замерз. Он долго прыгал, чтобы согреться, потом поел — это было удивительно: Не думать, хватит ли пищи. Немного болел живот, должен бы болеть сильнее, подумал Олег. Было стыдно глядеть на остатки пиршества, и Олег отодвинул в угол комнаты пустые и полупустые банки. Надо идти дальше, подумал он. Пойти позвать ребят? Нет, наверное, они еще спят — Олегу казалось, что его сон длился лишь несколько минут.

Он немного оглядится и тогда выйдет наружу и разбудит остальных. В корабле никого нет, давно никого нет, бояться нечего. Скоро придется уходить обратно — через два-три дня перевал завалит снегом. А мы тут спим. Разве можно тут спать?

Олег как настоящий житель леса отлично ориентировался. Даже в корабле. Он не боялся заблудиться и потому спокойно пошел по пандусу, ведущему наверх, в жилые помещения. Он хотел найти сорок четвертую каюту. Его каюту. Он знал, что пока не увидел ее, не будет здесь совсем своим.

Каюту с круглой табличкой «44» он нашел через час. Не потому что трудно было найти, просто он отвлекался в пути, потому что сначала попал в кают-компанию, где увидел длинный стол и где ему очень понравились установленные посередине хрустальные солонки и перечницы, и он даже положил в мешок по штуке, подумал, что мать будет рада, если он принесет ей такие вещи. Потом он долго рассматривал шахматы — видно, при ударе коробка упала на пол и разбилась, и фигуры рассыпались по ковру — ему никто не рассказывал о шахматах, и он решил, что это скульптуры неизвестных ему земных животных. И конечно, удивителен был ковер — у него не было швов, значит, его выделали из шкуры одного животного. Какое же животное на земле так велико и притом у него такие странные узоры на шкуре? Наверное, это морское животное, Эгле рассказывала, что самые большие животные обитают в море и называются китами. Только почему-то раньше Олег думал, что у китов гладкая шкура. Олег видел еще

много чудесных и непонятных вещей, и к исходу часа, который потребовался, чтобы добраться до каюты сорок четыре, он был переполнен впечатлениями, но впечатления, накапливаясь, вызывали отчаяние от собственной тупости, от собственной неспособности разобраться в вещах и от того, что Томас не дошел до корабля и не может сказать: Зачем, почему, — и было даже несправедливое раздражение против Томаса, словно тот, умерев, обманул Олега.

Перед дверью в сорок четвертую каюту Олег долго стоял, не решаясь открыть ее, хотя знал, что ничего особенного он там не увидит. И он даже понимал, почему. Пусть мать говорила много раз и все говорили, что его отец погиб при крушении корабля, что он был в двигательном отсеке, где раскололся реактор, все равно ему почему-то казалось, что отец может быть там, что отец мог потом, когда все ушли, думая, что он погиб, прийти в себя и добраться до каюты и там уже замерзнуть. Почему-то Олег никогда не верил в смерть отца и отец оставался живым на корабле, ожидающим, несчастным. Может, это происходило от внутренней убежденности матери, что отец жив. Это был ее кошмар, ее болезнь, которую она тщательно скрывала от всех, даже от сына, но сын об этой болезни отлично знал.

Наконец Олег заставил себя отодвинуть дверь. В каюте было темно. Стены ее были покрыты обычной краской. Пришлось задержаться, зажечь факел, и глаза не сразу привыкли к полутьме. Каюта состояла из двух комнат. В первой стояли стол, диван, здесь ночевал отец, во второй, внутренней комнате жила мать с ним, Олегом, с младенцем.

Каюта была пуста. Отец не вернулся в нее. Мать ошиблась.

Но Олега ждал иной сюрприз, иное потрясение.

В маленькой комнате стояла детская кроватка. Он сразу понял, что это сооружение с расстегнутыми и свесившимися ремнями, мягкое и как бы висящее в воздухе, предназначено для маленького ребенка. И вот почему-то недавно, минуту назад, — ребенка унесли отсюда, в спешке даже оставили один очень маленький розовый носок и погремушку, разноцветную погремушку. Олег, еще не осознав до конца, что встретился с самим собой в этом заповеднике остановившегося времени, поднял погремушку и взмахнул ею, и именно в этот момент, услышав звук погремушки и, как ни странно, узнав его, он осознал реальность корабля, реальность этого мира, более глубокую и настоящую, чем реальность поселка и леса. В обычной жизни нельзя встретиться с самим собою. Вещи исчезают, а если что-то и остается, то остается как память, сувенир. А здесь, в петле, прикрепленной к бортику кровати, висела недопитая бутылочка с молоком, молоко замерзло, но молоко можно было растопить и допить. Вернуться через

шестнадцать лет и допить.

И, увидев себя, встретившись с собой, осознав и пережив эту встречу, Олег принялся искать следы двух других людей, бывших здесь, по ту сторону остановившегося времени, — отца и матери.

Мать найти было легче. Она бежала отсюда, унося его, Олега, поэтому в ее кровати, в глубине каюты, валялся скрученный, смятый, сорванный второпях халат. Мягкая туфля высовывалась из-под кровати. Книга, заложенная листком бумаги, лежала на подушке. Олег поднял книгу, осторожно, боясь, не рассыплется ли она, как то растение в коридоре. Но книга отлично перенесла мороз. Книга называлась «бесы» и написал ее Достоевский. Толстая книга, а на закладке набросаны формулы — мать была химиком-теоретиком. Олег никогда не видел книги, потому что книг в тот момент никто не брал с корабля, Олег слышал имя Достоевского на уроках тети Луизы, но не думал, что писатель может написать такую толстую книгу. Олег взял книгу с собой. И он знал: Как бы ни было тяжело идти назад, он ее донесет. И этот листочек с формулами. И потом, подумав, он положил в мешок туфли матери. Они казались очень узкими для разбитых ног матери, но пускай они у нее будут.

А следы отца, хоть и были вещественны и очевидны, почему-то не произвели на Олега такого впечатления, как встреча с самим собой. Это случилось потому, что отца в тот момент, когда корабль разбился, не было. Он ушел раньше. Он ушел на вахту, прихватив за собой, когда мать и Олег спали, — отец был аккуратным человеком, не терпел беспорядка. Его книги стояли в ряд на полке, за стеклом, его вещи висели в стенном шкафу... Олег вынул из шкафа форму отца. Наверное, он не надевал ее на корабле, форма была совсем новая, синяя, плотная, с двумя звездочками на груди, с тонким золотым лампасом на узких штанах. Олег вынул ее из шкафа и приложил к себе — мундир был немного великоват. Тогда Олег надел его поверх своей куртки, и он стал впору, только пришлось чуть подогнуть рукава. Штаны он завернул снизу. И это было удобно. И в этом не было неправильности. Ведь если бы отец жил в деревне и ходил в этой форме, он разрешил бы Олегу иногда надевать ее.

Теперь корабль окончательно принадлежал Олегу. Даже вернувшись в лес, он всегда будет тосковать по кораблю и стремиться обратно, сюда, как стремится Старый и как стремился Томас. И в этом тоже не было ничего плохого, в этом была победа Старого, который не хочет, чтобы те, кто растет в деревне, стали частью леса. Теперь Олег окончательно понял, о чем думал Старый, и слова его приобрели смысл, осознать который можно было только здесь.

Олег догадался откинуть крышку стола, и там, с внутренней стороны, оказалось зеркало. Олегу приходилось видеть свое отражение в тихом пруду и в маленьком зеркальце, которое Кристина берегла, как самую главную ценность. Но в большом зеркале он не видел себя никогда. И, глядя на себя, он осознал раздвоение, но это раздвоение не было противоестественным ведь там, за открытой дверью, только что был он, Олег, годовалый, он даже не допил молоко. А теперь он стоит перед зеркалом в мундире отца. Хоть сейчас совсем не похож на отца, потому что его лицо обморожено, обветрено, обтянуто темной кожей, с ранними морщинами от недоедания и жестокого климата. Но он все-таки вырос, вернулся, надел мундир и стал членом экипажа корабля «полюс».

В письменном столе Олег нашел записную книжку отца, половина страниц в ней была чистой, не меньше ста пустых белых листиков, целое сокровище для Старого — можно будет учить ребят, рисуя на бумаге разные вещи, чтобы они видели и понимали, потому что им надо будет, как подрастут, обязательно вернуться к кораблю. И еще он нашел там несколько объемных цветных картинок, фотографий с видами земных городов, и тоже взял с собой. Некоторые другие вещи были непонятны, и их Олег трогать пока не стал — он понимал, что возвращение к поселку будет трудным. Но одну вещь он взял, потому что сразу догадался, что это такое, и понял, как будет счастлив Сергеев и как будет счастлив Вайткус, который рисовал ему эту вещь на влажной глине и много раз повторял: «Я никогда не прощу себе, что никто из нас не взял бластера. Ни один человек». «Ты зря казнишься, — отвечал Старый, — для этого надо было возвращаться на мостик, а там была смертельная радиация». Оказывается, бластер лежал у отца в столе.

Рукоять надежно легла на ладонь, холодная, тяжелая рукоять.

И чтобы проверить, есть ли в бластере заряд, он направил его на стену и нажал спуск — из бластера вылетела молния и опалила стену. Олег зажмурился, и еще с минуту после этого в глазах прыгали искры. И Олег вышел в коридор с бластером в руке. Теперь он был не только хозяином корабля, теперь он получил возможность говорить с лесом не как проситель нас не трогайте, нас не трогайте...

В коридоре Олег остановился в раздумье. Хотелось пойти в навигационный отсек или в узел связи, но разумнее вернуться на склад, потому что если Дик с Марьяной пришли туда, они будут волноваться.

Олег быстро прошел обратно, но склад был пуст. Никто туда не заходил. Ну что ж, пойдём, разбудим. К тому же, хоть Олег в этом себе не признавался, хотелось показаться им в мундире космонавта, хотелось

сказать: «Вы проспите все на свете. А нам пора улетать к звездам...» Олег не тушил факела даже в освещенном коридоре, на этот раз он пересек ангар напрямик, путь оказался куда короче, чем вчера, — он уже привык к кораблю. Впереди показался яркий свет — люк наружу был приоткрыт. Они его забыли закрыть. Хотя это здесь неважно, на такой высоте в снегу вряд ли водятся звери — что им тут делать?

Олег зажмурился и постоял так с минуту, пока глаза привыкали к солнечному свету. Солнце стояло высоко, ночь давно прошла. Олег раскрыл глаза. И испугался.

Никаких следов Дика и Марьяны — снег за ночь сравнял и сгладил вчерашние следы — снег без единого темного пятна.

— Эй! — сказал Олег. Негромко. Тишь стояла такая, что страшно было ее разбудить.

И тут же Олег заметил, как что-то белое зашевелилось метрах в двадцати от корабля, в его округлой тени.

Там был невысокий пологий снежный холм. И зверь, белый, почти сливающийся со снегом, какого раньше Олегу не приходилось видеть, похожий на ящерицу, только мохнатую, длиной метра в четыре, осторожно, словно боясь спугнуть добычу, разрывал этот холм. Олег как зачарованный глядел на зверя и ждал, что будет дальше, — он не связал белый сугроб с ночевкой Дика и Марьяны, и даже когда лапы зверя разгребли снег и там показалось темное пятно покрывала палатки, он все равно стоял неподвижно.

Но в этот момент проснулся Дик, он сквозь сон услышал, как ворочается над ними зверь, и его нос уловил чужой опасный запах этого зверя. И Дик, выхватив нож, рванулся из-под палатки, но запутался в одеялах. Олегу показалось, что снежный сугроб внезапно ожил, взметнулся вверх столбом снега, ожившей, рвущейся наружу кучей шкур, а зверь, ничуть не испуганный этим взрывом, а наоборот, убедившийся в том что не ошибся, раскапывая добычу, сцапал когтистыми лапами комок шкур и старался придавить к земле, придушить, рыча и радуясь добыче.

Олег — лесной житель, нащупывал рукой у пояса нож и примеривался для прыжка, глазами уже пытаюсь угадать, где у этого белого зверя уязвимое место, куда надо вонзить нож, а Олег — житель корабля и сын механика, вместо ножа выхватил бластер, но стрелять отсюда, сверху, издали не стал, а спрыгнул в снег и бросился к зверю, сжимая в руке оружие. Зверь, увидев его, поднял морду и зарычал, отпугивая Олега, видно, приняв его за конкурента, и тогда, уж без опаски попасть в Дика, Олег остановился и всадил в оскаленную морду заряд бластера.

Пока Дик с Марьяной, пообедав и обойдя корабль, стаскивали к выходу то, что надо взять с собой, Олег забрался на самый верх, в навигационный отсек. Он звал Дика с собой, но тот не пошел — ему уже достаточно было добычи. Не пошла и Марьяна — Олег показал ей, где находится госпиталь, и она отбирала лекарства и инструменты, которые описала ей Эгле. А надо было спешить, потому что снова пошел снег и заметно похолодало. Еще день, и из гор не выбраться — снег будет идти много дней, и морозы усилятся до пятидесяти градусов. Так что Олег оказался в навигационном отсеке один.

Он постоял несколько минут в торжественном окружении приборов в центре корабля, создание которого было немислимым подвигом миллионов умов и тысяч лет человеческой цивилизации. Но Олег не испытывал ни ужаса, ни безнадежности. Он знал, что теперь поселок, по крайней мере для него, Олега, превратился из центра вселенной во временное убежище на те годы, пока корабль не станет истинным домом, пока они не поймут его настолько, чтобы с его помощью найти способ сообщить о себе земле. Для этого надо, старшие тысячу раз обсуждали, восстановить аварийную связь. Пускай не сегодня, пускай через много лет, потому что этому надо научиться. И Олег вошел в радиоотсек, потому что Старый сказал ему, где искать справочники и инструкции по связи, те, которые надо понять прежде, чем умрет Старый и умрет Сергеев, которые могут помочь ему, Олегу, и тем, кто придет вслед за Олегом.

В радиоотсеке было полутемно. Олег не сразу отыскал ящик с инструкциями. Он вынул справочники, их оказалось много, и неизвестно, какой нужнее. Но Олег знал, что он скорее выкинет туфли матери, чем эти книги. Он рад бы взять с собой какие-нибудь детали, инструменты, которые пригодятся, но понимал, что это придется отложить до следующего раза когда он будет понимать смысл этих экранов и панелей. Все, можно идти...

И тут внимание Олега привлекло слабое мерцание в углу на панели, полуприкрытой креслом оператора. Олег осторожно, словно к Дикому зверю, подошел к тому месту.

На панели равномерно вспыхивал зеленый огонек. Вспыхивал и гас.

Олег попытался заглянуть за панель, чтобы понять, почему это происходит, но не удалось. Он уселся в кресло оператора и начал нажимать на кнопки перед панелью. Тоже ничего не произошло. Огонек все таки же мерцал. Что это означает? Почему огонек? Кто оставил его? Кому он нужен? рука Олега дотронулась до ручки, которая легко подалась и сдвинулась вправо. И тогда из-за тонкой решетки рядом с огоньком донесся тихий человеческий голос:

— Говорит Земля... говорит Земля... — Затем раздался писк, в такт мерцанию огонька, и в писке был какой-то непонятный смысл. Через минуту голос повторил: «Говорит Земля... говорит Земля...» Олег потерял ощущение времени. Он ждал снова и снова, когда раздастся голос, которому он не мог ответить, но который связывал его с будущим, с тем моментом, когда он ответить сможет.

Его вернул к действительности звоночек наручных часов — часов, которые нашел в своей каюте Дик и отдал ему. Часы звенели через каждые пятнадцать минут. Может, так было нужно. А может, они были неисправны.

Олег поднялся и сказал голосу земли:

— До свидания.

И пошел к выходу из корабля, волоча пол-мешка справочников, в которых не понимал ни слова.

Дик с Марьяной уже ждали его внизу.

— Я за тобой собирался, — сказал Дик. — Ты что, хочешь здесь навсегда остаться?

— Я бы остался, — сказал Олег. — Я слышал, как говорит земля.

— Где? — воскликнула Марьяна.

— В радиоотсеке.

— Ты ей сказал, что мы здесь?

— Они не слышат. Это какой-то автомат. Ведь связь не работает. Разве ты забыла?

— А может, теперь заработала?

— Нет, — сказал Олег. — Но обязательно заработает.

— Ты это сделаешь?

— Вот, — сказал Олег. — Это все книги. И я их выучу.

Дик скептически хмыкнул.

— Дик, Дидушка, — взмолилась Марьяна. — Я только сбегая туда и послушаю голос. Пойдем вместе, а?

— Кто все это будет тащить? — спросил ворчливо Дик, глядя на мешок с книгами. — Ты знаешь, сколько снега на перевале?

Он уже снова чувствовал себя главным. Из-за пояса у него торчала рукоять бластера. Но арбалет он, разумеется, не бросил.

— Дотацу, — сказал Олег и бросил мешок на снег. — Пошли, Марьяшка. Ты слушаешь голос. Тем более, что я, конечно, забыл самое главное. В госпитале есть небольшой микроскоп?

— Да, — сказала Марьяна. — Даже не один.

— Ладно, — сказал Дик. — Тогда я схожу с вами.

Они втроем впряглись в сани и волокли их сначала вверх по крутому

склону котловины, потом по плоскогорью, потом вниз. Шел снег, и было очень трудно. Но было не холодно. И было много еды. Пустые банки они не выкидывали.

На четвертый день, когда начали спускаться по ущелью, где тек ручей, они вдруг услышали знакомое блеяние.

Коза лежала под скальным навесом у самой воды.

— Она нас ждала, — закричала Марьяна.

Коза исхудала, так, что, казалось, вот-вот помрет. Три пушистых козленка возились у ее живота, стараясь добраться до сосков.

Марьяна быстро откинула покрывало на нартах и стала искать в мешках, чем бы накормить козу.

— Смотри, не отрави ее, — сказал Олег. Коза показалась ему очень красивой. Он был рад ей. Почти как Марьяна. И даже Дик не сердился, он был справедливым человеком.

— Молодец, что от меня убежала, — сказал он. — Я бы тебя наверняка убил. А теперь мы тебя запряжем.

Правда, козу запрячь не удалось. Надувая хобот, она вопила так, что тряслись скалы, к тому же козлята тоже оказались крикливыми созданиями и переживали за мать.

Так и шли дальше: Дик с Олегом волокли нарты, Марьяна поддерживала их сзади, чтобы не опрокинулись, а последней шла коза с детенышами и канючила — ей вечно хотелось жрать. Даже когда спустились к лесу, и там были грибы и корешки, она все равно требовала сгущенного молока, хотя так же, как и путешественники, не знала еще, что эта белая, сладкая масса называется сгущенным молоком.